

ДАРЬЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

05/2024

Заур
ГАНАЕВ
Грозный
С. 6–13

Марина
БИТКОВА
Нальчик
С. 220–227

Дарья
БЛАГОВА
Кавминводы
С. 14–21

Тимур
ХУГАЕВ
Владикавказ
С. 64–75

Лилия
ЖИДКОВА
Ставрополь
С. 82–93

Асват
ЯНГИЕВА
Махачкала
С. 104–123

ТЕМА НОМЕРА:
ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

В Л А Д И К А В К А З
2 0 2 4

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

* * *

ВЫХОДИТ С 1991 ГОДА

16+

Главный редактор

А. И. ЦХУРБАЕВ

Зам. главного редактора

О. Э. ТОТРОВА

Редакционный совет:

И. Г. ГУРЖИБЕКОВА

М. С. ДЗАСОХОВ

В. О. КОЛИЕВ

Т. А. САЛАМОВ

И. А. ТАБОЛОВА

Ф. С. ХАБАЛОВА

А. Л. ЧИБИРОВ

В. Т. ЧШИЕВ

Адрес редакции:

362040, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 1

Телефоны: (8672) 53-60-30

(8672) 53-58-10

(8672) 54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru

http: www.darial-online.ru

Свидетельство

о регистрации средства массовой информации

ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017

Выдано Управлением Федеральной

службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Республике Северная Осетия-Алания

Выход в свет 31.10.2024
Формат бумаги 60 x 90^{1/16}
Бум. офсетная
Гарнитура шрифта MurgidPro
Печать офсетная
Усл. п. л. 15 + 1 п. л. цветная вклейка
на мелованной бумаге
Заказ № 493
Тираж 600 экземпляров

АО «Осетия-Полиграфсервис»
362015, г. Владикавказ,
проспект Коста, 11
Телефон: (8672) 25-97-94

Цена свободная

Учредитель и издатель:

Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия-Алания

Адрес: 362040, Республика

Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 102

Телефон: (8672) 33-33-69

Рукописи не возвращаются
и не рецензируются

Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов

05/2024 (184)

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

© ДАРЬЯЛ № 5 2024

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- 4 **Алан ЦХУРБАЕВ**
«Журнал — это явление»

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- 6 **Заур ГАНАЕВ**
Раньше в новых городах. *Стихи*
- 14 **Дарья БЛАГОВА**
Суп поминачный. *Рассказ*
- 22 **Агунда ГОБОЗОВА**
Сын охотника. *Легенда*
- 48 **Зарина ХАДАЕВА**
Эстетизация. *Стихи*
- 54 **Георгий ХОСТИКОЕВ**
Маленькое несчастье. *Рассказ*
- 64 **Тимур ХУГАЕВ**
Конфеты. *Рассказы*
- 76 **Сергей ДЖИОЕВ**
А чем измерить жизнь? *Стихи*
- 82 **Лилия ЖИДКОВА**
Ставропольский свет. *Повесть в новеллах*
- 94 **Давид ШАНАЕВ**
Муха. *Рассказ*
- 100 **Аминат ХОДОВА**
«Музыканты, не бойтесь петь громче». *Стихи*
- 104 **Асват ЯНГИЕВА**
Горянка и отец. *Лирические миниатюры*
- 124 **Маргарита АРДАШЕВА**
«Посреди степи возведи маяк». *Стихи*

ЦИТАТА

- 129 **Руслан БЕКУРОВ**

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- 130 **Александра ЛОБОВА**
«Кто объяснит богам...»
Стихи
- 136 **Магомед ДАЦЕВ**
Ноги. *Рассказ*
- 146 **Батраз ХАСИЕВ**
«Я давно уже жду, когда вырастет мой сын». *Стихи*
- 152 **Азамат КАРГИНОВ**
Блики. *Рассказ*
- 166 **Ризван ДИГРУБЕР**
«Мой город будто бы распят ветрами». *Стихи*
- 172 **Олег АБАЕВ**
Телефон. *Рассказ*

ПЕРЕВОДЫ

- 186 **Полина ВИЗИРОВА**
Искусство отпускать.
Переводы с английского
- 190 Мосты дружбы.
Переводы с осетинского

ИНТЕРВЬЮ

- 202 Диана Бигаева:
«Осетия — это дао!»

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

- 220 **Марина БИТОКОВА**
Русский акцент кавказских писателей: Осетия и Абхазия
- 228 Книжные рецензии студентов СОГУ

- 238 **АВТОРЫ НОМЕРА**

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА

Мадина БЕЛИКОВА, Диана ГОБЕТИ
Живопись

Алан ЦХУРБАЕВ

«ЖУРНАЛ — ЭТО ЯВЛЕНИЕ»

«Дарьял» менялся всегда, можно сказать с первых дней своего существования. Менялся дизайн, менялась периодичность выхода, добавлялись специальные выпуски и т. д. Руслан Тотров, создатель журнала, всегда находился в поиске новых идей, новых направлений для его развития. И это правильно: толстый литературный журнал — это сплошной эксперимент, растянутый во времени. Это он только с виду толстый, а в жизни, чтобы остаться на плаву, ему надо быть очень подвижным. Журнал — это процесс, требующий постоянной работы и постоянного внимания. Это точка входа в литературу для новых авторов, у которых, возможно, впереди большое будущее и тома книг, но чтобы эти тома появились, чаще всего нужна первая публикация в «толстяке».

Для писателя книга — это точка, подведение каких-то итогов, например какого-то творческого периода. Он в этой книге уже состоялся, а в журнальной публикации он все еще ищет себя, нащупывает свой путь. Именно на этом этапе в жизнь автора должен включаться журнал, чтобы поддержать его, помочь ощутить свои силы. Это отличие понимают, увы, немногие. Например, когда меня просят дать почитать «несколько книг вашего журнала», я понимаю, что разговор будет недолгим. Не понимают это часто даже в самих журналах — бывает, закрываются в редакциях от остального мира и десятилетиями не подпускают в свои издания талантливую молодежь. Руслан Хазбатрович был другим, ему была интересна жизнь, а не консервация собственной важности. Вот его слова:

«Книга — это факт, а журнал — явление. И как явление журнал не имитирует, а воистину служит тягловой лошадкой литературного процесса. И культурного, естественно, поскольку является — с его разномельем и неуклонной периодичностью — наиболее приближенным отображением общества времен его развития или упадка».

Поэтому «Дарьял» никогда и не стоял на месте. Номер, который читатель держит в руках, тоже открывает новую страницу в жизни издания. Мы представляем совершенно новый дизайн «Дарьяла», и это не просто новая обложка — изменился наш логотип, шрифты, внутренняя организация. Хотя частично сохранен и «старый» дизайн, внимательный читатель это заметит. И все это сделано с учетом тех самых ценностей журнала, заложенных при его основании и сформированных за годы работы. Эти ценности, очень емко сформулированные, перечислены на последней странице обложки журнала. Автор нового лица «Дарьяла» — Диана Бигаева, большой специалист своего дела, художник-график и профессиональный дизайнер. Подробнее о всех нововведениях вы можете прочитать в интервью с ней на странице 202. Я бы даже рекомендовал именно с него и начать чтение этого номера.

Когда я только возглавил журнал в 2018 году, не прошло и месяца, как во Владикавказ на молодежный писательский форум прилетел главный редактор журнала «Дружба народов» писатель Сергей Надеев. Мы очень мило общались на веранде одного из городских кафе с ним и его супругой, поэтессой Галиной Климовой. Я, признаться, робел в их компании — люди с огромным писательским и редакторским опытом, а я совсем новичок. Сергей Александрович дал мне тогда очень дельный и простой совет:

◆ — • *«Раз уж стал главным в журнале,
меняй что-нибудь».*

Но то, как именно он это сказал, очень мягко и тактично, значило больше самих слов. Я понял это так: «Речь не о резких переменах и не о революции, но все же, раз уж взял эту ответственность, то не будь пустым местом. Не спеши, делай это мягко, но все-таки делай». И это тот редкий случай, когда я к совету прислушался и не пожалел.

В подтверждение этому приведу слова одного моего хорошего знакомого, которого я встретил на улице совсем недавно. Он, давний читатель журнала, прекрасно его знающий, сказал мне в разговоре: «За что я люблю ваш журнал, так это за то, что вы постоянно меняетесь, но остаетесь собой». И это было очень приятно услышать.

Заур ГАНАЕВ

РАНЬШЕ В НОВЫХ
ГОРОДАХ

СТИХИ

*Лебеди, чайки, утки, голуби,
Что вы забыли в этом бездушном городе?* }

* * *

Утром я сказал

Когда у меня отбирали правду
или Когда у меня отбирали сердце
или Когда мой дом был хрупким как паутина
Тогда я не знал о тебе

Если бы я знал
То боялся б меньше

Но и эти слова сон

ОЩУЩЕНИЕ СМЕРТИ

1

Поэт ощущает приближение смерти,
Ибо участвует в собственной гибели.
Каждую ночь его поджидает пуля рассвета
В знаменитом песочном кителе.

Я засыпаю, от беспокойства корчась,
Морщась от солнца моих скитаний.
Что впереди там: песня, порча,
Почва Кордóвы или новый Сталин?

2

Как мы устали учиться жизни,
Не прогибаясь, стоять за правду,
Не ощущать под собой отчизны,
Но ощущать ее словно травму

И приближать ощущение смерти,
Дабы за нас говорили звезды.
Что там сегодня скопилось в сердце:
Пепел, молитвы, обиды, слезы?

Сентябрь 2023, Мадрид

* * *

Все наши встречи случаются на минном поле

иногда тебе отрывает ногу
иногда голову

никто не вернулся уцелевшим

а стоны мучеников
до сих пор разносит по свету
ветер поэзии

Май 2023, Шомон, Франция

* * *

• Я ночью слушал Баха и старел.
• И сон не шел. И свет болезный тлел.
• И над пустыней плакали созвездья,
• Как гроздья виноградные, как весь я,

Оторванный от плоти и могил,
От гениев, из тени коих пил
Героику, величие обета,
Бесстрашие любви и твердость света.

И шум блуждал. И крылья тяжелели
Над озером — подобно ожерелью
Летающих птиц. Господь нас всех обрек
На эту красоту и этот рок.

Май 2023, Шомон, Франция

* * *

У Атлантики на краю
В стороне от любви стою

Воздух чист как глаза ребенка
За плечами стихов котомка

Муза с первого дня страшна
Но зато она мне верна

За спиной континент и гибель
И предательство в чистом виде

Я сейчас навсегда уйду
Это надо иметь в виду

* * *

Я говорю о нежности
Глубокой безнадежности
Эмоциям подверженности
Любви и невозможности

Я призываю облако
Дремоту утешения
Стихотворений олово
Прощение и мщение

✦ Я странствую я плаваю
Ломаюсь словно веточка
И распадаюсь падаю
За клеточкою клеточка

* * *

Лебеди, чайки, утки, голуби,
Что вы забыли в этом бездушном городе?

Видел ли я вас дома? Видели ли вы мой дом?
Кому из вас я знаком, точно в горле ком?

Весть ли какую кто спрятал в заносчивом клюве?
Или, быть может, послание в виде пули?

Строго внимая обиде моей и отчаянию,
Чайки, почему вы не отвечаете?

Речь и душа — это то, что лишилось защиты,
Птицы, стихи мои, пожалуйста, не молчите.

Вздрагивайте! Кричите!

Декабрь 2023, Страсбург

* * *

Если и скучать, то по тебе скучать.
На всем, куда гляжу, твоя печать.
Твоя печаль сквозь отражение лака
На темном дереве стола, ночного мрака.

И если я молчу, то о тебе молчу:
Листаю жизнь и дую на свечу.
И знаю, для кого я важен и неважен.
И Бах из прошлого играет мне адажио.

* * *

Голубь мраморный,
Птица ветров и свободы,
Где твоя мама?
Где твои молодые годы?

Где твоя родина,
Птенчик с подбитою лапкой?
Это она тебя изуродовала?
Говори правду.

Только не плачь,
Мой хороший.
Родина любит обняться сладко.
Только она в прошлом,
А будущее — загадка.

* * *

Над Рейном чайки белые плывут —
Я вспоминаю боль моих собратьев —
Их голоса далекие поют.
Их голоса поют о невозврате.

Я вижу сон. Мне больно видеть сны.
В них родина моих печальных предков.
Душа моя сиротская, усни,
Укрывшись пеплом.

По снам и тротуарам семена,
Я знаю связь с потусторонним светом.
И каждый крик проходит сквозь меня
Холодным ветром.

Холодным ветром я прибит к пути,
Прибит к любви и голосам из детства.
Душа моя, усердствуй не сойти
С ума и сердца.

* * *

Раньше в новых городах
Поэзия глядела на меня своими красивыми умными глазами
Ее бутоны вспыхивали тут и там
Источая свет и слезы

Сейчас поэзия это одинокий тополь на отшибе
К которому нужно прокладывать желание

Паром несет меня по мраморной ухабистости Босфора
Над городским стамбульским полотном горит закатное солнце
Способное довести до слез

А я не могу оторвать глаз
От корабельной цепи
Звенящей в моей памяти

Декабрь 2022, Стамбул

К СОЧУВСТВИЮ

Сколько раз они вынимали из тебя сердце,
И ты лежала на столе, как поломанная музыкальная шкатулка?
Замерло ли тогда дыхание листвы в деревьях?
Что было с морем и чайками?
Где был твой сон?

Как это ты не сошла с ума,
когда в тебя положили сердце и повернули ключ?
Где был твой крик?

НА ГРАНИ ФИЛОСОФИИ

Хочется уснуть и не проснуться
Хочется к любимой прикоснуться
Приласкаться лодкою прибиться
Хочется из родника напиться

Хочется закрыть глаза и память
Хочется себя смертельно ранить
Протаранить зло и неудачу
Распатронить не щеку а сдачу

Хочется дойти до грани сердца
Хочется о нежность опереться
Напороться на покой и пепел
И подняться над собой как ветер

* * *

Иногда и я считаю
То есть дни мои считаю

То есть времени ничтожно
То есть объясниться сложно

То есть молодости мало
То есть молодости мало

То есть скоро успокоюсь
Как коробочка раскроюсь

То есть улетит сознание
Или как ему название

То есть сколько чисел в небе
То есть я еще там не был

Где прекрасно где прекрасно
То есть я считаю страшно

Январь 2024, Малага, Испания

* * *

Мои стихи обрели молчание
Качание на ветвях молчания

Мои стихи обрели течение
Под слоем грубого их прочтения

Мои стихи это плащ бездомного
Это то что теряется среди огромного

Это море и кораблекрушение
Иногда это грустное возвращение

Ко всему что от сердца и глаз оторвано
От болящего денно и ночью органа

Мои стихи отбывают с облаком
На ветру заплывшим бумажным ворохом

Иссякают с голосом убывают с красками
И со всем что делалось понапрасну

Сентябрь 2023, Мадрид, Испания

Дарья БЛАГОВА

СУП ПОМИНОЧНЫЙ

РАССКАЗ

— Ты *ДОЛЖНА* съесть суп полностью,
так *ПРИНЯТО* }

Рита смотрела на пустырь через окно своей хрущевки.

Всю Ритину двадцатилетнюю жизнь соседи пытались вырастить на пустыре деревья. Из грязи, по которой был размазан поздненоябрьский снег, торчали кривые палки-саженцы, штук пятнадцать. Кто-то навтыкал вокруг каждого из них деревянные доски. «Чтобы собаки не ссали», — сказала как-то Марина. Рита не видела, чтобы собаки ссали на саженцы, но почему-то никакие деревья у них за окном не приживались. Каждую весну соседи, в основном пожилые, выходили во двор, передавали друг другу распечатки из интернета, выкорчевывали старые палки и закапывали новые. Они верили, что на этот раз точно получится, но Рита знала, что саженцы снова засохнут, каждый из саженцев.

Рита слышала все, что происходило в прихожей. Сначала один мужской голос, потом второй. Говорили: «Соболезнуем вам», «Вашей утрате соболезнуем». И Марина, вся печальная, вздыхающая, отвечала: «Спасибо вам, спасибо». Потом закрутилась беседа, превратилась из медленной, рыхлой в тугую и звонкую. И вот Марина уже хохочет, мужчина просит «номерок». Марина, кажется, не возражает. Риту зашлошило. Она сама не поняла от чего.

Рита посмотрела на раму, залепленную бумажным скотчем, поковыряла его ногтем-лопаткой. Повернула голову влево, затем вправо, оба раза получилось не очень, потому что чем дальше за спину пыталась заглянуть Рита, тем сильнее что-то кусалось у нее в животе. Рита закрыла глаза, развернулась и задрала голову. Когда глаза открылись, они могли смотреть только на люстру. Рита повела зрачками влево и увидела верх мебельной стенки. Скользнула по ее торцу, затем по стене к полу.

Прямо перед Ритой растягивалось большое, темное, прямоугольное, загромождающее всю комнату пятно, на которое она совсем не

хотела смотреть. Но ей все равно придется, много раз придется. Рита решила, что будет проще сначала увидеть снизу. Она села на корточки, потом встала на руки, доползла до середины гостиной и легла на спину. Табуреточные прямоугольники из потемневших досок, коричневые козьяки на них, металлические крепежи для ножек. Между двумя табуретками тянулся темно-бордовый велюр, по краям — что-то бутафорски золотое. Рита дышала, слушала дыхание, дышала. Привыкала.

— Ты что, больная?

В комнату зашла Марина, которая говорила о себе, что она эффективная женщина, на самом деле она так не считала, потому что у нее всегда что-то было лишним или ей чего-то не доставало, но мужчины, с которыми занималась сексом Марина, соглашались с тем, что она эффективная. Каждое утро Марина выдавливала лимон в кружку с водой и выпивала все залпом. Она не ела после шести. Сегодня, даже сегодня, она выдавила лимон и наверняка не собиралась есть вечером.

Ритин город был не большой, но и не маленький, такие города называют областными центрами. Он был не на севере и не на юге, а посерединке. В городе были кафе, барбершопы и даже два арт-кластера, но с покойниками здесь часто прощались дома. Район, где жила Рита, был первым панельным районом в городе, так что из ее дома, вероятно, вытряхнули много гробов. Рите было бы интересно узнать, сколько именно гробов вывалились из ее подъезда и остались ли от них ямки в стенах. Потому что втискивать гроб в узкое горло хрущевского подъезда очень нелегко, но для этого и существовали люди со специальным навыком заносить гробы в панельки.

Потом в квартиру набились родственники и соседи, кто-то даже плакал. Рите все-таки пришлось посмотреть на труп ее бабушки, и тогда она подумала, что такая конструкция, когда говорят «труп кого-то» или «чье-то тело», очень подходит, потому что от человека там ничего не остается, в гробу лежит предмет, принадлежавший человеку. Рита была рада, что все-таки заглянула в гроб, потому что теперь было легко думать, будто бабушка где-то не здесь, отдыхает, а это просто вещь, которой она владела.

На кухне пили водку. Как рано начали. Рита сидела на унитазе, просто на крышке, чтобы спрятаться. Даже оттуда она чувствовала запах колбасы. Ее лицо лежало в ладони, ладонь стала мокрой. Рита отлепила ее от лица и поняла, что это ее собственные слюни. Она вытерла руку о штаны.

Гроб вынесли те же мужчины, которым платила Марина, они ждали внизу. Микроавтобус и катафалк, где разместились Рита, Марина, еще несколько родственников и гроб, затрясся к кладбищу. Гроб опустили в яму. Сказали, что пора кидать землю. Бух. Бух. Бух. Почему земля стучит о крышку гроба так громко? Сломается ли крышка, когда ее совсем засыпят? Бам. Рита бросила свой комок земли. Что-то в животе снова начало кусать, хватать и скручивать. Ба-бах.

Когда Рита была ребенком, в нее все время что-нибудь летело. Ударялось о ее ноги, живот, голову и попу.

Марина переехала назад к Ритиной бабушке через полгода после того, как родила Риту. Они жили втроем, бабушка работала, Марина не всегда, иногда они оставались вдвоем, и эти дни были худшими из Ритиных дней. Марина была очень меткой и могла попасть из другого конца комнаты. Книгой, пультом от телевизора, резиновой игрушкой. Когда Рита пошла в школу, Марина стала бить ее ремнем, скакалкой или электрическим шнуром. Входя в квартиру, бабушка сразу понимала, было или не было. Иногда спрашивала Риту: «Было?» Если Рита кивала, бабушка обнимала ее, всегда обнимала, целовала. Она много раз говорила с Мариной, ругала, угрожала. Но все закончилось само собой, навсегда, когда Рите исполнилось двенадцать лет. То есть не все, а только побои.

Поминки были в ресторане «Юрий», он считался хорошим местом для банкетов. Там еще отмечали свадьбы, потому что потолки были высокими, а стулья — белые с золотым. Столы сдвинули так, что получился один длинный. Встала какая-то чужая бабушка, взяла тремя пальцами маленькую рюмочку. Сказала, что покойная была доброй, щедрой, достойной женщиной. Рита соглашалась, но почему-то не плакала. Даже Марина терла под глазом своим гелевым маникюром, но Рита нет. Она подумала, что, может, в ее теле не хватает воды, и выпила полбутылки минералки. Не помогло. Потом все стали есть. Рита выпила еще воды.

— Ты должна съесть суп полностью, так принято, — сказала Марина.

— Ты забыла? Я же теперь ничего не ем.

— Хочешь, чтобы я тебя поуговаривала? Ты же знаешь, что не буду. — У Марины был голос как у гадалки, он, наверное, считался сексуальным.

Запах от супа был таким жирным, что Риту снова начало подташнивать. Этот запах, наверное, можно было взвесить, из него скатался

бы шарик наподобие хлебного. Суп даже не пах, он испарялся вместе со всем жиром, маслом, куриной кожей. Рита отъехала от него на стуле и почувствовала, как в желудке плеснулась вода.

На следующий день Рита вернулась в магазин органической косметики, где она работала, дорогой и модный, из тех, где клиентам предлагают экологически чистый чай. Напарница попросила Риту сделать заварку для первых покупателей. Рита включила электрический чайник, а пока он разгонялся, присела на корточки. Щелкнула кнопка. Рита встала, поймала рукой стену, немного подышала. Насыпала в чайник какие-то травы, которые им говорили насыпать, и залила их кипятком. Про крышку забыла. Понесла в зал.

Пол, потолок, касса, стеллажи стали перекачаться, крутиться вокруг Риты. Она вытянула руку, чтобы снова поймать что-нибудь вроде стены, но ничего не получилось. Рядом с Ритой оказалась напарница, Рита шагнула к ней, напарница завизжала, визг был таким неожиданным, что Рите показалось, будто он проткнул ей уши.

Скоро все успокоилось, и тогда Рита увидела, что она не закрыла чайник и что на полу сидит ее напарница с рукой, похожей на малиновый скраб для тела, который в магазине был помечен ярлыком «Новинка». От обожженной кожи пахло поминочным супом.

Бабушка умерла в день, когда этого никто не ждал. Марина, Рита и коллеги бабушки не ждали также, что она умрет в этом году или в следующем. Инсульт. На улице никто не подошел. Точнее, не сразу. Скорая ехала долго. Возраст, сами понимаете. Услышав новость, Марина заорала так, что к ним спустились соседи. Рита ушла из дома. Купила водки, но выбросила в урну. Ходила по дворам и гаражному кооперативу, мерзла. Когда вернулась, Марина лежала на диване и смотрела какое-то реалити-шоу. Смеялась.

После того как Рита ошпарила напарницу, им обеим дали выходной. Рите — потому что не восстановилась после похорон, а ее напарнице полагался короткий больничный. Утром Марина выдавила лимон сразу в две кружки и заставила Риту выпить воду вместе с ней. Сказала: «Ты должна жить дальше. Мертвых не вернешь. О похоронах больше ни слова». Рита выпила воду, всю выпила, а в конце ей в рот попала лимонная косточка. Рита сжала ее передними зубами, ощутила языком, она была гладкой, со складочкой, острой на одном конце и круглой на другом. Рита сжала зубы сильнее, и косточка расколо-

лась. Рита стала жевать ее куски, прикладывая к каждому зубу, жевать, жевать, молотить, перетирать между задними зубами и передними. Рита закрыла глаза, челюсти продолжали танцевать, вместо косточки во рту уже была лимонная пыль. Появилось много, очень много слюны, жидкой, как обычная вода, не тягучей. Рита собрала слюной все, что было во рту, и плюнула в кружку.

— Ты нормальная вообще? — Марина заливала кипятком овсяные хлопья.

Рита сполоснула кружку, поставила ее вверх дном на полотенце, вернулась в комнату, легла. Она не спала, но под веками кружились спирали, росли цветы, текла вода, появлялись и исчезали лица, звери, дома.

— Собирайся, мы идем в кино, — сказала Марина, стоя в дверном проеме, почти накрашенная, почти одетая.

— Мам, ты что, какое кино?

Рита увидела, как стены, потолок, люстра и шкафы стекают вниз.

— Ты спорить со мной будешь?

Рита, конечно, спорить не стала. Она оделась и вышла из дома. По пути Марина сказала Рите, что та могла бы и накрашиться, могла бы и понаряднее. Сказала, что ей стыдно с ней идти. Рита хотела что-то ответить, но поняла, что может заниматься только одним делом. Только идти. Если говорить, то стоя на месте.

Марина купила себе самый маленький стакан с соленым попкорном. Сказала: «Тебе же не предлагать, да?» Рита ничего не ответила, ей захотелось плакать, почему-то именно сейчас, не позавчера на похоронах, а сейчас. Это был четвертый день ее голодовки, четвертый, Марина об этом знала. Ей, кажется, просто не хотелось сдаваться первой. Марине хотелось победить.

Рита не поняла, о чем был фильм. Какие-то люди, что-то там в Париже, пистолет, секс, вертолет. Она часто закрывала глаза на несколько минут, потому что держать их открытыми было отдельным делом. Домой шли молча. Рита до сих пор чувствовала вкус лимонной косточки.

Наутро после смерти бабушки Марина проснулась и выдавила лимон в воду. Потом причесалась и накрасилась. Поехала в «Ритуальные услуги». Когда вернулась, увидела Риту, которая сидела на кухне — в пижаме, жирноволосая, собрав на животе большие складки, разбросавшая фантики от конфет по всему столу. Рита поставила

перед собой бабушкину шкатулку, открыла, плакала. Брала пальцами сережку, цепочку, брошку. Ей хотелось положить бабушку в эти вещи, сделать их живыми, напылить сверху память о бабушке. Как она обнималась, какой кофе любила, а кофе она очень любила, что думала об Андрее Малахове, чем пахла ее пудра. Марина села рядом и тоже стала хватать бабушкины драгоценности, но так, будто пришла в ювелирный магазин. Оценивала, хмыкала, подносила камни поближе к лампе.

— А примерь! На средний палец, — Марина подцепила мизинцем кольцо с большим изумрудом.

Кольцо не налезло на средний палец. На указательный тоже. В середине безымянного застряло. Марина выдернула у Риты кольцо и насадила его на каждый из своих пальцев — так, чтобы Рита видела, насколько они тоньше.

Потом произошло что-то, что плохо помнили и Марина, и Рита. Стало очень громко, кричали оба горла, разлетались в стороны все четыре руки, что-то упало, что-то разбилось. Марина сказала Рите, что та жирная, страшная, ни на что не годная. Рита сказала Марине, что та самая ужасная мать из всех, каких видела Рита в своей жизни. Вали тогда из этой квартиры, сказала Марина. Это и моя квартира, сказала Рита. Ты умрешь одинокой толстой бабкой, хуже, чем моя мать, сказала Марина. Ты хочешь, чтобы я перестала есть? Не помешало бы! Тогда я больше ничего не буду есть. Да ты не сможешь!

Рита вернулась на работу, ее напарница тоже. Рита не чувствовала стыда, она вообще ничего такого не чувствовала, поэтому даже не подумала, что надо извиниться. Рита стала подносить этикетки совсем близко к лицу, чтобы смочь хоть что-то на них прочесть. Смогла проработать полдня, потом, перед перерывом, Рита читала этикетку на яблочном мыле, и в нос набилась вся его яблочность. Рита взяла пробник, обычный обмылок, и пошла с ним в туалет. Села на крышку унитаза и стала его лизать, этот пробник, яблочный обмылок, лизать, пока язык не стало жечь так, будто Рита опустила его в уксусную эссенцию.

На следующий день Марина сказала Рите что-то обычное, и Рита ее толкнула. Получилось не очень сильно, Марина только немного пошатнулась, но раньше Рита никогда никого не толкала. ✨

На седьмой день без еды у Риты в голове все схлопнулось, все, что она видела, думала, чувствовала. Она упала прямо за кассой. Когда очнулась, отказалась от скорой помощи, села в такси и уехала домой. Уснула.

Марины, к счастью, дома не было. Утром Рита вышла из комнаты, чтобы попить. Марина сидела за кухонным столом и спросила, надо ли что-нибудь Рите. Рита даже не поняла, что она имела в виду, и просто ушла.

Потом был сон и не сон. Рита открывала глаза и закрывала, а когда закрывала, падала в яму. С открытыми все было тусклое, с закрытыми — яркое. Рита видела, как плавает в стакане, совсем голая, а Марина хватает ее за голову, поднимает над водой и выжимает, а Рита внутри оказывается творожистой и желтой. Как бабушка берет кофейные зерна и забрасывает их себе в рот, зерна становятся изумрудами, потом бабушка сама зеленеет и ложится в гроб. Как гроб оказывается на столе, а внутри него — картошка фри и нагетсы, Рита тянет к гробу руки, но тут прибегают собаки и начинают хватать еду, рычать и показывать клыки. «Они же тут все зассут», — думает Рита, и собаки поднимают задние лапы. Как они с Мариной оказываются в больничной палате, начинают драться, царапать ногтями лица, себе и друг другу, потом Рита кусает Марину за плечо, и та оказывается вкусной, как вареная курица. Рита начинает жрать Марину, обглаживать ее пальцы, высасывать сок из ее суставов, а Марина смеется, смеется, смеется и называет Риту слабачкой. «Ты не можешь! Я говорила, что ты не сможешь!» — кричит Марина.

Стук в дверь. Рита открывает глаза, все снова серое. Серая Марина, в сером халате.

Ко мне сейчас придет друг, говорит Марина. Я не знала, что ты сегодня дома.

** Не выходи пока, пожалуйста, ладно?*

Я его быстро прогоню, просто не знала, что у тебя снова выходной.

А потом в больницу тебя отвезу, хорошо?

Марина закрыла дверь. Рита встала. Надела штаны, носки, толстовку. В прихожей — шапку, куртку, ботинки.

Вышла на улицу и поняла, что больше идти не может. Ей очень хотелось лечь. Ей нужно было лечь. Смогла пройти еще немного. Встала у стены. Увидела зеленый контейнер для строительного мусора. Конечно, туда кидали и другой мусор. Пакетный, из ведер, подтекающий.

Рита подошла к контейнеру. Встала на камень одной ногой, другую забросила внутрь. Влезла. Положила голову на круглый пакет. Возможно, вонючий, а может, и с чем-то сухим, Рита не чувствовала. После этого Рита уснула.

Агунда ГОБОЗОВА

СЫН ОХОТНИКА

ЛЕГЕНДА

— А что, если не выиграет НИКТО?

1

Ночная тьма уступает место дневному свету. На солнце лесистые горы кажутся покрытыми мхом, а на пиках, ослепляя, сверкают ледники. По темно-зеленому ковру склонов все ниже скользят лучи солнца, отчего в небо поднимается летучий пар.

Вершина горы — орлиное убежище. Чуть свет орел выглядывает из гнезда, расправляет могучие крылья и летит. Он будет парить над всем ущельем до тех пор, пока не найдет себе жертву.

В глубине ущелья мирной змейкой извивается река Рагва. В ее богатых водах водится форель, которую очень любят местные медведи. Вот и сейчас один из них стоит на трех лапах и четвертой пытается оглушить рыбешку. К сожалению, сегодня не его день. Коричневый ком шерсти недовольно поворчал, последний раз понюхал воду и ушел вниз по течению.

Медленно покачивая кривыми бедрами и изредка дергая маленьким хвостиком, медведь дошел до мелководья. Здесь он перешел реку и не спеша, задевая кусты и шурша опавшими листьями, скрылся в лесу. Поднимаясь по знакомым с рождения тропам, он время от времени останавливался и, задрвав голову, прислушивался. Лес говорил с ним.

Медведь закрыл глаза, побурчал и, опустив голову, тщательно обнюхал листву. Высоко в небе раздался орлиный клекот. Ленивый шерстяной ком тут же превратился в настороженного зверя. Зрачки его сузились, он напрягся и застыл. В кустах что-то блеснуло, и медведь крадучись направился в ту сторону.

Там мужчина с черной бородой дал знак ребенку, чтобы тот не двигался. Мальчик зажмурил глаза и глубоко вдохнул...

— Нельзя лишать себя возможности напасть первым. Это медведь, а не олень. Он вступит с тобой в схватку, и ты отправишься на

встречу с предками, — широко шагая по листве, говорил отец сыну. Ветки под его ногами мелодично хрустели в такт голосу.

— Но я бы убил его, если бы ты не указывал мне! — самонадеянно заявил юный охотник и потряс в воздухе кулаком.

— Медведь уже убил тебя, как только услышал клекот орла, — с насмешкой произнес отец.

— Орла?! — удивленно воскликнул малец.

— Да, сынок. Охотник должен быть всегда настороже. Лес... — мужчина указал пальцем вверх. — Ты должен слушать его — лес.

2

Петухи наперебой вещали о начале нового дня.

Первыми в ауле просыпались женщины: коровы в стойлах ждали дойки. После животных выгоняли со двора, к пастуху, — он погонит стадо на пастбище и вечером, на закате, вернет обратно.

Очаги, в свою очередь, с ночи дожидались своих хранительниц. К тлеющим уголькам, схороненным под золой, хозяйки аккуратно подкладывали щепу, а как разгорится огонь — ветки побольше.

Очаг располагался в центре гостевой комнаты, оттуда дым поднимался к дымоходу в потолке и утягивался в синеющую даль неба. Огонь трещал, а женщины брались за тесто, замешивая его с молитвой.

В это время дети собирали яйца в курятниках, а кто-то пас ягнят.

Затем вставали мужчины. Завтракая, они поминали имя Всевышнего, прося Его благословить сей день. Наколов дров, кто-то уходил на охоту, кто-то на рыбалку. Словом, жизнь кипела в маленьком ауле.

Старики же, позавтракав, отправлялись на нихас .

В центре аула стоял большой плоский камень. Вокруг него были расставлены пни и камни помельче — для сидения. Ближе к центру восседали старейшины, мужчины помоложе рассаживались согласно старшинству от центра. Женщинам там, как правило, делать было нечего; они приходили послушать только важные объявления.

Нынче будний день, и кроме глубоких старцев здесь никого, считай, не было. Солнце грело по-утреннему ласково, необжигающе, старцы поворачивали к нему морщинистые лица и довольно шурились.

Мимо нихаса проходил Азиз. Увидев, что старейшины смотрят на него, он приподнял шапку и поклонился. Озран, его дед, сидевший во главе, тут же подмигнул мальчику, отчего тот едва не прыснул.

— Как вымахал твой внук! — сказал один из стариков другому.

Тот, что сидел слева, добавил:

— Кажется, еще вчера он стрелял из детского лука, а сейчас погляди-ка — один из лучших охотников!

— Не много ли времени он проводит в лесу, а, Озран? — прошептал кто-то еще.

Озран усмехнулся:

— Это вы мне лучше скажите: не много ли времени нынче мальчишки проводят со своими матерями?

Никто не нашел ответа. Впрочем, Озран и не ждал.

Он посмотрел туда, где в теничке под раскидистым дубом дети упражнялись в стрельбе из лука. Солнечные зайчики скользили по их вихрастым головам, и старику вдруг вспомнилось, как совсем недавно его младший внук влез в игру старших.

...В тот день он, как и сейчас, хоть по его лицу и не было заметно, наблюдал с явной заинтересованностью за происходящим под дубом. Конечно, интересовался: ведь один из ребятишек его внук! А как метко он стреляет, хотя ему всего-то восемь лет...

— Брат мой, куда смотришь? — осведомился вдруг старик, сидевший справа, и тоже глянул на детей. — М-да... Когда-то и мы так играли. Помнишь, как Исса разломал твой лук, когда ты его обыграл?

Чуть привстав, старики незлобно рассмеялись.

Прошлое окутало Озрана легкой конопляной дымкой, его веки стали смыкаться... но тут раздался ворчливый, немного гнусавый голос Меджета, и пришлось открыть глаза.

— И зачем только их учат этому? — говорил Меджет. — Асифы давно уж как не кочевники и не воины.

— Ты прав, — отозвался Озран, так как остальные старики почему-то промолчали.
— Да простят нас духи войны и охоты. После того как наши племена распались, мы ушли в горы и научились жить по-новому. Начали ловить рыбу, охотиться, соорудили мельницы... — Он пожевал губами, разгладил бороду. — Однако мы не забыли, что мужчина, не способный защитить себя, не защитит ни свою женщину, ни свою семью, ни свой народ. Что, как не военное дело, делает мужчину мужчиной?

Озран в упор посмотрел на примолкшего Меджета, потом обвел глазами собрание. Многие согласно закивали, и он продолжил:

— Наш обряд посвящения в мужчины — хорошее испытание на прочность. Только в честном и равном бою они могут доказать готовность стать мужчинами, готовность защищать семью и оберегать свой народ.

Озран говорил размеренно, без излишней горячности — и следил за Меджетом. Тот сидел сгорбившись, зажимая сцепленные меж колен руки. Голова его была опущена, брови нахмурены, и у Озрана никак не получалось снова перехватить его взгляд. Тогда он решил подшутить над ворчуном.

— Один малец, — начал Озран, — вечно хмурился, а когда его ругали, только исподлобья смотрел. Однажды матери надоела его мрачность, она присела рядом и спросила: «Какие люди, по-твоему, самые добрые?» Мальчик посопел и пробурчал: «Те, кто делится едой?» Мать покачала головой: «А вот и нет. Самые добрые — это те, кто смотрит тебе прямо в глаза!»

Поняв, в чей огород летят камни, старики рассмеялись. Меджет изменился в лице и сказал напористо:

— Люди считают, что этот обряд только вредит нашему обществу! Юноши проходят испытание, иногда по пять, иногда и по десять человек. А победитель один. Да и возможностей у проигравших немного — только три раза они имеют право проходить испытание... — Он вперился в Озрана колючим взглядом. — Что ты будешь делать, если твой внук проиграет, а? Ведь шанс на победу только один — или ты, или тебя.

Озран перевел взгляд туда, где играли дети, и на него нахлынуло другое воспоминание.

...Невестка с утра приготовила хлеб в дорогу мужу-охотнику и продолжала хлопотать по дому. Озран сидел в дедовском кресле и вырезал зверушку из дерева. Рядом прямо на полу расположился Азиз — глядя, как ловко дед орудует ножом, пытался повторять за ним: сопел, высовывал язык от усердия, но заяц, который был задуман, никак не получался.

Тут из внутренней комнаты вышли отец и старший брат Азиза. Отец на ходу давал поручения по дому, которые первенец должен был выполнить в его отсутствие.

Азиз глянул на отца с братом, поднял голову на дедушку и вдруг подскочил как ужаленный:

— Отец!

Кхалиф даже не удостоил пятилетнего карапуза взглядом.

— Кхалиф, сын Озрана и мой отец! — закричал тогда Азиз что было мочи.

Кхалиф недовольно покосился на отпрыска.

— Возьми меня на охоту! — потребовал Азиз.

Озран смотрел на эту сцену с интересом. Хмурый Кхалиф, уловив взгляд старика, смягчился. Присев подле Азиза на корточки, спросил:

— Чем же ты мне будешь полезен?

— Все, что прикажешь сделать, — сделаю!

— Ну хорошо... А где же твой нож?

Азиз опешил на мгновение, но тут же сорвался с места и устремился в отцовскую комнату.

Старшие смотрели ему вслед — гадали, что же придумал этот сорванец.

Вскоре он уже несся обратно, спешно привязывая к поясу ножны кинжала...

«Нет! — убежденно подумал Озран. — Мой внук не может проиграть».

3

Перед Азизом стоит сложная задача — избежать позора, иначе он отправится в стойло. Для сына охотника это недопустимо. Мальчиков, чистящих стойла, считали недостойными готовить священный хлеб.

И сегодня последний шанс для Азиза доказать, что он достоин.

Все готовились к этому событию. Мужчины водили своих мальчишек в лес, показывали им тайные тропы, о которых знали только они.

Вот и Меджет идет со своим сыном Алибом через верхнюю часть села прямо в лес. Поднимаясь по склону, ступая на мокрую от росы траву, мальчик горестно думал: «Внук Озрана очень силен. Кхалиф — наш главный охотник. Сказать по правде, отец не научит меня ничему такому. А Азиз? Он ходит с родителем на охоту чуть ли не с пеленок!.. Да, но он проиграл так же, как и ты. Возможно, для этого были причины. Хм... Не думаю, что этот волк не справился бы с кем-то...»

Плечи мальчика опустились. Он смотрел под ноги. Земля стала каменной, застланной старой листвой. Она еле слышно шуршала под чужаками путников. Из глубин леса изредка доносилось пение птиц. Насыщенный запах щекотал ноздри и усыплял.

— Почему без коней, отец? — спросил Алиб.

Меджет вздохнул:

— Тебе уже вроде тринадцать лет, а голова работает только на пять. Эх, Алиб, Алиб...

— А что я такого сказал? — не понял мальчик.

— Даже малые дети знают, что коней не берут на охоту, чтобы не переполошить живность. Не помнишь разве, что говорил Кхалиф? «Конь — тоже животное, и животное защищает другое животное». Азиз это знает. И ты знай!

Алиб только челюсти сжал. Адат не позволял ему огрызаться, но как надоели Алибу эти сравнения с Азизом: «Азиз знает это с пеленки. Азиз умеет это с пеленок. Азизу подарили лук, потому что он уже стреляет наравне со старшими... Азиз то, Азиз се... Весь аул носится с ним как с писаной торбой, а он? Делает вид, что это для него ничего не значит. Старается дружить с нами. Как будто снисходит до нас. А он-то проиграл, ваш Азиз!»

Алиб в сердцах пнул камень — тот покатился с тропы вниз, на дно ущелья. Меджет бросил на сына недовольный взгляд.

...Все это время за ними наблюдал Хранитель леса. Существо сидело на ветке сосны, под самой кроной, и жевало смолу. Пухлые розовые губы медленно шевелились. Яркие радужные глаза лучились хитрой весельчой. Две длинные пепельные косы свисали чуть ли не до земли, а босые ноги, выглядывающие из-под серого подола, по-ребячьи болтались.

— Я вроде бы знаю этого Азиза... — сказал Хранитель леса самому себе. — Мальчик не оставил ни одного неизведанного места, вычислил даже мое Озеро Слез — конечно, свалился в него случайно...

Последние слова были обращены к дятлу, севшему Хранителю на колено.

— А помнишь, как он подстрелил первого зайца?

Птица глянула наискосок, закивала клювом.

— Да-да, малютка заплакал было, но отец все ему объяснил. Мне не жаль, что они кормятся в моем лесу. Но другое дело — убивать ради забавы... — Хранитель посмотрел в сторону удаляющихся фигур. — Этот Меджет нечист душой. И сын таким же растет...

Хранитель встал на ветвь и, сорвавшись с места, легко побежал по-над кронами. Добравшись до опушки, он опустился на траву и прислушался к земле. Его острые ушки напряженно подрагивали, пока не уловили то, чего он ждал. Затем Хранитель устремился вверх по ручью так быстро, как не летала ни одна птица и не бегал ни один барс, и остановился в десяти шагах от Азиза.

Мальчик как раз упражнялся — взбирался то на одно дерево, то на другое. Делал он это довольно ловко, даже приземлялся почти беззвучно.

Хранитель наблюдал за Азизом и вспоминал их первую встречу.

...Азиз тяжело дышал, но шел за отцом без жалоб, потому что сам напросился. Боялся, что, если не сможет поспевать, в следующий раз на охоту его не возьмут. Отец же, идя впереди, удивлялся, до чего же его сын тверд в своих намерениях.

Они зашли достаточно глубоко в лес, да и ребенка стало жалко.

— Здесь водятся зайцы. Сегодня охотимся на них. — Кхалиф присел на камень и достал из колчана стрелу. — Смотри внимательно.

Мальчик следил за действиями отца во все глаза. Чинарная стрела в его руках была красива. Польный трехгранный наконечник отблескивал под редкими лучами солнечного света. С двух сторон на нем имелись отверстия. Другой конец был бежевого цвета и расходился в две стороны, подобно еловым иглам.

Азиз непонимающе указал на отверстия.

— Наши предки применяли такие стрелы в бою, — объяснил Кхалиф, натягивая тетиву. — Слушай...

Мужчина пустил стрелу вверх, и она с пронзительным, раздражающим свистом ушла в небо. Азиз закрыл глаза, по его спине пробежал холодок. Отец улыбнулся.

— Теперь представь, какой звук разносится над полем битвы, где не одна и не десять таких стрел летят на противника.

Следующая стрела была четырехгранная. Мальчик потянул руки к луку, но Кхалиф его остановил.

— Ты знаешь, как изготавливает лук наш сосед?

— Как?

— Это очень долгая работа. Смотри туда, — отец показал за спину мальчика, на смешанный лес.

Азиз повернул голову и увидел темно-серое дерево, среди его зеленой листвы редели красные ягоды. Ветви тянулись вертикально вверх, а те, что помельче, свисали тоненькими веревками, и с ними играл ветер.

— Когда мама сушит мелкую рыбу, она ее так же развешивает, — замороженно произнес Азиз.

— Из него делают основу для лука, это кизил, — пояснил отец. — Сначала нужно его согнуть по форме, затем вымачивать в холодной воде...

Мальчик слушал и слушал. Процесс изготовления лука казался невероятным, он вспомнил, как уже неделю старательно вырезал зайца, а их сосед тратит на один лук от года до трех лет.

Его русые кудри трепал ветер. Лес притих, словно тоже слушал рассказ охотника. Где-то еле слышно журчал ручей, шелестела листва, ветер разносил запах сосновой смолы и опавших листьев.

— А как из него стрелять? — Азизу уже не терпелось взять оружие в руки.

Кхалиф улыбнулся, но тут же его выражение лица изменилось — черные брови сурово сдвинулись, на загорелом лице обозначились морщины. Он встал на колени за спиной сына. Вложил ему в руки лук. Вставил стрелу, натянул тетиву... Ладонки Азиза волей-неволей подчинялись большим ладоням охотника.

— Дыши медленно, вдох... выдох... — Отец качнул руки вправо. — Держи крепче. Ты должен быть единым целым с луком.

Азиз дышал глубоко и размеренно и смотрел в темное пространство между деревьями и травой. Кхалиф медленно отпустил его руки и отодвинулся. Азиз ощутил страх, но усилием воли убедил себя, что ничего плохого не случилось. Он напрягся всем телом, пытаясь удерживать натянутую тетиву.

Хранитель леса легонько ущипнул зайца, и тот подскочил. Азиз тут же выпустил стрелу — задев опереньем щеку, она пролетела метров десять и глухо во что-то воткнулась.

— Отец, что это было?! — Испуганные глаза мальчика забегали от Кхалифа к тому месту, где исчезла стрела.

Кхалиф встал и направился туда.

Зайца прибило к колю дерева. Мужчина взялся за стрелу и выдернул ее. Потом поднял тушку зайца за уши и показал сыну. Глаза мальчишки сейчас же наполнились слезами.

— Ну же, Азиз! — сказал Кхалиф ободряюще. — Ты добыл ужин для семьи. Вытри слезы. Представь, как мать и сестра обрадуются зайчатине. А дедушка? Дедушка будет горд внуком. Ты стрелял первый раз в жизни — и сразу же попал...

Кхалиф все успокаивал сына, но Азиз не мог остановиться: слезы стекали по щекам, висли на подбородке.

— Ладно, пошли. На сегодня хватит...

4

Азиз силен с детства. Характер у него как у матери — упрямый, но отходчивый. С братом они полные противоположности: один любит движение, другой покой, один любит поработать, другой поесть, когда один говорит: «Черное», другой обязательно возражает: «Белое». Тем не менее оба — сыновья Кхалифа и внуки Озрана, а это говорит о многом.

Ему было восемь лет, когда он пошел посмотреть, как старшие ребята стреляют из лука. Он хотел поиграть с ними, а брат даже смотреть на старших опасался, не то что соревноваться.

— Зачем тебе это нужно? Пошли постреляем отдельно, — уговаривал его брат по дороге к старому дубу у нихаса.

Азиз не стал его слушать и гордо шагал к месту состязаний со своими приятелями.

— Эта четверка неразлучна, — сказал один из старших ребят, заметив их приближение.

— Разве они идут к нам?

— Похоже на то. Решатся стрелять из лука? — рассмеялся тощий, другие подхватили.

— Да, будем стрелять, — заявил Азиз.

Его товарищи стояли чуть позади. Мальчишку-выскочку пренебрежительно оглядели с ног до головы.

— Где твой лук, а, стрелок? — вопрос был полон ехидства.

— Алиб, лук! — скомандовал Азиз, и Алиб немедленно протянул ему лук и три стрелы.

— Три мало, дай ему пять-шесть, чтоб наверняка, — старшие ребята снова засмеялись.

Алиб дернул Азиза: стыдно, мол, остановись!

— Хватит и одной, — сказал мальчуган и взял из рук Алиба одну-единственную стрелу.

— Ну что ж, стреляй. Не попадешь — изваляем тебя в грязи, — ухмыльнулся тощий и показал, куда Азизу встать.

— Хорошо, — согласился Азиз. — Но если я попаду в самый центр, то ты сам изваляешься вон в той куче навоза, — и протянул руку в знак уговора.

— Щенок, ты же знаешь, что мужское слово стоит крови? — улыбнулся старший мальчик и небрежно пожал руку Азиза.

Неподалеку восседали старейшины, они не слышали этого разговора, но внимательно следили за тем, что происходит.

Азиз встал на отмеченное линией из белых камешков место и выставил левую ногу вперед. Натянул изо всех сил тетиву, прицелился. Вывернул дыхание и, как учил отец, выпустил стрелу на выдохе.

Дзанг!

— Не может быть! — завопил тощий.

— Щенок, ты же знаешь, чего стоит мужское слово? — дразняще произнес Азиз.

— Ах-х т-ты ж-жалкий! — мальчик выхватил лук из рук Азиза и переломил о колено.

Старики встали со своих мест и направились к мальчикам. Никто не вмешивался.

Выпятив грудь, Азиз говорил, обращаясь к тощему:

— Ты сказал, мужское слово — все равно что клятва. Никто не тянул тебя за язык. Выходит, или мужское слово рушимо, или ты не мужчина?

Тощий заметался глазами: старики уже были совсем близко и всё прекрасно слышали. Деваться было некуда...

Озран, конечно же, проучил внука, но это вовсе не означало, что мальчик больше не будет проверять свою силу на других.

Уставший Азиз шел по лесу.

Во время занятий или охоты его не отвлекали никакие посторонние мысли, но стоило перевести дух, как все это обрушивалось на

плечи неподъемным грузом: друзья, переставшие разговаривать с ним, всевозможные сомнения и сопутствующие этому косые взгляды, смешки за спиной, рассказы-наказы деда Озрана о добродетели воина и о помощи слабым...

Вот и сейчас он угрюмо размышлял о том, как уже неделю Мариль воротит от него нос.

...Все началось с того, что старейшина посоветовал мальчишкам обратиться за помощью к Азизу, который среди них считался сильнейшим.

— Как будто у нас нет своих отцов! — сказал Сабо пренебрежительно.

— Не знаю как твой, но отец Азиза лучший охотник, и было бы хорошо, если б он показал нам тайные тропы или научил чему-то полезному, — произнес Алиб, садясь на камень. — Правда, уже надоело, что все носятся с этой семейкой.

— Это оттого, что Озран — старейшина аула и его дед, — сказал Мариль.

— Высокомерный больно, — скривился Алиб. — Для него все хорошие и медом намазанные. Что ни сделаешь — а у него уже готова притча по этому поводу. Отца моего с недорослем сравнил!

— Ты, конечно, что хочешь думай, но Озран бывает прав, — разрили ему.

— Ну да, ну да. Только вот что он из Азиза сделал? Был мальчик нормальный — играли вместе, росли вместе, а теперь? Стал таким же, как дед: на всех смотрит свысока. Думает, мы беспомощные, ничего дельного не можем. Да и дома только и слышно: Азиз, Азиз, Азиз, Азиз!.. Тьфу!

— Тут ты прав, надоело, — горестно согласился Сабо. — Каждый вечер начинается с того, что мать нахваливает Азиза — как он ей помог, как соседу помог. Отец на меня косится: мол, где бываешь, что матери не помогаешь? А я что? — махнул он рукой.

Мариль молчал и слушал, перебирая камешки перед собой. Его тоже донимали дома похожими разговорами, но он помнил и дружбу с Азизом. Разве дружба — пустой звук? В груди что-то болезненно сжималось. Не хотелось говорить гадости, но не хотелось и защищать.

— А ты чего молчишь? — ткнул его в плечо Алиб. — Думаешь, когда проиграешь и пойдешь чистить конюшни, Азиз поможет? Жди! Он

первый придет взглянуть на тебя, позорника. Еще и примется указывать, как и что лучше делать.

Мариль упорно хранил молчание...

Азиз не знал, что такого произошло, сердце его мучилось от неведения.

Домой он явился хмурый, нехотя сел за стол.

После ужина Кхалиф позвал его на улицу.

— Когда я проходил испытание, то так же волновался. Я научил тебя всему, что сам знаю, и ты мне уже ровня. Но хочу напомнить, — Кхалиф всматривался в непроницаемое лицо мальчика. — Полдела — найти добычу, полдела — донести ее. Ты добрый и наивный, поэтому твою победу захотят отобрать. А я не хочу, чтоб ты поддался кому-либо.

Отец похлопал сына по плечу и зашел в дом.

Азиз остался во дворе. Звезды давно уж высыпали, сверчки в траве наперебой трещали свои песни. Рагва бурно неслась с вершины. В лесу просыпались хищники...

6

Когда Азиз проиграл первый раз, многих удивила эта новость, потому что охотничье воспитание он получал от лучшего охотника асифов — Кхалифа. Тем не менее семья поддержала мальчика и готовила на следующий год.

Друзей такая новость здорово развеселила. Если сначала они не смели и смотреть в его сторону, то после смерти его бабушки Озрана и второго проигрыша они стали одержимы издевками.

А было это так.

— Второй промах, Азиз! — выгнув грудь, выпалил Алиб.

Обнажив крепкие белые зубы, он толкнул Азиза в плечо. Лицо того пошло красными пятнами. Он быстро, ни на кого не глядя, направился к реке — от греха подальше.

— Идешь набирать воды для полива моего огорода? — крикнул ему вслед Мариль, и они с Алибом расхохотались.

Сестра Азиза посмотрела на мальчишек и нахмурилась. Затем перевела вопросительный взгляд на мать. Тонкие пальцы матери обхватывали золотой медальон, висевший на шее, а взор был устремлен в сторону удаляющегося сына.

Солнце уже садилось. Пение птиц сходило на нет.

Азиз сидел на берегу Рагвы, опустив ноги в воду. Свежий ветерок трепал ему волосы. Мальчик перебирал руками камни перед собой, как вдруг на него нахлынуло теплое воспоминание. Он шепнул:

— Дада...

...Дедушка представился ему на нихасе — добрый, недостижимо мудрый, непривычно серьезный под уважительными взглядами собрания.

— Северную часть наших холмов заполонили волки, стада нужно сгонять на южный холм, а волков уничтожать, — раздув ноздри проговорил мужчина лет тридцати.

Старейшины неодобрительно закачали головами. Потом повернулись в сторону Озрана, сидевшего во главе нихаса. Видя, что все ждут его слова, Озран заговорил:

— *Когда-то давно брат нашего покойного старейшины Иссы, — сидящие привстали, — мир вашему дому, ушел на охоту. Он долго искал одного оленя и вот наконец выследил на берегу Рагвы. Он убил оленя с первой стрелы, спустился к воде и принялся за разделку туши. Из кустов за ним следил волк. Волк вышел из засады, когда охотник кинул ему добрый кусок мяса. Зверь недоверчиво понюхал угощение — и в этот миг стрела вонзилась ему в шею. Волк рухнул замертво. Охотник забрал свою добычу, а труп зверя оставил там, на берегу... Что стало с братом Иссы, вы все знаете. Сегодня его сын — наш лучший охотник, который убивает животных ради благополучия племени. И он ни разу не пытался превысить норму...*

Озран посмотрел на стоящего посередине нихаса мужчину. Тот опустил голову и спешно покинул круг.

— Дада, а что нам делать тогда с волками? — раздался детский голос за спиной старика.

— Овец мы перегоним, как сказал наш брат. Но не всех — оставим жертву для леса. Мы не будем уничтожать всю стаю волков, лишь трех волков — и только после того, как они нападут снова. Животные прекрасно знают, что случается с нарушителями границ.

— Дада, ты такой мудрый! — Азиз вышел из-за его спины и присел у ног дедушки.

Озран улыбнулся и обвел собрание рукой.

— Нет, это мы мудрые. Если б не он, — старик с теплотой посмотрел на мужчину, — мы бы еще долго думали над решением... Братья, если вопросов больше нет, мы можем расходиться...

Азиз улыбнулся от этих воспоминаний, но тут же снова нахмурился:

— Раз мы такие умные, то почему создаем эти глупые обычаи? — прошептал он еле слышно. — Я лучше всех стреляю из лука, бегаю быстрее всех, в единоборстве могу победить любого. Отец был горд, когда я выследил стадо оленей!

Азиз сжал в руке острый камень — кровь потекла по его пальцам. На указательном пальце юноши была такая же родинка, как у отца.

И тут прямо над ухом раздался бархатный голос:

— Тогда как так вышло, что ты опять проиграл, а, Азиз?

Мальчик подскочил и стал в страхе озираться, но поблизости никого не оказалось.

Выше по ущелью раздался громкий хохот и, отталкиваясь от скал, унесся в небо. Азиз задрал голову и долго-долго вслушивался.

8

Погруженный в свои мысли, он возвращался домой. Только ступил в селение, как в спину шлепнулся ком свежего коровьего помета. Вздвогнув, мальчик резко обернулся. Снова навоз — только теперь в лицо. Не успел утереться, как прилетел следующий ком, а за ним еще один.

Вскричав, Азиз ринулся на обидчиков.

— Старик Озран не спасет тебя от работы, батрак! — кричал Алиб, убегая от Азиза.

Громко смеясь, впереди него неслись Мариль и Сабо. Они бежали, пока Алиб не споткнулся. Азиз налетел на упавшего, уселся сверху и, прижав коленями, разорвал на нем одежду. Затем вытерся обрывком.

Мариль и Сабо прибежали было на подмогу другу, но твердокаменные кулаки Азиза сбили обоих с ног. Негодяи на четвереньках поползли прочь.

— Азиз, это просто шутка! Прости нас! — кричал Алиб и попытался встать, но Азиз наступил ему на ногу.

— Я тоже шучу, — процедил Азиз. — Я тебя всего лишь проучу. Ты вечно прячешься под юбкой матери, а сейчас позволил себе такую шутку, да?

Алиб скулил — кулаки Азиза были безжалостны.

Вокруг собралась толпа, но никто не пытался разнять мальчишек. Мать Алиба шагнула было вперед, чтобы вмешаться, но муж преградил ей дорогу. Алиб замолк; Азиз хоть и остановился, но, похоже, был готов в любой момент продолжить урок.

Подняв голову, он поискал глазами отца. Тот кивнул. Тогда Азиз встал и устремился прочь из аула. Он шел в лес.

9

Сын охотника беззвучно пробирался знакомыми тропами. Выйдя на нужную поляну, он огляделся. Никого. Прислушался. Тишина, лишь вдалеке ухает сова. Прижав руки к бокам, Алиб шагнул к кусту сирени и, прыгнув в самую гущу, вдруг пропал.

Вода в озере была прохладная. Азиз поплавал немного, потом перевернулся на спину и, раскинув руки, застыл на поверхности. Черное, расшитое звездами небо шатром нависало над озером. Мальчик был недоволен собой — хмурился, кусал губу, то и дело бил ногой по воде.

— Что-то не дает ему покоя, — погладив пепельного оттенка косу, произнес Хранитель леса. Он сидел на ели неподалеку и наблюдал за мальчиком.

Азиз вдруг нырнул, только пятки мелькнули.

Хранитель, сверкнув зубками, сейчас же полетел над озером. Добравшись до места, где исчез Азиз, он провел по воде рукой.

«Почему я до сих пор не всплыл!
 Неужто ушел так глубоко?» — подумал мальчик и изо всех сил заработал руками, пытаясь вытолкнуть себя обратно на поверхность. Ничего не получалось. Тело требовало воздуха, но Азиза не пускала какая-то колдовская сила. Перед глазами замелькали картинки — сначала блеклые, размытые, затем они сделались четче...
 Оказывается, память рисовала ему его первое поражение в испытании.

...Азиз держал за руку женщину и шел к просвету меж деревьев. Ее сын нагнал их, упал Азизу в ноги и начал умолять сквозь слезы:

— Прощай тебя, пожалуйста! Я прохожу уже в третий раз! Мне не смыть позора! Ты силен и ловок, выиграешь еще!..

Хранитель висел над озером, глядя в самую глубину. Нечеловеческие глаза переливались всеми цветами радуги.

А Азиз все греб, все боролся с водой и собственными воспоминаниями.

— А второй раз? Ну же... — поторопил Хранитель леса.

...На левом плече Азиз нес женщину. Листва шелестела под ногами. Сердце мальчика ликовало, и, наверное, поэтому он не обратил внимания на шаги за спиной.

В какой-то момент к его горлу приставили нож.

— Отдай ее мне, — приказал голос. — Убью, если ослушаешься.

Азиз весь напрягся и, решившись, толкнул всем телом стоящего позади.

Противник — такой же мальчик — не устоял на ногах, покатился. Азиз развернулся, чтоб проучить негодяя, но тут над ухом заговорила женщина:

— Ты же добрый парень. Озран учил помогать нуждающимся. Что бы он сказал сейчас?

Мальчик тосковал о недавней утрате. Перед глазами пронеслись теплые воспоминания, как они с дедом вырезали фигурки, как тот рассказывал о подвигах предков, как он учил изготавливать яды для животных... Достаточно было мимолетного упоминания о старике, чтобы сердце мальчика смягчилось.

Он опустил женщину на землю и, нахмурившись, пошел дальше один...

Азиз все боролся с водой, но не мог ее одолеть.

Узнав все, что ему было нужно, Хранитель леса взлетел ввысь.

И лишь тогда Азиза отпустило. Он вынырнул на поверхность и жадно задышал, кашляя и отплеываясь. Затем поплыл к берегу и, выбравшись, без сил растянулся на камнях.

Полежав так некоторое время и придя кое-как в себя, он развел костер. Постирал вещи и развесил их у огня на самодельных вешалках.

Обняв колени, всю ночь провел в мучительных раздумьях.

С ближайшей ели за ним пристально наблюдала пара радужных глаз.

— Добрая душа старика Озрана заключена в твоём сердце, — говорил с ним Хранитель леса. — Твой народ не достоин такого сына...

Случайный ветер донес обрывок фразы до Азиза, но мальчик не придал этому значения.

10

Осень оказалась суровой, такой в этих краях не видывали давно. Дожди затопили пол-аула. В вечернем тумане, густом, как молоко, можно было запросто потеряться.

В окрестностях не осталось живности, и Азиз уходил все дальше в лес. Оленя, которого он убил в начале осени, поделили между всем аулом.

Мать сшила Азизу чумяки из шкуры оленя, и теперь, ступая по мокрой листве, он то и дело опускал глаза, любуясь обновой. Тепло и сухо. И материнская забота чувствуется.

Азиз присел на пенёк, прислушался. С деревьев падали капли дождя — тихо, однообразно, умиротворяюще. Потом какое-то постороннее шуршание донеслось. Ноздри молодого охотника тут же раздулись.

— Мокрый заяц, — сказал он себе одними губами.

Он смотрел на кусты и никого не видел. Но заяц точно был там.

Шуршание стихло.

«Терпение — главное оружие охотника. Умей выжидать», — сказал как-то отец.

Азиз продолжал неподвижно сидеть. Капли стучали по траве. Чижи перекликались, и мальчик, закрыв глаза, слушал уже не ушами даже, а как бы всем своим существом.

Песня, величественная и неповторимая, лилась отовсюду. Она окутывала, как большая отцовская бурка, обещала понять, принять и никогда не предавать.

— Почему я не могу жить в этом месте? — произнес он шепотом и запрокинул голову.

С крон капало прямо на лицо. Мягкий хвойный запах щекотал ноздри.

«Твой народ пухнет с голоду, а ты лесом любишься», — укоризненно произнес голос дедушки Озрана.

Непонятно почему, но Азиза это разозлило. Он вскочил, достал стрелу из колчана и положил на тетиву.

— Я сделал достаточно для своего народа, — запальчиво проговорил мальчик в пустоту. — Вечно ты помыкал мной, не давал дышать. Теперь этому конец, я больше не отдам свою победу. Даже тебе не позволю указывать!

Азиз поднял лук и, почти не целясь, выпустил стрелу. Трехгранник со свистом пронзил притаившегося зайца.

В глазах мальчика сквозила свирепость.

Пришла зима. Аул оказался в ледовом плену, который пережили не все. Люди приносили в жертву лесу то, что осталось от их добра, молили Всевышнего, но ничего не менялось.

Если осенью Азиз ходил на охоту один, то сейчас, в эту стужу, отец его не отпускал, вернее, пытался не отпускать.

— Мы славно запаслись, у нас всего хватает, — вслух размышлял Кхалиб. — Да, бывало и лучше, но зиму мы наверняка переживем. В кладовых хватит еды до самого лета, мы даже можем делиться с соседями...

Азиз понимал, что эти слова адресованы в первую очередь ему. Говорить с сыном открыто Кхалибу не позволял адат. После второго проигрыша глава семейства давал обет — ему запрещалось го-

ворить с сыном, пока тот не одержит победу и не восстановит честь.

✦ — *Всю осень мальчик провел в лесу, выслеживая зверя. Не было и дня, чтобы, возвратившись, он позволил себе отдых. Явится — и тут же готовится к следующему выходу: мастерит стрелы, чинит одежду, запасается едой. Вот и сейчас он был весь в заботах. Но семья беспокоилась, как бы чего не случилось — а ведь обязательно случится в эту непогодь!*

Кхалиф, по обыкновению, сел в кресло покойного отца и заговорил, обращаясь вроде к своим младшим детям, но на самом деле ему хотелось, чтобы услышал Азиз. Услышал и прислушался.

— Было много случаев, — говорил Кхалиф, — когда мужчины из-за нужды шли зимой на охоту. Однако голодные волки не так страшны, как страшна лавина. Сколько доблестных охотников погибло такой смертью! А у нас всего в достатке — и орехов, и яблок, и груш... даже вяленого мяса вдосталь!..

Так начинался любой его рассказ, коих было припасено много. Азиз только нос морщил — лес манил его в свои белые неприятные объятия.

Как-то ночью, когда аул осветила луна и ветер завыл свою тоскливую песню, к Азизу явился гость. То была полевая мышь. От увиденного мальчик захлопал глазами. Потом взял малютку на руки и протянул ей затвердевший кусочек хлеба. Мышь ела, забавно дергая усиками, и вдруг пропищала:

— Глупый ты мальчик. Тобой играют, а ты прощаешь.

Азиз с большим удивлением всмотрелся в глаза-бусинки.

— Не надо так на меня глядеть, — добавила мышь. — Тебя выбрал Лес, а ты возишься. Если ты не дашь отпор, тебя даже я не буду бояться.

Азиз хотел было отозваться, губы уже приоткрылись, но ни звука не слетело с них. Он тужился, силясь выдавить из себя хоть что-нибудь. Не получалось. Сначала его охватила ярость, затем пришел

страх. Азиз попытался откинуть одеяло, сесть на кровати, но и это оказалось выше его сил.

Толстые пеньковые веревки перетягивали руки, ноги, туловище; с одной стороны тянули дед со старейшинами, с другой — Хранитель леса. Мальчика сдавливали, перетягивали туда и сюда, потом дернули как-то особенно сильно, и вот он оказался под ногами старейшин. Его тут же принялись вдавливать в землю, которая охотно принимала его в себя, поддаваясь, точно свежее тесто, а сверху кричал дед:

«Нельзя, нельзя быть березой среди сосен!..»

— Сын, сын! — донесся до Азиза обеспокоенный голос матери. — Кошмар... это просто кошмар. Великий Хранитель леса, покровительница добычи нашей...

Отстранившись от Азиза, мать кинулась в угол комнаты, где на полке стояла деревянная фигурка.

— Сохрани жизнь моему мальчику! — заторопилась она, обращаясь к фигурке. — Ты знаешь его лучше всех нас — он провел все детство под твоим крылом! Спаси его! Забирай что хочешь, но высвободи сына! Он глуп и наивен! Он не должен расплачиваться за свою доброту!.. Прости, что прошу о таком, Покровитель мужчин, но вы, духи, лучше нас знаете — вы видите наши сердца!..

На этих словах она замолкла и, обмакнув пальцы в миску с водой, что стояла около фигурки, провела ими по лицу. Затем поклонилась глубоко и почтительно и вернулась к постели сына.

Азиз наконец успокоился.

11

Пришла весна, а за ней — пора испытания.

Азиз решил прогуляться перед тем, как идти к месту общего собрания.

Ступая по камням, он двигался вдоль берега реки все дальше и дальше от аула. Когда последняя сакля скрылась за излучиной, мальчик остановился. Его лицо посуровело, кулаки сжались так, что побелели костяшки. Рагва бурно неслась куда-то вдаль, мимо него. Азиз смотрел на белопенный поток, от которого кружилась голова, и размышлял вслух:

— Уже два года, — говорил он, не слыша себя, — два проклятых года я живу подобно рабу... Тружусь втрое больше брата и сестры... Безропотно берусь за всякое дело... Два года я не слышал ни слова от родных... Два года отец сносит со мной мой позор... Его борода длиннее, чем у Хранителя... Меня отовсюду молча гонят — даже те, кого я называл друзьями... Только мать изредка может согреть мимолетной улыбкой. А ведь это только начало. Что будет, если я не пройду испытание и в этот раз?..

— Все из-за излишней доброты, Азиз... — прошелестело рядом. Вроде бы ветром принесло.

«Я уже слышал этот голос», — подумал мальчик и обернулся.

Никого.

Ничего.

— Кто бы ты ни был, ты прав, — сказал Азиз одними губами, и, несмотря на бешеный рев реки, он был уверен, что его услышали. — Ничто не должно сломить меня, даже эта тяжелая година.

Он помолчал, ожидая какого-нибудь ответа. Ответа не последовало. Тогда он вскинул руки к небу и принялся творить молитву.

Спустя некоторое время Азиз добрался до места, где вот-вот должно было начаться испытание.

Женщина в бордовом платье, дождавшись взмаха старейшины, торопливо двинулась в сторону леса. Ей даны были считанные минуты для того, чтобы спрятаться. Родительницы тем временем благословляли своих сыновей.

Матери Азиза запрещено было к нему приближаться, но она тем не менее нашла способ передать привет сыну. Один из старейшин с недовольным видом подошел к Азизу и, пожав ему руку, прошептал:

— Она надеется на тебя, — после чего незаметно для окружающих ткнул мальчика в живот костлявым кулаком.

Солнце неумолимо поднималось, целясь в зенит. Облака плыли куда-то, послушные воле ветра. Казалось, природу не волнует участь маленького человека.

К старейшинам подвели жертвенное животное. На лбу белого ягненка стояла алая отметина. Резную деревянную чашу с двумя ручками-проушинами наполнили молоком и протянули мужчине в толпе. Он начал произносить слова молитвы, остальные сопровождали его слова дружным «Оммен!». Затем мужчина отпил из чаши и передал ее старейшине.

После трех молитв ягненка закололи. Кхалиф подставил молитвенную чашу.

Мальчики выстроились в ряд перед старейшиной. Он обмакнул пальцы в порозовевшее молоко и дотронулся до лба каждого испытуемого. Только после этого мальчики ринулись в лес.

Азиз бежал впереди всех. Алиб, Мариль и Сабо, конечно же, не изменили себе — начали подшучивать ему в спину:

— Эй, зачем так быстро несешься? Разонравилось чистить чужие стойла?

— Будешь чистить и мое!

— Он будет чистить стойла всего аула!

Азиз запретил себе отвечать.

Листва громко шуршала под ногами семерых мальчиков, желающих во что бы то ни стало сделаться мужчинами. Добежав до священного камня, они торопливо разделились и разбежались кто куда. Лишь Азиз почему-то не спешил. За ним следили духи предков: все ждали его решения. Покойные спорили, по какому пути пойдет этот малец.

Тут над головой Азиза раздалось карканье, и недобрая ухмылка скользнула по его губам.

— А что, если не выиграет никто? — проговорил он, ни к кому не обращаясь.

Духи начали торопливо совещаться: доселе ни один человек не смел менять правил этой игры.

«Не глупи, Азиз, ты же можешь честно выиграть», — шептал ему дух деда, но мальчик уже не слушал.

Он побежал направо, в самое сердце леса.

Солнце уже висело прямо над головой. Все вокруг было пропитано душным смрадом, будто лес стоял на древнем болоте. Золотистые лучи с трудом пробивались сквозь густые кроны.

Началась новая игра — игра Азиза.

Он бежал со всех ног и наконец настиг того, кого выискивал. Несчастный удивленно обернулся — и тотчас получил смертельный удар в сердце. Азиз выдернул из груди убитого нож и поднял руки к небу, которого не было видно за листвой:

— Боже! — прошептал он иступленно. — Отец и мать с детства говорили, что выживает сильнейший. Так не гневайся же на меня, ибо я убиваю их, потому что они слабы.

Смерть — высокая тонкая фигура — показалась в отдалении среди деревьев, но Азиз, ничего не заметив, побежал дальше. Через некоторое время он нагнал сына кузнеца, вступил с ним в схватку и, повозившись, задушил.

Помутневшие глаза убитого смотрели вслед удаляющемуся Азизу. Синие губы были чуть приоткрыты, точно сын кузнеца намеревался окликнуть своего убийцу, но все не решался.

«Солнце уже несколько часов не сдвигается с места, — заключил Азиз, подняв на бегу глаза. — Странно...» Впрочем, долго он над этим голову не ломал — бежал и бежал, следя за дыханием. Деревья вереницей проносились мимо. Потревоженная листва шуршала под ногами, валежник трещал.

Вскоре был нагнан Алиб и убит подло, со спины.

Такая же участь чуть погодя постигла Мариля.

Следующей жертвой стал Сабо.

Лес был непривычно спокоен, живность будто вымерла. Ручейки, встречавшиеся на пути, журчали непривычно тихо, а иногда и вовсе не журчали — или это только чудилось?

Смерть не отставала от молодого охотника — хотя он все время бежал, а она медленно шла, будто плыла по-над землей.

В какой-то момент Азиз все же почувствовал ее гнетущее присутствие, остановился и завертел головой.

— Кто здесь? — громко спросил он.

И тогда Смерть бесшумно вышла из-за ближайшего дерева и, обходя мальчика по длинной дуге, зашептала:

— Остановись, смертный. За тебя уж отомстили. Ты забыл, зачем ты здесь...

Обычай перестал быть просто обычаем. Азиз и не заметил, как сделался охотником на людей. Кровь невинно убиенных была теперь не только на руках — она текла у него по жилам.

И поняв это в полной мере, Азиз замешкался. Но отчаянная, необузданная ярость затуманила рассудок. Слыша только горячие толчки крови в ушах, он молча, все убыстряясь, двинулся на поиски последней жертвы.

Несся, не останавливаясь. Стрелял по сторонам глазами. Втягивал ноздрями воздух, пытаясь учуять человеческий дух.

Солнце так и не поменяло положения, хотя по ощущениям уже давно должен был наступить закат.

Гезарос, которого выслеживал Азиз, наткнулся на мертвых друзей и сразу догадался, в чем дело. Посидев и подумав, он решил не трусить, а найти убийцу раньше, чем тот отыщет его.

А Азиз бежал и бежал, все глубже вгоняя себя в какое-то помрачение.

Духи предков собрались в овраге, возле которого должно было все решиться, и принялись подзывать к себе души убитых мальчиков. Вскоре собрали их подле себя и успокоили. Потом сюда же явилась Смерть. Все тут же замолчали и потупились. Лишь дед Азиза, находившийся среди духов, шагнул к Смерти и спросил жадно и в то же время жалостливо:

— Кого из них ты собралась взять?

Смерть не ответила. Выглядывая из оврага, она поджидала живых.

Вот недалеко показался Гезарос с ножом в руке. Мальчик крался на полусогнутых ногах и настороженно вертел головой. Глаза заливало потом, и он то и дело вытирал его рукой.

Азиз волком выскочил из кустов, и завязалась жестокая драка. Гезарос отчаянно махал ножом, отпрыгивал, пытаясь не подпустить к себе безумца, но тот все напирал и напирал. Изловчившись, Азиз поднырнул под выпад, и вот из горла Гезароса ручьем хлещет кровь.

Мать мальчика пряталась неподалеку за упавшим деревом и видела все. Когда сын ее оказался на земле, она встала — бледное лицо, рот перекошен, глаза горят ненавистью. Азиз посмотрел на нее отчужденно. Он ясно помнил всех тех матерей, что упрашивали его отдать свою победу, и не было в нем ни капли сострадания.

— Всевышний, — сказал он, поднявши лицо к небу, — ты услышал меня!

Женщина тем временем приблизилась к мертвому сыну, опустилась на корточки и с натугой подняла его на руки. Азиз опять смотрел на нее. Она уже уходила, но потом все же остановилась и, полуобернувшись, бросила через плечо, будто сплюнула:

— А я думала, Озран научил тебя жалеть...

После чего отвернулась и двинулась прочь. Вскоре ее не стало видно.

И как только это случилось, в небе загромыхало — будто столкнулись шлемами два лихих великана. Крупные капли с силой застучали по кронам.

Смотря прямо перед собой, не различая дороги, смертельно усталый мальчик брел сквозь мокрый шелестящий лес. Капли, падавшие с веток, бились о его голые плечи, текли вниз по рукам, смывали людскую кровь.

Азиз вышел из леса.

Зарина ХАДАЕВА

ЭСТЕТИЗАЦИЯ

СТИХИ

{ *МИР — экзистенция,
мы — наши СНЫ* }

ОДИССЕЯ. НАШИ ДНИ

Неправильно который год подряд
Растасканные жизнью ждем от прошлого
За наше настоящее наград.
Друг другом были сотню раз мы брошены.

Другим мы доверяли наш уют,
Чужими укрывались одеялами.
Они и посегодня слезы льют
С (хотя уже длиннее) интервалами.

Неправильно и глупо нас ведет
Канва судьбы — углами заостренными:
То расплетет, а то опять сплетет,
Разбавив сей узорчик усредненными.

Мы — нити знаменитого ковра,
Приданое из древнего предания.
Предложена нам странная игра —
За встречей неизбежно расплетание.

К Ф...

1

Заигралась... Но выйти в ничью
Не удастся сегодня, по-моему,
А проигрывать я не хочу,
Не умею (да, даже достойному).

Все сольется — и платье, и чай,
 И тоска на рисунке со звездами.
 Я спрошу (только не отвечай):
 — Друг для друга возможно быть созданными?

2

• Расскажи мне свой сон-предсказание,
 * Посмотри мне в глаза-зеркала.
 • Ты и я — это самопознание,
 • И порог я не пересекла...

Пресекать я привыкла заведомо
 (Ты постигнешь игру этих слов).
 Первородным грехом перепреданы
 Я и ты — две двери на засов.

3

Я забываю твои черты.
 Это не плохо и не хорошо.
 Голос стирается, сыплешься ты,
 Скоро сотрешься совсем в порошок.

Память цепляется лишь за смех,
 Рваный, высокий, живой, из глубин...
 Коль занесет этим снегом нас всех,
 Только за смех ты и будешь любим.

ЭСТЕТИЗАЦИЯ

Сгорбатившись пятиугольником,
 В землистую бездну скользнув,
 Пусть смерть сочиняет покойникам
 Вечную музыку букв,

Тянет старательно «Реквием»,
 Врезая в камня клинок,
 Крещендо играет посмертное,
 В вечность глядит, на Восток.

ЛУНЕ

В паутине ветвей почерневших запуталась
 Эта стерва небесная в желтых рогах,
 Завернулась в туман, будто шелком укуталась,
 Самозванка, одетая в солнечный прах.

• Черный ворон не зря заклеил тебя пятнами,
 Исклевав твою лживую сущность до дыр.
 Только снова с ума меня сводишь, проклятая,
 И впиваешься в душу мне, словно вампир.

А когда ты уходишь со сцены в гримерную
 Целый день пудрить носик до выхода в свет,
 Чтобы снова сыграть свою роль иллюзорную,
 Я пишу о тебе свой нестройный куплет.

Вот поэтому, стерва моя полумерная,
 Все стихи пропитались сырою тоской.
 И уже никогда не смогу я, наверное,
 Обрести покой.

* * *

Замыслы.
 Вымыслы.
 Помыслы со смыслом.
 Посыл из закулисья.
 Душа коромыслом
 На плечах повисла.
 Надежды прокисли.
 Здоровые смыслы
 Крысы загрызли.
 Друг от друга зависим.
 Стремимся к мнимым высям.
 Ждем равнодушных писем.
 Ходим в полуприяд.
 Стыдимся своих залысин.
 Умрем в корысти,
 Не познав истин.

* * *

 Разбилась мысль в зубах оскаленных,
 Как в скалах бьется пена волн.
 В словах зарубцевалась ссадина,
 Как после ливня небосклон.

Я для других пишу по памяти
 Свои утраченные сны.
 Какой и как меня помяните,
 Как выйдут дни моей весны?

Неважно, сыт ты или голоден,
 Не так трактуй упадок сил.
 Неправда все про честь, про смолоду.
 Лишь то, что сам в себе взрастил.

Я

Тебе не больно. Ты — самоанализ.
 Не так, не то, не тот, не та... и ты.
 Они всегда и всюду притворялись,
 Черствели твои сдобные черты.

Кто ты? Коль разобрать себя по полкам —
 Твой шкаф-скелет прогнулся, треснул, сгнил.
 И ты становишься с волками волком.
 Ты — пятна мною пролитых чернил.

Ф. К.

«Замок». Франц Кафка. Вторая глава...
 Кто тогда прав, если я не права?
 Мы — это вечное чувство вины.
 Мир — экзистенция, мы — наши сны.

— Кто же тогда этот сверхчеловек?
 — Божий ублюдок, ускоривший бег.
 Знаете что, если я не права —
 «Замок», Франц Кафка, любая глава.

* * *

Есть мир, в котором мы.
 Есть мы, в которых мир.
 И корабля кормы
 Не стоит командир.

Есть бог и имена.
 «Нет бога» — тоже есть.
 Есть совесть и вина,
 А есть война и месть.

И, значит, есть лишь миг,
 А дальше — пустота...
 И сменится блицкриг
 Рождением Христа.

БОЖИЙ ДАР

Разменивая в мелочь божий дар,
 Давлю прыщи своей душевной оспы,
 И гной стекает в мой резервуар,
 И множатся нарывы и наросты.

Затрагиваю тему, а она
 Выскальзывает грубо и упрямо.
 В забытом миром мире я одна,
 Пытаюсь влезть на стену, пячусь в яму.

Меня несет поток убитых дней,
 Куда — еще сама не понимаю.
 Но что, если закончится тоннель,
 А света там не будет даже с краю?

Надежда есть, и я еще в строю.
 Не боль, но безысходность разрушает.
 Коль не за правду я паду в бою,
 То божий дар себя не оправдает.

Георгий ХОСТИКОВ

МАЛЕНЬКОЕ НЕСЧАСТЬЕ

РАССКАЗ

{ Это НАПОМНИЛО мне один
случай в Приштине }

Он немного прихрамывал и имел привычку высмеивать других преподавателей — в такие моменты он забывал про правильный французский и ужесточал согласные. Его фамилия была Ортко, но не только это и не только вырвавшийся акцент выдавали в нем то ли балканца, то ли еще какого-то восточного европейца. Он в целом был какой-то другой. Однажды он упомянул, что в детстве кидался камнями в дома албанских ростовщиков в Требине, а потом некоторое время спустя сказал, что в шесть лет сломал ногу в Бухаресте и его выхаживала знахарка.

— Я думал, ты из Требине.

— Мать румынка, я часто гостил у ее родни. Тогда, в шесть лет, я и стал хромать. Впрочем, это не помогло тем албанцам поймать меня, когда я разбил им окна камнями. Докинул с середины моста Перовича, представляешь?

— Нет, не очень.

— Метров тридцать, — пояснил Ортко.

— А зачем это?

— А зачем они давали деньги в рост?

Надо признать, что Лиссе очень оживилась с его приходом. Я успел поработать в этой школе пару месяцев, привык к монотонному распорядку дня, к детям, к небольшому сквозняку, который витал в учительской рано утром. У мсье Потье были слабые бронхи, поэтому мы проветривали помещение до его прихода, и то лишь слегка. В одно такое утро явился Ортко и нахально распахнул окно, воровато окинул меня взглядом, подмигнул и закурил. В учительской был только я, но едва успел он докурить и выбросить папиросу, как внутрь вошел Потье и, сделав вздох, с ужасом выбежал прочь.

— Чего это он? — было видно, что толстый Потье его развеселил.

— Болеет, боится сквозняков.

— О, правда? Почему вы сразу не сказали?

По правде говоря, у меня еще тогда сложилось впечатление, а позже укоренилось, что он задает вопросы, заранее зная на них ответы.

— Не знаю, я немного растерялся.

— В Лиссе хорошо топят. Как вас зовут?

— Анри Андюаль, преподаватель истории.

— Иво Ортко, преподаватель литературы.

Так мы с ним познакомились. Той осенью было особенно промозгло, и мы с ним часто захаживали в заведение со странным названием «Маленькое несчастье». Хозяйка была приветливая женщина, я никак не мог запомнить ее фамилию, но звали ее Вивьен. Где-то в конце ноября мы с Иво сидели в «Несчастье», пили пиво, он поглаживал устроившуюся у него на коленях крольчиху по прозвищу Чехия. За барной стойкой суежилась Вивьен, и Иво спросил ее, почему заведение досталось такое название.

— Ему около семидесяти лет, принадлежало еще моему деду, а при нем оно называлось «Большая удача», потому что его облюбовали картежники, скупщики краденого и всякий сброд. Потом оно перешло к отцу, он сам любил выпить и поиграть в карты на деньги, но к тому времени в Оше усилилась жандармерия, патрули стали появляться чаще, и большая часть этих проходимцев куда-то перекочевала. Дела стали совсем плохи, а однажды я предложила отцу сыграть в карты. Не на деньги, конечно. Я предложила ему переименовать бар в «Маленькое несчастье», если я выиграю. Ну и...

— Так почему «Маленькое несчастье»?

— Отец меня так называл. Стоило мне разбить коленку, играя в салки с мальчишками, он говорил: «Вивьен, мое маленькое несчастье». Как-то раз я украла гуся у соседей и снова: «Вивьен, мое маленькое несчастье». Он говорил это ласково и как-то грустно.

— А где он сейчас?

— Он умер шесть лет назад.

— Прошу прощения, — серьезно сказал Иво.

— В общем, я тогда его выиграла. Знаете, что смешно? При старом названии наше заведение два раза горело и было почти что притоном, а при новом в этих краях построили Лиссе Сент-Мари, и сюда снова повалил народ, в основном учителя. Школьники и жлобье ходят в «Бочонок», а у нас теперь все интеллигентно.

— Вы слышали, коллега? Школьники ходят в пивную, уму непостижимо! Нужно их немедленно наказать — за мной, Андюаль!

Иво аккуратно положил Чехию на барную стойку и потерял ее за ухом.

— За мной! — с этими словами он бодро зашагал к выходу.

Я словно физически ощущал барьер между впитавшим в себя жар камина «Маленьким несчастьем» и отвратительной ноябрьской погодой на улице, но Иво никаких преград не видел. Он первым вышел навстречу мелкому и порывистому дождю, я нехотя шел следом.

— Куда мы идем?

— В «Бочонок», наводить порядок.

— Что? Ты шутишь?

— Какие шутки, мсье Андуаль, когда речь заходит о воспитании юного поколения?

— Черт тебя дерит, Иво, ты выкидывал книги Джека Лондона в окно перед своими учениками, предлагал им измазать навозом доску...

— Тебя тоже удивляет, что, вопреки всему этому, у них развилось дурновкусие и безнравственность? — сказал он, семена по лужам.

— Иво...

— Мсье Дуанель, будьте благоразумны. Ученики Лиссе Сент-Мари, возможно, прямо сейчас пьянствуют в таверне, а мы там даже еще не были. Это неприлично.

Дождь с ветром усилились, когда мы переступили порог «Бочонка», внутри пахло луком и потом, и Иво, улыбаясь, вдохнул полной грудью. За дальним столиком сидели несколько старшеклассников, мы узнали их, но они нас не заметили или сделали вид, что не заметили. Говоря по справедливости, я как учитель имею полное право выставить их вон, надавать затрещин, но в подобные моменты меня нередко одолевает робость, что, дескать, не стоит; зачем нам эти неприятности? Иво о таких вещах, казалось, не задумывался — он направился прямо к ученикам и радостно приветствовал их:

— Ги, Этьен, добрый вечер! А вы двое, забыл ваши имена, тоже привет. Как вас занесло сюда, молодые люди?

Ученики опасливо переглядывались между собой, не смея вымолвить ни слова, они вжались потными ладонями в свои кружки с пивом, и выглядело это все так, словно кот поймал пару мышей, не убивал их, но и не отпускал. Этьен молча смотрел на своего учителя из-под копны черных волос, и выглядел он при этом со своими еле пробивавшимися усиками очень смешно. Еще с порога было заметно, что они давятся этим пивом, отхлебывают малыми глотками, из-за этого непомерно большие для них кружки, казалось, не пустели.

— Ну так, мои юные друзья, что отмечаете? Удачные оценки в семестре? Или вы обсуждаете Джека Лондона? Это же ты любитель Лондона, Этьен? Это ты, я помню. Ты любишь героев с «волевыми подбородками». Надеюсь, твоя книга цела.

— Несколько страниц оторвалось, мсье Ортко, но я их приклеил.

— Всего несколько? Как замечательно. А ты, Ги? Как уроки богословия?

— Все хорошо, мсье Ортко, спасибо.

— Пожалуйста. А правда, что господин Потье вбивает в тебя веру подзатыльниками?

— Если я провинюсь, он иногда бьет меня...

— Зря ты не измазал дерьмом его доску, как я тебе предлагал. Сейчас он был бы поосторожнее. Вы мне не ответили, что за повод.

— П-п-п... — промямлил Ги.

— Мы просто так, — ответил Этьен. — Решили выпить.

Иво сверкнул своими серыми глазами, иногда они приобретали зеленый оттенок, но в тот миг они блеснули, как сталь. Иво спросил у Этьена, нет ли у него случайно ножа.

— Нет, мсье Ортко, — замявшись, ответил ученик.

— Тогда можешь пить, — в зеленых глазах засверкали огоньки. — Хотя я вижу, что вам особо не по душе это мужицкое пойло. Дам один совет, юноши: вы не с того начали. Возвращайтесь как-нибудь в другой раз. А будут деньги — загляните для начала в другое славное заведение в закутке южнее Глуар.

Ученики снова неуверенно переглянулись между собой.

— Встретимся на занятиях, молодые люди.

Юноши встали, словно по волшебству, попрощались и зашагали к выходу.

— Присаживайся, Анри.

Иво довольно быстро осушил кружку Этьена и принялся рассказывать мне о закутке южнее Глуар:

— Когда два месяца назад я прибыл в Тулузу, то поселился рядом с проспектом Глуар, там по дешевке сдавали меблированную комнату, мне ее, кстати, посоветовали в «Несчастье». Какой-то старый шарлатан, видимо, по прежней памяти решил посетить притон своей юности и направил меня, что вполне логично, в шарлатанский квартал. Ты был там?

— Нет, я нечасто выбираюсь так далеко.

— В общем, я прожил там две недели, за вторую, признаюсь, так и не заплатил. Надо бы занести хозяйке эти деньги, хоть она и заслуживает адских мук, эта старая потаскуха. В общем, это такой квартал, дома которого словно сгреб в кучу кто-то очень большой, а потом

отпустил их, и получилось этакое кривое, кое-где осыпающееся нагромождение домов, балок, крыш и железяк. Создавалось впечатление, что ты внутри сломанного механизма. Недалеко был самый уродливый бордель из всех, которые мне доводилось видеть.

— А видел ты их, смею предположить, немало?

— Да, три. Тот — четвертый. Просто кошмар. Снаружи казалось, что это заброшенный лепрозорий. Кое-где были разбитые стекла, за разбитыми стеклами, понятное дело, пустые затхлые комнаты, а единственное, что давало понять, что тут есть жизнь, — свежие нечистоты на улице.

— Но он работал?

— Конечно, работал. Такие места живучи, как крысы. Большие и помпезные дома терпимости живут свой недолгий век и умирают, когда какая-нибудь и так выбивающаяся из сил нимфа не до конца удовлетворила извращения высокопоставленного гостя. Например, не очень качественно отхлестала его или помочилось ему на пузо недостаточно обильно. Не дай этим говнюкам кончить, как им хочется, — они приходят в бешенство, требуют обратно деньги и используют связи, чтобы прикрыть лавочку. И лавочка действительно закрывается — помпезная, в мягких бело-розовых тонах, где везде пахнет санталом, где мамочка — дородная и гостеприимная античная богиня плодородия. Этим местам приходит конец. Еще они закрываются из-за Святого Престола, новой власти, завоевателей, народной воли. Проституток принято считать довольно бесчувственными или изображающими чувствительность, и их мир словно такой же, но на деле этот мир хрупок. Он не выдерживает малейшего натиска. Разве это не доказательство чувствительности? Я считаю, что это мы бесчувственные, мы не способны это уловить.

— Если бы я тебя не знал, то все равно бы понял, что ты преподаватель литературы. Хотя, возможно, предположил бы, что ты протестант.

— Неужели я так похож на скучного трусливого садиста или на жлоба?

— Ты выкинул книгу Этьена, это жестоко. А еще ты не заплатил за вторую неделю хозяйке комнаты, да еще и проклял ее.

— Она сама себя прокляла, уверяю! А Этьену я оказал услугу. Теперь ему будет стыдно брать этого дурака Лондона в руки. Однажды поруганные всеобщие любимчики начинают терять свою власть. Пускай почитает Сулье.

— А ты знаешь, что во многих городах Средиземноморья есть очень старые дома терпимости, некоторым из них по триста лет?

— Сразу видно преподавателя истории. Или католика.

— Лучше якшаться с историей, чем с дьяволом.

— Точно учитель.

— Так что с борделем?

— Точно, бордель. Живучий бордель. Почти как на Средиземноморье. — Иво взглянул на меня с легкой укоризной. — Я заявился туда ночью, когда из целых окон бил свет, из разбитых летели бутылки. Одна чуть не угодила мне в лоб. Тогда это жалкое здание все превратилось в праздник. Ну или в вакханалию.

Иво отпил из кружки одного из тех, имена которых забыл.

— Они не оставили тебе шансов не зайти.

— Именно. Внутри дрались двое мужчин, а вокруг сидели проститутки: кто на софе, кто прямо на барной стойке, одна оперлась о дверной косяк и курила, всем было весело и... — он посмотрел куда-то сквозь меня. — Это было красиво. Как выяснилось, эти двое не поделили девку, оба хотели быть первыми. Представляешь, Анри?

Иво сделал еще один большой глоток.

— Да, двое парней подрались, скорее всего пьяные. Что такого?

Иво так же невидяще посмотрел куда-то в сторону и сказал:

— Было красиво. Хорошие удары, женщины соблазнительные. Но не в этом суть. Пока они выбивали друг из друга дурь, я поднялся на второй этаж и увидел свет в дальнем углу затхлого коридора. На полу тут и там валялось битое стекло, на одной из дверей висела кровавая простыня, а свет лился из проема приоткрытой предпоследней двери. Я заглянул и увидел ее — ненакрашенную, в тонком платье из белого шелка, с короткими лентами в русых волосах. Она спросила меня, кто из дерущихся побеждает, а я ответил, что даже победитель будет сегодня не в силах получить свой приз. Ей было важно знать, кто побеждает, этой шлюхе! Какая разница, под кого ложиться?! Я в шутку объявил победителем себя, и она отдалась мне.

— Ты ей заплатил?

— Нет, в том-то и дело. Она не взяла с меня денег.

— Черт, везучий ты человек.

— Я просто победитель.

— Может быть, она влюбилась в тебя?

— Вряд ли: такие не влюбляются. Они просто одаривают достойных.

— Ты бывал у нее после этого?

— Нет и не собираюсь.

— Почему?

— Тем вечером все, абсолютно все существовало, чтобы я оказался там, с ней. Теперь уже все существует не для меня.

Его привычка переходить от четких и конкретных вещей к каким-то абстракциям иногда вгоняла меня в ступор. Я сдерживался, чтобы даже внутри себя не счесть это бредом, но удавалось все хуже.

† — *Можешь считать, что сегодня ты существовал для того, чтобы к той проститутке отправились четверо твоих учеников*

— Ну там будут и другие проститутки, не забывай. И пусть лучше блудят, чем пьют в пабе с работягами. Нарвавшись ненароком на крестьянский кулак, можно и дураком остаться.

— И то верно.

— Предлагаю и нам туда прогуляться.

— Нет, Иво, уже поздно, а завтра на работу...

— Я просто хочу отдать деньги хозяйке той комнаты, это рядом. Отдам деньги и — в общежитие, обещаю. Дождь как раз прошел.

Нам и без того нужно было долго идти до общежития, а с Глуаром еще и крюк делать, но я вздохнул и согласился.

Мы брели по вечернему городу, я заметил на лице своего друга странную улыбку.

— Что смешного?

— Слышишь, Анри?

— Что?

— Умолкших торговцев? И капли стекают с навесов над их бакалейными лавками, пекарнями.

— Далеко еще?

— Почти пришли.

Некоторое время спустя, свернув в переулок, мы оставили широкий Глуар за спиной, а этот безымянный переулок с каждым шагом начинал походить на то, что рассказывал о нем Иво. Дома жались друг к другу, наползая, где-то водосточная труба пробилась сквозь чей-то чердак, на скамейке лежал человек, от него пахло перегаром; от этой картины и выпитого пива меня и самого начало клонить в сон.

— Почему-то я не удивлен, что именно сюда тебя привела судьба по приезду в Тулузу.

— А я удивлен. Помню, лет в десять поехал первый раз в Вуковар к родственникам матери и сразу же попал за решетку — подрался. А по сравнению с камерой это место еще ничего.

— Так где эта твоя старуха-рантье?

— Эта старуха — дьявол, черт бы ее побрал. Не брошу ей деньги в лицо только из уважения к возрасту. Вот этот дом.

Дом представлял собой низкое двухэтажное строение, единственное более-менее стоявшее особняком от других. Иво два раза постучал в ветхую дверь.

— Открывайте, мадам, есть дело.

— Кстати говоря, а что с ней не так, с хозяйкой?

— Отказалась готовить мне даже за дополнительную плату, — Иво продолжал стучать, — не удосужилась постирать белье перед моим заселением, а однажды я попросил ее сделать мне кофе и обнаружил в нем смачный старческий плевок, представляешь? В общем-то, ерунда, и я преувеличиваю ее пороки, но эти две недели я постоянно выслушивал ее претензии, ловил гневные взгляды. Да где ты, проклятая старуха?!

От последнего удара кулаком задребезжали грязные окна на втором этаже.

— Это же ты... — раздалось где-то позади нас.

Мы обернулись и увидели человека, который не далее чем пять минут назад еще лежал пьяный на скамейке. На нем была грязная рубашка и расстегнутая куртка, он слегка подрагивал.

— Я помню тебя, — он протянул худую руку, и из-под случайно закатавшегося рукава показались напряженные жилы.

— Знаешь, где мадам Этьоль? — с вызовом поинтересовался Иво.

— Померла.

— Черт! Прочь с дороги! — раздраженно буркнул Иво.

— Стой! — заорал пьяница, преграждая нам дорогу. — Я тебя помню!

— Ты с трудом вспоминаешь, что нужно снять штаны, прежде чем помочиться, пошел отсюда, оборванец.

— Что, хорошо покувыркался? Я победил в той драке пару месяцев назад в борделе, а хозяин сказал, что к Элен пришел клиент. Из-за этой суки мы с Эмилем бились в кровь, а она обслуживала тебя, убудка. Я видел твою довольную рожу, когда ты уходил от нее.

— Точно, ты пытался подрать глаза, когда уснул пьяный со своим Эмилем на софе около бара. Чего тебе еще надо, чем не сладкая ночь? А подрались вы, два идиота, из-за того, что оба хотели запрыгнуть на нее первыми.

— Заткнись!

(Все произошло очень быстро, я разглядел только отблеск света, мелькнувший в руке у пьяницы, затем Иво пошатнулся и схватился за бок. Бросив на него отчаянный взгляд, преступник швырнул нож в лужу и бросился бежать.)

Это было как во сне, в бредовом, беспокойном сне, я оторвал рукава своего пальто и перевязал, как мог, его кровоточащую рану. Не помню, как я донес его до церкви, лишь помню, как меня встретил священник и попросил подметавшего двор паренька позвать сестру милосердия. Мы уложили Иво на деревянную скамью, священник начал рвать рубаху на теле моего друга, и в тот момент я потерял сознание. Очнулся я, как мне потом сказали, часа три спустя, в церкви, Иво в тот момент был на операционном столе в городской больнице. Я сразу побежал к выходу, но на улице меня встретили жандармы и стали допрашивать своими расспросами.

— Прекратите свой допрос, господа, его друг ранен! — возмутился священник.

Эти жандармы, вероятно, оказались довольно богобоязненными, хотя один из них велел мне обязательно прийти в жандармерию и слишком подробно начал объяснять, где она находится. Я не запомнил ни слова, слегка поклонился священнику и бегом устремился к больнице.

Его жизни ничего не угрожало. Три часа я сам был без сознания — наверное, от нервов. Я учитель, а не преступник, я только рассказываю ученикам о битвах, сам в них не участвую. Затем два часа, сидя как на иголках, я ждал у операционной. Вышел худой уставший врач и сказал, что все в порядке.

— Он потерял много крови, еще несколько минут, и мы могли бы не успеть, — констатировал доктор.

Я поблагодарил его. Спустя некоторое время меня запустили к Иво, который, улыбнувшись, сказал мне:

— Зря я решил ей деньги вернуть. Но все-таки человек должен поступать благородно, как считаешь?

— Как ты себя чувствуешь?

— Я жив, а значит, хорошо. Спасибо, Анри. Ты все это время сидел в коридоре?

— Я потерял сознание в церкви...

— Как девчонка, — его слова прервались слабым кашлем. — Спасибо. Это напомнило мне один случай в Приштине...

Тимур ХУГАЕВ

КОНФЕТЫ

РАССКАЗЫ

— Ба, а кто все эти люди?
— МЕРТВЫЕ

ЛОБОВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ

Он был напуган смертью. Ведь столкнулся с ней слишком рано и слишком в лоб. В двенадцать лет он стоял над холодным телом матери, лежащим в неприметном гробу, и никак не мог выплакать все слезы.

Лобовое столкновение редко обходится без последствий. А если и обходится, то люди называют это чудом. Чудес для двенадцатилетнего мальчика не нашлось. Душа, по-юношески резвая к регенерации, хоть и выжила, но навсегда осталась калекой. В центре ее образовалась черная червоточина, которая в определенные моменты жизни — часто в самые непредсказуемые — начинала саднить.

Смерть была и раньше. Но далеко. Когда ему едва исполнилось пять, умерла бабушка — та единственная, о которой в памяти хоть что-то сохранилось. Всего два воспоминания. Первое — на четвертый день рождения она привезла ему трехколесный велосипед, который он тут же оседлал и не слезал с него, пока не перерос. Хотя кататься самостоятельно так и не научился.

Второе воспоминание — почему-то более яркое — как бабушка, уже на самом излете своей жизни, испачкала руки его калом. Мамы рядом не оказалось — было утро, она доила коров. Бабушка, постепенно впадавшая на тот момент в беспамятство, все же сумела подсунуть под него горшок. Но вытереть и подтянуть ему штанишки не смогла — измазалась.

Запомнилось и лицо матери, заставшей эту картину. Ее гримаса соединила в себе и отвращение, и боль, и сострадание. Боли, кажется, было больше всего. Мама, конечно, понимала, что это выходит за рамки простой неприятной ситуации. В этом была иллюстрация, что родной тебе человек уже не справляется с тем, что зовется жизнью. Человек стремительно и верно угасает. И ты не в силах этому противостоять.

Бабушка жила в городе, а они в селе. Поэтому он не видел ее смерти — только слышал о ней. На похороны его не взяли.

Кончина бабушки уместилась для него в один телефонный звонок, после которого мама побледнела и опустилась на стул. Он смотрел на это с цветастого трехколесного велосипеда. Смерть прошла по касательной.

Смерть приблизилась тремя годами позже. Хоронили дядю — среднего из четырех братьев отца. Тогда тоже все началось со звонка. Но на этот раз двоюродная сестра, под опекой которой он проходил лечение в реабилитационном центре, посчитала его достаточно взрослым, чтобы сообщить о случившемся напрямую. Плакали. Тогда он узнал, что такое тромб и как внезапно может умереть человек.

Дядя пил. И часто пьяным приходил к ним в гости. Даже больше не к ним — к нему. Брал на колени, обнимал и жался колючей щекой. Казалось, он может просидеть так вечность. Но вот маленькому мальчику быстро надоедало. Он по наивности безжалостно разрывал объятия и выбирался — обратно к трехколесному велосипеду и плюшевым игрушкам. Дядя не обижался, понимая, что в крохотном сердце пока нет места для него. Он смотрел на незамысловатые игры мальчика и, бывало, засыпал с нежной улыбкой на губах.

Через пару лет он определил для себя, что не любит пьяных. И уже тогда ему хватило сознательности установить для дяди правило: не пей — и я буду тебя любить. Но дядя об этом правиле не узнал. Поэтому пить не бросил. А категоричную отчужденность мальчика списал на возрастные изменения (что, в общем-то, тоже являлось правдой). Мальцу потребуется чуть больше десятка лет, чтобы понять и принять другое правило: настоящая любовь не регулируется тумблером.

Он смотрел на похоронную процессию издалека. Видел толпу в черном. Впервые видел гроб. И видел бледной точкой усатое лицо дяди, лежащего в гробу. Но собрать это все в одну картину и сделать какие-то выводы еще не умел. И никто ничего не объяснял. О таком было не принято говорить. Поэтому, когда смерть набросилась на него хищником в двенадцать лет, он оказался не готов. И начал осмыслять и делать выводы только тогда.

Прежде ему казалось, что смерть всегда будет на расстоянии; что ни ему, ни его близким это не грозит. Умирают только те, кого он не знает. А если все же кто-то из знакомых, то только потому, что он потерял их из виду. Отвел взгляд, и они исчезли. В поле его зрения смерти быть не может.

Когда же не стало мамы, все изменилось. Он осознал, что все вокруг — люди, предметы, сооружения — подвержено гибели. Он стал искать этому подтверждения и без труда находил. Мысль о смерти поселилась в голове и стала главной. Ориентирующей. Он стал много о ней говорить. И не мог простить другим, что они так часто забываются и беседуют на темы, никак не связанные с загробным миром. Он будто считал своим долгом напоминать людям, что они конечны. И самое страшное — конечны внезапно. Об этом он тоже не забывал.

Долгое время смерть оставалась для него явлением совершенно ужасным, вводящим в ступор. Но пережив пубертат, он научился смеяться над ней. Правда, пока еще не в полный голос. Все же в этих шутках была лишь доля юмора. Это был все тот же леденящий ужас, но теперь в другой обертке.

Тогда же у него завязались первые серьезные отношения. Он, семнадцатилетний первокурсник, устроился на стажировку в редакцию. Выпускающий редактор молодежного газетного приложения, с кем он по долгу службы обязан был плотно общаться, сразу им заинтересовалась. Она была старше на год. И ее привлек не столько он сам, сколько его трудоспособность. Он писал больше и лучше всех. А еще она очаровалась его талантом, который он сам считал мнимым. Но она... она носилась с его ранними неумелыми стихами как с чем-то донельзя гениальным.

Не заметить к себе повышенного внимания с ее стороны он не мог. Но все же старался держать отношения между ними в полудружески-коллегиальной плоскости. С ней было приятно, а иногда даже интересно общаться. Главным образом его восхищало, что она не чувствует разговоров о смерти. Это выигрышно отличало ее от других девушек, которые бежали от этой темы, как от роя разъяренных пчел.

Но все-таки было заметно, что она ощущает ветшание мира не так остро, как он. Этот-то порожек он никак не мог преодолеть на пути еще большего с ней сближения.

Кардинальные перемены произошли в середине декабря, когда умерла ее полугодовая сестренка. Малютка родилась с диагнозом ДЦП и покинула этот мир, не научившись даже держать головку. У них и раньше самые откровенные разговоры случались, лишь когда она рассказывала о сестре. И когда ее скорбь по этому поводу увеличилась во сто крат, он, всегда чуткий к чужому горю, уже не мог оставаться в стороне.

Они стали общаться буквально круглые сутки. Разговоры по телефону длились по несколько часов. А порой по ночам они даже засыпали друг у друга на проводе. Она говорила, что никого, кроме него, не может видеть. Коллегиальность в их отношениях отошла на второй план. В короткие сроки они сделались невероятно близки. Так быстро и крепко приковать человека к человеку может только горе, подумал он.

На сорок дней сестренки она попросила увести себя из квартиры, где все напоминало о потере. Опять сославшись на то, что никого, кроме него, не в силах вытерпеть. Гулять по городу ей тоже не хотелось. Тогда, взяв с собой несколько бутылок портвейна, они сняли гостиничный номер. Плакали и пили до глубокой ночи. Достаточно захмелев, она прикоснулась к его губам своими. Дальше все произошло мгновенно и легко, как спуск на картонке со снежной горы. В эту ночь дружба переросла в нечто большее.

Предложение съехаться его сначала напугало. Все слишком быстро развивалось. Но она сказала, что больше не может оставаться в родительской квартире. И он в очередной раз не посмел перечить ее горю.

Хороший вариант — однушка в самом центре за небольшие деньги — подвернулся быстро. Съехались.

В первое время, пока она не забыла свою скорбь, все было приемлемо и даже хорошо. Он чувствовал себя уютно. Когда она прижималась и говорила, что рядом с ним ей легче, он ощущал себя не таким уязвимым перед жизнью — вернее, перед смертью.

Если он способен вытянуть кого-то из черной пасти бездны, значит, все не так уж безнадежно. Ему начало казаться, что теперь она смотрит на мир с такой же недоверчивой оглядкой, как он. Помня, что все в этом мире нестерпимо шатко.

И, как он, больше никогда об этом не забудет. Теперь, думал он, они оба понимают, насколько близка ко всему живому смерть. И будут отчаянно друг друга от нее оберегать.

Все иллюзии разрушились весной. Она стала забывать, и ему было горько за этим наблюдать. Вместе с природой в ней снова стала пробуждаться тяга к жизни. Она завела — или вернула, он не знал — привычку мурлыкать себе что-то под нос, собираясь на работу. Несколько раз возвращалась домой с букетом подснежников в руках и блаженной улыбкой на лице. Вместо слезливых разговоров под вино вечерами, расстилала коврик и занималась йогой. Она старательно выметала из себя скорбь. Он видел в этом предательство — или, скорее, дезертирство. Она, встретив на своем пути черную стену из врагов, не осталась стоять насмерть, а повернула назад. Так понимал ситуацию он и, конечно, не мог ей этого простить. Но и объяснить ей глубину своих переживаний тоже не решался. Между ними вновь появилась преграда. Но теперь не порожек, а целая стена, которая с каждым днем росла все выше.

* *Он презирал ее молчанием.*

Она то ли делала вид, то ли действительно ничего не замечала. Может, вместе со скорбью, она вымела и его?

Он больше не мог заниматься с ней любовью. Не физически — морально. Они отдалялись так же стремительно, как когда-то сближались. И теперь прикоснуться к ней было как прикоснуться к существу другого вида. Отвратительно. Однажды, напившись, он с какой-то злостью и остервенением все же полез к ней. Его удивило, что она была не против. Неужели правда ничего не замечает? Во время процесса зло схлынуло с него морской волной. Он отпрыгнул от нее так, словно только что пришел в сознание и застал себя за каким-то противозаконным — или даже аморальным — занятием. Он пулей прошмыгнул в ванную. Защелкнул замок, включил воду и разрыдался. Она зачем-то стучалась и звала его. Он не обращал на это никакого внимания, продолжая оплакивать очередную потерю близкого человека. Успокоившись, он ощутил холодный ветерок у виска. Откуда-то повеяло запахом сырой земли.

Теперь он снова был один на один со смертью.

После они ни разу не возвращались к этому инциденту. И это было последнее, за что он испытывал к ней благодарность. Они вообще перестали разговаривать. Но без какой-либо обиды. Он ошибался,

когда думал, что она ничего не замечает. На самом деле она все поняла и приняла решение гораздо раньше него. И просто дала ему время, чтобы он тоже сумел догадаться. В итоге они оба все поняли и со всем смирились. Поэтому спокойно уживались на тридцати квадратных метрах. И даже продолжали ложиться в одну постель. Все молча. А когда у нее кто-то появился, он ничего не почувствовал.

*Чувства испытывают к живым, а он
ее уже оплакал.*

Однажды, вернувшись домой, он застал ее сидящей на чемоданах. Она смотрела на него несколько секунд. Затем встала и, не сказав ни слова, протянула ему свой дубликат ключей. Ее больше не было.

Дожив остаток оплаченных дней, он решил вернуться к себе. Однако пребывание в доме, где он вырос, стало невыносимым. В маленьком пространстве, в селе, концентрация смерти была слишком плотной. Практически каждую неделю умирал кто-то из тех, кого он знал. Кому пожимал руку и чье живое тепло ощущал кожей. Черствые руки стариков почти всегда холодны. Понятно, что это из-за нарушенного кровообращения. Но он видел в этом нечто большее — загробное дыхание, что ли. Осязаемость скорой кончины. Пугает прежде всего, конечно, неизвестность. Смерть — самая большая неизвестность, которую может познать человек. И самая страшная. Ведь ее невозможно избежать. И отговорка, что глупо бояться неизбежного, здесь не работает. Умирать старым не так страшно, убедил он себя. Это, по крайней мере, правильно. Зато жить старым — страшно. Старым и немощным. А если еще и одиноким... нет, все-таки не так страшно. Что еще делать, когда уже нечего ждать от жизни? Была бы старость...

Надо уехать куда-то. Здесь слишком тесно. Здесь смерть слишком впритык.

...Он шел по мокрой московской улице. Ветер свистел над ухом. Снег ударял в лицо. Гудели угодившие в пробку машины. Он ничего не замечал, увлеченно продолжая собирать обрывки памяти в единую картину. Трехколесный велосипед... гроб дяди... гроб матери... немая разлука...

Когда лента воспоминаний стала иссыхать, он поднял глаза и увидел перед собой стену. Тупик. Он замер. Последняя сцена в памяти, застланная плотным туманом, пронеслась перед ним раз за разом, без конца.

Белый кабинет. Помятое лицо в очках. Низкий отстраненный голос. И два слова. Два слова, после которых ничего не осталось.

Неоперабельная опухоль.

Смерть дышала в затылок.

КОНФЕТЫ

— Красные невкусные! — сказала Тата, отводя от себя бабушкину руку. — И зелененькие тоже.

Бабушка удивленно на нее поглядела.

— А какие тогда вкусные?

— С белочками и с мишкой, — прилежно ответила Тата. — Те, что с мишкой, называются «Барни»!

Бабушка запустила руку в кулек со сладостями и вытащила конфету с веселым медвежонком. Внимательно ее разглядела.

— Эти, что ли? Синенькие?

— Ага! — У Таты заблестели глаза.

Бабушка еще несколько мгновений рассматривала конфету, потом протянула ее внучке.

— Там внутри тоже мишка, — сказала Тата. — Смотри...

Она ловко разорвала обертку мелкими зубками и продемонстрировала содержимое бабушке. Из бумажного убежища выглядывал улыбающийся бисквитный медвежонок. Бабушка скромно отыграла удивление, поджав губы и тихо покачав головой. Тата с чувством выполненного долга откусила медвежонку ушко. По лицу растеклось наивное блаженство.

— Еще какие, говоришь? С белками? — спросила бабушка и снова полезла в кулек.

— Угу, — промычала Тата, жуя.

— Вот эти? — Бабушка показала конфету в золотистой обертке.

Тата кивнула. Бабушка положила конфету на стол и стала дальше отбирать любимые конфеты Таты из общей массы. После, убедившись, что ни синеньких, ни золотистых не осталось, бабушка потянула края кулька вверх и завязала узелок.

Тата увлеченно доедала «Барни», когда в кухню вошла мама. Девочка вздрогнула, перестала жевать и быстро спрятала за спину фантик. Но было поздно — ее засекли:

— Мам, ну зачем ты ей конфеты даешь? Она же себе так зубы испорти!

— Глупости, — отозвалась бабушка. — Не цепляйся к ребенку! Кушай-кушай, Таточка.

Тата благодарно посмотрела на бабушку и продолжила жевать. Мама бессильно выдохнула.

— Я Матвея уже собрала, — сказала она. — Поедем мы, туда-обратно, быстро. До шести даже успею Тату забрать...

В кухню вслед за мамой пришел трехлетний мальчик. Одетый в толстый комбинезон, маленький тулупчик и шапку-ушанку, он встал в проходе. Ушанка была плотно завязана на подбородке и мешала открывать рот.

— Шас жгору, мама, — кое-как выговорил мальчик.

— Господи! — встрепенулась бабушка. — Идите быстрее, пока он у тебя не вспрел! Я с Таточкой побуду, не волнуйся. Гулять пойдем, вот, к отцу заглянем...

Мама будто хотела возразить, но не решилась и только пожевала нижнюю губу.

— Ладно, мы пошли.

Она надела на плечо сумочку и взяла Матвея на руки.

Задняя сторона бабушкиной пятиэтажки показалась Тате куда интереснее затертого фасада.

На оборотных стенах дома красовались пестрые художества тех, кому было беспредельно тесно в лабиринтах безликих бетонных сооружений. Они тщились привнести немного красок в окружавший их мир.

На фасадах акт покушения на серость быстро устраняли. В подъездах тоже. А вот задворки не трогали — сюда не дотягивался валик административных служб. И в сердцах свободных художников реяла надежда, что следы борьбы с удушливой реальностью здесь — хотя бы здесь — останутся на долгие годы. Или даже навсегда. Пока не снесут скучную панельку и на ее месте не возведут нечто запредельно далекое — прекрасное и жизнеутверждающее.

Говоря откровенно, достойных работ на размалеванной стене было не так уж много. Тате запомнился только один рисунок: Карлсон с неканонично большими глазами и широкой улыбкой, но достаточ-

но близкий к мультяшному, чтобы без труда его узнать. Карлсон будто бы изображал чайник: одну руку он упирал в бок, а другую, с развернутой к небу ладонью, держал навесу. От его головы поднимались вверх три белых облака: два малюсеньких и одно большое. В большом косыми буквами помещался вопрос: «Побалуемся плюшками?»

Тата прочла это по слогам, беззвучно шевеля губами. Больше примечательных изображений на стене не нашлось. Остальные рисунки имели лубочный характер. Непонятные символы и знаки вперемешку с однообразными надписями «Он + Она = сердечко» и «Цой жив». Другие росписи были либо на английском, либо же на русском, но Тата таких слов не знала.

Лишь когда они с бабушкой отошли от стены, Тата разглядела в уголке черное пятно и узнала в нем панду. У нее были непропорционально короткие конечности, и, кажется, она что-то держала в лапке. Тате захотелось вернуться и рассмотреть рисунок подробнее, но бабушка твердо держала ее руку и шла вперед.

Когда стена художеств оказалась далеко позади, Тата стала озираться по сторонам в попытках найти еще что-нибудь любопытное. Но глаз ни за что не цеплялся. Вокруг были только голые деревья, мерзлые, замусоренные кусты и ржавые коробки гаражей. Разговаривать с бабушкой не хотелось — отторгал ее понурый вид. Она шла вперед, старательно обходя лужи, и тащила Тату за собой прицепом. Ночной снег успел превратиться в жижу. Его белые останки уцелели только на ветках деревьев и частично на обочине.

*Возле входа на кладбище раскинулась
самая большая лужа — во всю
ширину дороги, целое озеро. Пришлось
* — перебираться по самому краешку.
Тихонько, стараясь не поскользнуться
на грязи.*

Бабушка семенила и приговаривала: «Ой, батюшки». Тата шла за ней. Грязь хлюпала, ноги неприятно вязли.

За забором путь стал легче — здесь начиналась ровная асфальтированная дорожка, усеянная по обе стороны надгробными плитами. Тата не могла вспомнить, была она здесь раньше или нет. Возможно, когда-то давно. Так, что забылись детали и остался только силуэт. Она с проворным интересом прыгала глазами по черно-белым портретам, выбитым на могильных камнях.

— Ба, а кто все эти люди?

— Мертвые.

Тата помолчала, пытаясь осмыслить это слово.

— А кто такие мертвые?

Бабушка не отвечала несколько шагов — разглядывала могильные ряды и сердобольно вздыхала.

— Это те, — наконец произнесла она, — чьи души улетели на небо, а тела остались здесь.

В голове у Таты будто растормошили пчелиный улей. Загудел внушительный рой вопросов, каждый искал свой ответ — свой цветок для опыления.

— А зачем их здесь нарисовали?

Бабушка снова долго подыскивала слова:

— Чтобы на земле их помнили. Приходили к ним сюда.

— А зачем их помнить?

На этот вопрос бабушка уже не ответила.

...Искомая могила оказалась в третьем ряду, близко к краю.

— Фундамент просел весь, — цокнув языком, сказала бабушка.

Тата вгляделась в лицо на надгробии и узнала его по фотографии на бабушкином комодe. Там, в позолоченной рамочке, оно тоже было черно-белым. Правда, глядело чуть накренившись, а не как здесь — прямой анфас. Бабушка подошла к надгробию и рукавом смела снег с верхушки камня.

— Эх, Прощка, Прощка... — проговорила она себе под нос и положила ладонь на памятник. Поглядела на бесцветный портрет, после чего коснулась уголка глаза.

— Ба, а мертвые нас видят?

— Видят, Таточка, видят и слышат.

— Они придут, если их позвать?

— Нет, это мы к ним отправимся, когда придет время. Тела оставим здесь, а сами полетим на небо. Потом, когда умрем.

Тата дотронулась кончиками пальцев до своей щеки и застыла. Взгляд долго не мог оторваться от памятника, а рука — от лица.

— Баба... — отстраненно произнесла Тата. — А все должны умереть?

— Умереть, — поправила бабушка. — Все, Таточка, все, — в ее голосе слышалось сочувствие.

— Даже я и Матвей?..

— Ой... — Бабушка будто бы испугалась. — Что же ты такое говоришь!

Она засуетилась, словно хотела отогнать от себя вопрос Таты — злую пчелку. Подалась на шаг вперед, сунула руку в карман телогрейки и достала кулек с конфетками. Положила его под черно-белым портретом и что-то простонала.

— Пошли, Таточка, — сказала бабушка, выпрямившись.

Она взяла внучку за ладошку и снова потащила за собой. Тата еще некоторое время смотрела назад. На могиле сиротливо остался лежать мутный узелок с конфетами.

Они шли обратно по асфальтированной дорожке. Лица то и дело касался ветер. Тата только сейчас заметила, что снова пошел снег. Неторопливый и мелкий, будто остатки вчерашнего, крупнозернового. Девочка проследила за полетом одной снежинки: она плавно спускалась, кружась на ветру, отлетая, как маятник, то в одну, то в другую сторону. Приземлившись на могильный гранит, снежинка сразу же растаяла.

— Ба, — подала голос Тата. — А зачем мертвым невкусные конфеты?

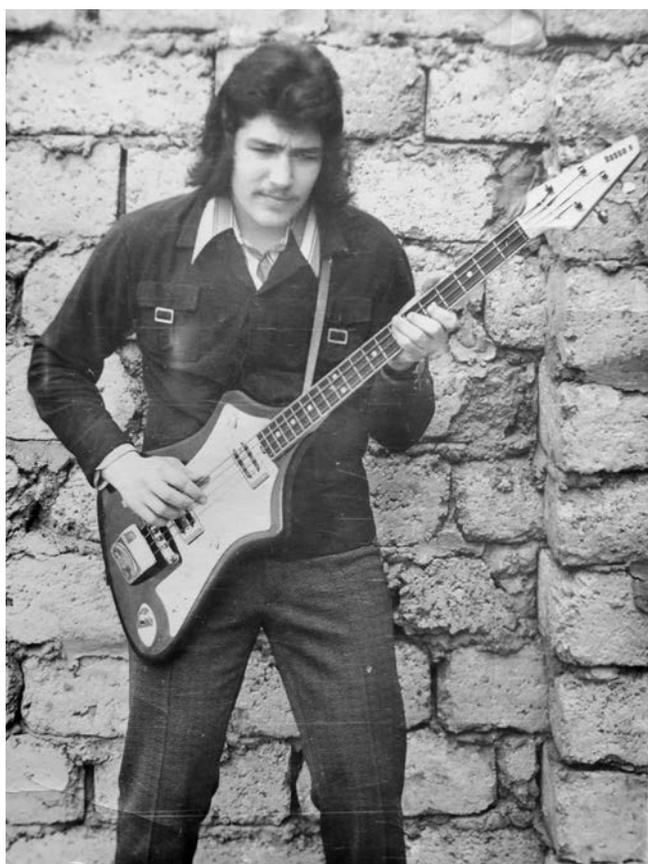
Решетчатые ворота кладбища скрипели. Сзади послышался черный вороний грай.

Сергей ДЖИОЕВ

А ЧЕМ ИЗМЕРИТЬ ЖИЗНЬ?

СТИХИ

Эстрада — вот чем полнится эфир }

* * *

Прошел мой вечер выпускной...
Я на свободе! Боже мой!
Ужель не испытаю боле
Ученика я горькой доли?
Не буду у доски стоять
И от незнания страдать?
И ждать подсказок я не буду?
О, право, то подобно чуду!

✝ О, как я счастлив, черт возьми,
Ведь эти десять лет возни
До ужаса мне надоели.
Вставая по утрам с постели,
Я так хотел еще поспать.
Твердили мне: «Пора вставать,
А то ты опоздаешь в школу».
Конец положен произволу!

Да, я свободен! Благодать!
Пойду судьбу свою искать.
Вперед — за нитью путеводной!
Ведомый целью благородной!

* * *

Когда путем, обдуманном заранее,
Я шел судьбой чужою напролом,
Не думал я, что каждое свидание
Меня ошпарит памятью потом,
Что каждый день, украденный у жизни мной,
Вернуть не сможет прошлая весна,
А суета по будням, да и выходной,
Не так нужна, не так уж и важна.

Быть может, чье-то жизненное кредо я
Нарушил вдруг, неискренне любя.
Не потому ль обрек себя при этом я
Скорбеть, любя, и не любить, скорбя?

* * *

А чем измерить жизнь? Прошедшими годами?
Такою переменчивой судьбой?
Иль шорохом дождя в на миг застывшем game,
Иль суетой безмерно затяжной?
Года плывут-скользят, завешивая окна,
И проплывают вдоль уставших стен.
Знакомое давно все выгорело, блекло.
А новое... Кто верует, блажен.
Я превращаюсь в дождь и радуюсь зигзагам
Бегущей по стеклу простой воды.
Немногого хочу, живительная влага
Пусть только смывает прошлого следы.

* * *

Час встреч сегодняшних, час прошлых ожиданий.
Рождение сна в струящейся ночи.
Тягучесть мига в глубине сознания.
Мгновенность дней — в грядущее ключи.
✦ — Теряют смысл, поверь, чужие откровенья.
К чему их гулкость, если нет тебя?
Без глаз твоих мир пуст от сотворенья
До страшного суда, что ждем, скорбя. ● — ✦
Когда-нибудь, когда душа моя устанет,
Когда уйду, окончив путь земной,
Твои глаза еще печальней станут.
Меня проводит взгляд такой родной.

МОСКВИЧАМ

Святые мальчики с улыбкою дежурной,
С костюмной элегантностью и мягкостью манер.
Они всегда пошутят там, где нужно им,
И там, где надо, скажут комплимент.

А нынче в моде почему-то те мальчишки,
 Что, пачку не одну журналов разных пролистав,
 Сумеют всем понравиться, не слишком-то
 Заботясь, что нарушен был устав.

Что ж, их суждения все сплошь оригинальны.
 Вот скажете вы им, что Вольфганг Моцарт — ваш кумир.
 Они сошлются на познания журнальные:
 Эстрада — вот чем полнится эфир.
 Но не дай бог, вы почитатель рок-н-ролла,
 Вас станут убеждать, что вкус ваш дьявольски убог,
 Что невозможно слушать рок без корвалола, а
 Лишь Вольфганг Моцарт в музыке наш бог!

* * *

Мир хрупок, скомкан в ядерных тисках.
 Комочек глины смял безумный скульптор.
 Нет жизни — только боль и только страх.
 Проклятье вам, нажавшим кнопки пультов.

Горит Земля, рожденная в огне.
 Сейчас огнем обречена на гибель.
 Какое счастье, что пока во сне,
 Не наяву я смерть Земли увидел.
 Не дай нам бог, чтоб сбылся этот сон.
 Да здравствует безъядерное небо!
 Чтоб мир, в котором с вами мы живем,
 Не превратился в ядерную небыль.

* * *

Опять я там, где быть не должен,
 Вновь в одиночестве глухом.
 Как неуютен мир, как сложен.
 Я в измерении другом.
 Субботу жду я с нетерпеньем,
 Жду, что опять вернусь домой.
 С неизъяснимым наслаждением
 Я брошусь в город, как в прибой.
 Два дня отпущены судьбою
 С друзьями встретиться, с тобой,

Идти родною стороною
 И просто быть самим собой.
 Ну а потом опять автобус,
 Дорога в чуждые края.
 Как ни заманчив круглый глобус,
 Нет на чужбине мне житья.

* * *

Мелькают наши дни и словно в воду канут,
 Закрытые тома — прошедшие года.
 Названий фейерверк удерживает память,
 И больше ничего, а дальше пустота.
 Уходим от себя, боимся оглянуться.
 Ошибок сторонясь, все терпим, боль копя.
 Где надо говорить, молчим, чтоб увернуться,
 Где надо промолчать — выходим из себя.

* * *

Чужие мысли не прочтешь,
 Не воскресишь зачеркнутые строки.
 И жизнь чужую сразу не поймешь,
 Ее надежды и ее тревоги.

Все ясно только одному, —
 Тебе все про себя всегда понятно.
 И объяснять не надо, почему
 Такое состоянье благодатно.

Ты — личность! Ты вперед идешь.
 Ты — мысль, мечта, ты — огненное слово.
 Ты — это ты, и, значит, ты живешь.
 И в этой жизни все извечно ново.

* * *

Назад — вперед, вопрос — ответ,
 Как маятник часов с кукушкой.
 Все нудно, отвратительно и скучно.
 Все неизменно столько лет.

И шум дождя, и зноя стон
Приносят лишь опустошенье.
Игра с судьбой — вот это развлеченье,
Где жизнь поставлена на кон.

Куда идти? Чего желать?
Быть может, слиться с общей массой,
Поверить в то, что это все напрасно,
Что больше нечего искать?

Вопросы есть, но где ответ?
А что такое бесконечность?
И что такое время, вечность?
Ответа не было и нет.

* * *

Затерянной иголкой в стоге сена
Жил в городе огромном человек.
Был не умней других, не слишком смелый.
Ну, в общем, жил и проживал свой век.

✦ Но что-то человеку говорило,
Что он живет не так, как надо жить.
Душа уже от счастья не парила,
Он разучился верить и любить.

Лишь изредка к нему порывом ветра
Мечта врывалась, чувства всколыхнув,
И он вставал, былую жизнь отвергнув,
Но, помолчав, садился вновь, вздохнув.

Ли́лия ЖИДКОВА

СТАВРОПОЛЬСКИЙ СВЕТ

ПОВЕСТЬ В НОВЕЛЛАХ

*Хочу обнять степь, да бескрайняя она, вольная.
Оседлать бы сейчас скакуна, да рвануть
во всю прыть наперегонки с ветром*

СЛОВНО ДИКИЕ ТРАВЫ...

С горной вершины Волчьих Ворот люблюсь я гладью Сенгилеевского озера. Колышется на ветру ковыль и полевица. Безмятежно проплывают по небу облака. Скоро подует жгучий астраханский ветер. Пожухнет и листва, и все это пряное разнотравье. С возвращением суховея чувствую зов крови. Так и тянет меня внутренняя азиатинка пуститься в дальние странствия. Стало быть, всю жизнь придется мне искать себя на распутье Востока и Запада. Верховой ветер несет жар Каспия, его безудержный зной. То — родина предков мамы. Вижу, в размытой дали пасется лошадь с жеребенком — жива во мне казачья кровь. Там, за холмами, размахнулась и бежит полноводная Кубань, в сторонке от нее мирно плещет Томузловка — родина предков по отцу. Стрижамент вместе с хребтом Недреманным не дают Кубани уйти в восточные степи к Манычу. Туда, где прошло полыннее отцово детство. Слились воедино время и живописные уголки горячо любимого южного края. Разбросало нас по свету, словно семена диких луговых трав... Жаль, что никто не помнит своего родства, никто не хочет знать историю.

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

На краю села Манычское, за околицей, притаилась вдали от людской суеты последняя на Ставрополье старинная каменная ветряная мельница. На вид она как сторожевая башня — тянется к небу и кажется, что мельник наблюдает за пришлыми сквозь небольшие окошки. Обветшавшая, но крепенькая. Жаль, не сохранились ветрила. Так и стоит одишенька сиротливо. А вокруг нее только горькая полынь. Я смотрю на полуразрушенную мельницу, а воображение дорисовывает, как в давние времена крылья были еще на месте и крутили без усталости жернова.

От разыгравшейся фантазии слюнки текут, хочется съесть корочку пышного сельского хлеба. Мы подъезжаем к местной пекарне. Манит аромат свежеиспеченной сдобы.

На ступенях стоит низенькая бабушка, опершись на свой костыль.

— Чьих ты? Здешних бо пришлых? — спрашивает она меня.

— И тех, и других. Здешние мои по фамилии Прудий и Новик.

Старушка всматривается в меня, будто пытается отыскать знакомые черты.

— Прудый... В старину прудом называли водяну мельницу, а прудом — мирошника, який знавался с водяным и нечистою силою... — шамкает она негромко и не торопясь спускается по ступенькам к дорожке.

— Не обращайтесь внимания. Предрассудки старых людей, — успокаивает продавщица, стоящая в дверях магазина, и жестом приглашает вовнутрь. Эта крепкая женщина белозубо улыбается, ловко достает с полки совсем еще теплую булку хлеба и протягивает мне.

— А про мельницу я вам вот что расскажу. В то время, когда Манычское называлось Киста, жил здесь один кулак. И наградил его Бог дочьерью неземной красоты. Задумал отец построить мельницу и позвал каменщика. Работник тот оказался немым. И повезло же ему влюбиться в эту красавицу. Не ел, не спал, томился, глядя на дочку кулака. А чувства свои открыть не мог. В знак вечной любви выстроил он мельницу.

— А что же с ними стало?

— Кто ж знает... Отца вместе с дочкой наверняка раскулачили и сослали в медвежий угол. А работник исчез, только его и видели.

ЗАПОВЕДНЫЙ МАНЫЧ

Долгая дорога закончилась. Мы на берегу соленого озера Малый Маныч, на границе Калмыкии и Ставрополя.

Кругом августовская выжженная степь. Холмы. Серебрится полынь на ветру. Вдалеке голубеет и сливается с небом озерная гладь. Шумят камыши, и чудится, как здесь когда-то давно просторно царствовал океан, а озеро ныне — все, что осталось от тысячелетий.

Сотню лет назад здесь гремела Гражданская война. Родные братья обгарили землю кровью, а степь по-прежнему цвела дикими тюльпанами. Земля эта приняла семьи выселенных казаков. В том числе семью моей бабушки. Степь стала для них пристанищем. Лелеяли переселенцы мысли о скором возвращении домой, но думам этим не суждено было сбыться. Казаки обрабатывали скудную суглинистую почву, на судьбу не роптали. Соль из озера помогала выживать в лихую засушливую годину. Ее собирали и отвозили на подводах, запряженных быками, на родину, на Кубань, обменивая там на пшеницу. Пустил здесь корни и наш казачий род Прудий-Новик.

Крепко привязана я сердцем к горько-попынному краю, до боли родному и милому. На Маныче я чувствую себя не просто проезжей туристкой, здесь все вокруг — мой дом. Хочу обнять степь, да бескрайняя она, вольная. Оседлать бы сейчас скакуна да рвануть во всю прыть наперегонки с ветром... Все мне здесь любо: и цветы, и травы, и солевые озера, и каждая птица — на особинку.

Заприметив пеликанов, не могу отвести взгляд. Птицы-великаны группками разбегаются по мелководью, взмахивая грузными крыльями, набирают небольшую высоту и стремительно падают, рассекая воду и окатывая брызгами. От одних добыча ускользнула, другие же жадно заглатывают рыбешек, щелкая оранжевыми клювами. Пеликаны снова поднимаются в небо и — снова пикируют вниз с гортанным криком...

Порыв ветра налетел с противоположного берега Калмыкии. Донесся перебойистый гомон: это кречетки делят речное пространство с чайками-хохотуньями. На Маныче поднимается небольшая волна. Неуклюже на длинных красных лапках убегают ходулочки от прибоя, вода отступает, и они вновь приближаются к кромке. Так и бегают от прилива к приливу. Эх, какой же здесь птичий рай! Гладь озера искрится от солнца, долго смотреть на поверхность воды трудно — слезятся глаза. А какие облака! Белые, нежные, они точно гладят небесную лазурь.

По всей долине разносится мычанье коров. Разливается звонко колокольчик, что на шее у одной из них. Стадо неспешно кочует по береговому холмам в колючем сухостое, вдоль солончаков, по речной луговине.

Горячий воздух таит легкий запах разнотравья — последний привет уходящего лета. Ни с чем другим не спутаю этот упоительный аромат целинной степи.

Как же не хочется уезжать! Я оглядываюсь назад и вижу большую руку изогнутого Маныча с протоками, которая по-дружески тоже тянется ко мне...

В МАСТЕРСКОЙ У ДЕДУШКИ

На улице парит так, что в воздухе проблескивают искорки. Все живое притихло до вечера. Тягучая тишина звенит в ушах. В тени грецких орехов спит в конуре Лапик. Все это я вижу из окошка дедовой прохладной мастерской, пока он что-то строгает. Летят стружки. Пахнет сосной, воском и медом. Под потолком сушатся степные травы, связанные в пучки. Здесь я забываю о времени.

— Дед, а правда, что мы, Жидковы, все такие... шероховатые?

— Ишь ты, шероховатые, — дедушка Ваня повернулся в угол, где я тихо сидела. — От горшка два вершка, а какие слова уже знает.

Дедушка насмешливо поднял густые, не тронутые сединой черные брови, прищурил свои темно-карие глаза и, подмигнув мне, продолжил строгать. Я любовалась, как ладно у него получается. Из-под рубанка с каждым взмахом показывалась полоса светлого дерева.

— Жига, ты тут? — послышался голос со двора, а следом и стук в дверь мастерской.

— Кого еще там принесло, — досадливо буркнул дед, переменяв-шись в лице. Он не любил, когда его отвлекали от любимого дела.

— Строгаешь? — просунулся в приоткрытую дверь почтальон.

— Помаленьку, — приободрился дед, понимая, что принесли пенсию.

— Да, зарплату пенсионеру, а «Ставрополку» в среду, — как бы предугадывая вопрос деда, громко опередил этот усатый дядька с большой тяжелой сумкой через плечо.

— Да, Петро Алексеич, кроме тебя не осталось больше никого, кто бы меня Жигой называл.

Дед расписался в какой-то бумажке и, не пересчитывая, сунул деньги в карман штанов.

— Дедуль, ты же Ваня, а не Жига, — удивилась я.

— Это прозвище такое. С детства меня так звали в Новоселицком, откуда я родом. По первым буквам фамилии, имени и отчества: Жидков Иван Григорьевич, а сокращенно Жига, — улыбнулся мне дедушка.

— Мы с твоим дедом почти что однокашники. Я на годок помладше буду. А о ком вы тут толковали, о шероховатом-то? — прошепелявил в усы почтальон.

— О роде нашем, о Жидковых, — коротко ответил дед и продолжил строгать.

— Да, порода ваша и впрямь такая была, не сахар, — отметил Петр Алексеевич.

— Что значит, не сахар? — буркнул мой дед.

* — Да сами по себе, диковатые какие-то... У вас то прапрабабка горянка была, таулинка, по-русски ни бельмеса. Вот и дети, внуки пошли — у всех нос с горбинкой да глаза темные, испепелят, места живого не оставят.

Я потрогала свой нос, и правда, с горбинкой. Вспомнила, что и у меня, и у отца, и у деда нос такой же и глаза карие.

— Петро, ты говори, да не заговаривайся, ишь нашел, что вспомнить, — дед обжег почтальона взглядом, но того это только раззадорило.

— Наш род только своим трудом, кровью и потом всего добивался. Да, пошел по миру где-то на Орловщине или Брянщине старый помещик. Было у него много детей. И мой предок среди них самый меньшей. На что он мог рассчитывать, коли разорился батька его? Ни земли, ни денег. Вот и вынудило его на Кавказ податься, как-никак, а здесь давали служилым землю: обрабатывай — не хочу, — рассказывал дедушка.

— Смотрите-ка на него, барских кровей, значит, из помещиков... ага, так я и поверил. Ты, Жига, поешь сладко, да не взаправду. Предки твои, как и мои, из государственных крестьян, которых насилу переселили сюда из средней полосы. Барчук, значит, ну-ну, пой дальше, а я послушаю, — сплюнул под ноги на опилки почтальон, а мне стало как-то не по себе от этого дядьки.

Дед обиделся и молча продолжал работать.

— Вот верно говорили в селе — дикий ваш род, с какой стороны ни крути.

— Не хочешь — не слушай, иди куда шел, — махнул рукой дед с досадой.

— Ну чего ты кипятышься, Жига? С кем мне еще поговорить по душам да поспорить, как не с единственным земляком на всю округу? Кому я нужен в этой чужой станице? — глаза почтальона стали притворно влажными.

Дед, то и дело поправляя спадающие на лоб волосы, смягчился, продолжил рассказывать:

— Предок мой пошел по военной линии, в драгунах служил. А на границе где жену найдешь? Вот и пришлось взять горянку. От них-то

и разросся по всему Кавказу наш род. Обосновались они поначалу в селении Томузловка, что рядом была с Александровской крепостью, а потом в Новоселицком.

Дед снова взял деревяшку в руки и стал стамеской что-то вытачивать. Чуть помолчал и продолжил:

— Старожилы рассказывали, что в тех местах рос старый густой лес. Может, оттого название соседнего села — Чернолесское. Было время, когда в реке Томузловке ловили крупных осетров, а прибывало к берегу ценный мореный дуб.

— Ой, Иван, ты меня до коликов доведешь! — скрипуче хохотал почтальон. — Тебя послушать, не заболоченная речушка, где коровы пить в жару не станут, а прямо сказка о царе Салтане и острове Буяне. «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало». Ты еще скажи, что название речки от слияния «тому-зло»...

— А ты не веришь, я погляжу, — фыркнул дед, — это сейчас, может, Томузловка из-за плотины, что в пятидесятые построили, переохла, а раньше совсем другое дело было. Все от этого водохранилища «Волчья ворота».

— Настырный же ты, Жига. Как был с волчьим нравом, так и остался. Так и помрешь. Недаром твоего прадеда Лупем назвали. Ишь как в яблочко-то попал дьяк, что даже по святцам такое имя выбрал, как «волк», а? Волчья твоя родословная, а не барская. У вас даже на дворе волчонок жил. Все десятой дорогой обходили да стадо побыстрее мимо прогоняли. А брат твой Сашка взглядом одним загонял эту волчицу в будку. Кого больше бояться надо было, даже не знаю.

— А не тебе судить, Петро, не тебе. Может, и с волчьим нравом, зато со своим мнением.

— Ишь ты, мнение свое появилось. А как отца твоего, сироту, к мастеру-кузнецу в Дагестан на обучение на деньги сельской общины отправили, забыл? Коротка память, а? — ухмыльнулся почтальон.

— Помню, не забыл. Отец мой в Новоселицкое вернулся и повинность с лихвой отбыл, ковал всю жизнь для всего села — кто что ни попросит. И все по копейке, цену не драл. Гляди — разбогатели мы? Никуда не уехал, всех нас кузнечному делу обучил. Не тебе, Петро, о нем судить.

— Может, ты и прав, Жига. Он каким нелюдимым был, а такие кресты на купола Спасо-Преображенского храма сковал и решетку церковных ворот, что народ дивился, как из железа такое можно сделать. А по матери твоей дед, так тот резные детали иконостаса выпиливал, вот как ты сейчас. С инструментом в руках так и помер...

Дедушка надолго замолчал, задумался о своем. Почтальон прощался с ним за руку:

— Вань, ну ты не сердчай на меня, с кем мне еще прошлое вспомнить, а?

Дед проводил его до калитки, вернулся и стал поглядывать на все еще бесформенный кусок дерева, словно прикидывая в уме, что из деревяшки может получиться. Брал в руки разные фигурные стамески, потом зажимал кусок дерева в тисках, то вновь брался за рубанок. Я не заметила, как в его руках эта коряга превратилась в изящную ножку для этажерки.

*— Легче жить на земле, когда корни крепкие.
Дерево без корней падает. Так и человек, —
улыбнулся дедушка и покрутил под лучом
солнечного света полувившуюся заготовку.*

— И этажерка без ножки упадет! — весело откликнулась я и взяла заготовку.

— И этажерка, — грустно чему-то своему усмехнулся дед.

На ощупь дерево все еще оставляло зарубки и заусенцы. Но дедушка ловкими движениями наждачной бумагой удалил лишнее.

— Быть шероховатым не так уж и плохо. Главное помнить, что за всей этой шершавостью — ранимая душа, которую нужно беречь. Какими бы мы ни были, а жизнь со всех нас снимет стружку, отполирует душу.

МЕДОВЫЙ СПАС

Дедушка засыпает древесные опилки, раздувает дымарь, давит на мех, и сине-голубое облачко летит мне навстречу.

Дедуля надевает маску и взбирается на телегу с ульями. И я бы с ним пошла, да не пускают, маленькая.

От дымаря сладко веет дымком, от рук деда — духмяным запахом трав, пыльцы, перги, меда. По округе струится солнечный свет. Дедушка улыбается, и его морщины разглаживаются. Дедуля без перчаток. Пчелы ползают по его рукам с выпуклыми синими венами и не жалят. Он видит мое удивление:

— Пчелы не злобливые, внучь. Ты ужаленья не бойся. Жалко их, даже если ужалят, они-то погибают, а ты — нет.

Я киваю, рассматривая, как по рамке с янтарными шестигранниками хаотично носятся золотые крылышки.

— У плохих людей пчелы долго не ведутся, — продолжает дед.

— Что значит «плохих»?

— У себялюбивых и жадных, которые не любят пчел, а жаждут от них только быстрой наживы. Человечество погибнет, говорят, через четыре года, когда на земле исчезнет последняя пчела. Они большие трудяги. У них можно всю жизнь учиться, да так и не распознать всего до конца.

— Пчелки — труженицы?

— Еще какие, Лилёк. Знаешь, как определить настоящий мед от липового?

— Дед, мед же бывает и из липы?

— Я имею в виду тот, который ненастоящий, внученька, который из сахара бодяжат.

— А-а-а, — я вроде как понимаю, но мысли уносятся к бесконечным грядам белых облаков на ярком синем небе, и деда я слышу будто издалека.

— Ну ничего. Твой отец родился аккурат перед Медовым Спасом, вишь каким помощником мне на пасеке стал. Подрастешь и ты, майская моя пчелка, будешь с нами качать мед, тогда все поймешь...

* * *

Еще темно и холодно. Мы едем далеко в поля, где в посадке стоят несколько телег с уликами и вагончик, в котором ночуют пчеловоды, что по очереди несут дежурство по охране обширной пасеки. До семи утра мне дают поспать. Позже из соседней комнаты вагончика доносится неспешный тихий разговор и убаюкивающий монотонный гул медогонки, словно идет за окном осенний дождик: кап-кап-кап. Я на цыпочках отворяю дверь: бабушка острыми горячими ножами срезает с рамок восковую пленку, которой пчелы запечатали мед, мама крутит медогонку, и по стенкам сначала быстро, а потом все тише и тише летят заветные сладкие капельки солнца-меда. Дедушка с отцом отбирают из ульев тяжелые рамки, заполненные медом от края до края. Все по очереди следят за костром, на котором постоянно кипит вода — для бабушкиных ножей. Всюду гудят пчелы, будто чувствуют, что результат их кропотливого труда кто-то крадет. От стрекота цикад можно оглохнуть. Папа, сгорбившись, заносит в вагончик рамонос и ставит на пол.

— Еще немного даданов осталось. Тучи заходят, гляди того ливает. Пчелы сердятся. Надо ропотиться.

Я слушаю его внимательно и понимаю, о чем он говорит: что дадановские рамки большие, а рутовские — маленькие. И улики тоже — большие и маленькие. А такие, где выводят пчелы свою будущую царицу матку, я не запомнила, но эти улики совсем крошечные, будто игрушечные. Мне тоже, как и королеве пчел, дают маточное молочко. Его невозможно ни с чем спутать, как и прополис и пергу... Лет с шести меня учат крутить медогонку. Нужно почувствовать и набрать потихоньку именно ту скорость: не сильно — чтобы восковые кельи не разрушились, но и не слабо — чтобы ни одна капля меда не осталась в сотах.

Дедушка умер внезапно, когда мне было десять лет. Я так и не смирилась с тем, что его больше нет. Он продолжил жить в моем сердце и в труде, которому он посвятил много лет. Мне так не хватает его улыбки, доброго сиянья глаз, его необыкновенных рассказов об обычных вещах. Но живы его пчелы, и с ними — он.

...Когда не стало дедушки, большую часть работы взял на себя папа. Мама стала срезать восковую пленочку с сот, а я в полную силу почувствовала разницу между дадановскими и рутовскими рамками, крутя их в медогонке. Я смотрела на свои измотанные руки и видела те же выпуклые вены, что и у отца и у деда.

И сейчас, будучи взрослой, думая о дедушке, я чувствую ароматы луговых трав, колючки, акации, гречихи. Мне чудится то сладкое мадрево его пасеки, струйка сизого дымка из дымаря. Медовый Спас звучит в нашей семье по-особенному — не только как большой праздник, но и как дедово спасение медом, как привитая им благодарность к труду и неисчерпаемой воле к жизни.

НОВОСЕЛИЦКОЕ

Долгая дорога кажется мне сказочной — мы едем на родину дедушки, в Новоселицкое, вместе с ним. Привычные поля сменяются необычными нагромождениями скал и камней, похожими на чудовищ. В скалах видны пещеры, будто арки в древние сокровищницы. По другую сторону дороги разворачивается широкая долина с

домиками, уплывающими вглубь. Все в диковинку, ведь мне всего семь лет.

А дедушка оживляется и рассказывает истории, связанные с его детством и родными местами. Долгое время он не бывал у себя дома. Мы останавливаемся в селе Александровском, возле знаменитого камня, напоминающего лягушку.

Дедушка Ваня взбирается к камню и хлопает по нему, словно приветствуя старого друга после длительной разлуки:

— Окаменел я уже, как и ты. Ну, бывай, брат, бывай. Не скоро уж свидимся...

Память о прежнем, давно позабытом, что-то в нем меняет. Я деда не узнаю. Мы двигаемся дальше в путь, навстречу нам бежит Новоселицкое. Словно встреча с давним другом предстоит дедуле. Его тревога и волнение передаются всем, в том числе и мне.

В Новоселицком первым делом посещаем родную тетушку деда — бабушку Шуру. Обычная хатка с двумя побеленными комнатками, печью, домоткаными половиками. Чисто прибрано, хотя гостей никто не ждал. Около двери стоит маленький веник. В святом углу иконы. Келейка. Из окна виден цветник с петуниями, золотисто-малиновыми бархатцами... Нас встречает жилистая старушка с искренней улыбкой. Господи, сколько же ей лет, если она чуть младше моей прабабушки? Бабушка Шура: смиренна, тиха, в глазах ее тепло и доброта. Она не знала о нашем приезде, но в печи пекутся пироги. Мне здесь спокойно.

Идем пешком на место, где раньше жила вся семья. Дед ступает осторожно, будто боится увидеть что-то страшное. Все перестроено. Не узнать. Дедушка отчего-то снимает свою фетровую шляпу. Молчит.

Дальше держим путь на старое кладбище. Там лежат наши предки.

Дед долго всматривается в даль, ищет глазами. Потом решительно шагает по высокому ковьялю мимо древних крестов из ракушечника, мимо потемневших от непогоды деревянных крестов, мимо покрашенных лазоревых металлических деревенских гробниц и заводит нас в самый дальний уголок погоста. Мне не верится, что здесь лежат те, чья кровь течет во мне сейчас.

Что здесь наши истоки. Здесь те самые люди, что смотрели на меня с фотографий семейного фотоальбома. Кузнец Григорий Антонович, его жена Мария Андреевна, их родители, деды... Дедушка просит на минутку оставить его одного. Мы молча уходим.

Последняя точка нашего маршрута — храм. Самый старинный из каменных на Ставрополье — Спасо-Преображенский. Построен он на месте сгоревшей деревянной церкви. Кованые кресты увенчивают темно-синие купола, кованые ворота, неровная побеленная кирпичная кладка ограды... Массивный, патриархально белый, немного поросший вдоль ограды травой. Я видела такие храмы на картинках с изображением Пскова. Особенной силой и тайной веет от этого великана в греческо-византийском стиле. Вокруг густая зеленая трава, что растет в дикой своей красоте без вмешательства человека. Дальше ворот церкви нам попасть не удастся, они закрыты на большой амбарный замок, каких я раньше не видывала...

Дедушка говорит о том, что есть время бросать камни, а есть время собирать. И весь обратный путь, грустный, он думает о чем-то своем — потаенном от глаз и мыслей других.

* * *

Двадцать лет нет с нами дедушки. Но мне часто видится, как входим мы с ним в залитый солнцем храм, идем по дощатому коричнево-му полу к иконостасу. Никогда прежде я не видела столько света. Вокруг старинные иконы, особая афонская икона Божией Матери Милующая, которой молятся об исцелении. Дедушка просит прикоснуться рукой к деревянной части голубого с золотом иконостаса. Едва дотрагиваюсь и чувствую тепло — здесь черпаю я свет. Загорается маленькая лампада, она освещает мой путь.

Давид ШАНАЕВ

МУХА

РАССКАЗ

{ «Плохой мой папа или нет?
Добрый он или злой?» }

«Здравствуйте!» — сколько разных ответов можно получить на это всем знакомое приветствие — как доброжелательных, так и злобных, раздражительных. За каждым таким обращением следует свой уникальный ответ, а за ответом стоит уникальная, ни на кого не похожая личность. И с каждым новым «Здравствуйте» личности становятся все разнообразней и удивительней.

— Здоров! — кричит румяный Руслан и уже начинает подводить руку, как самолет, набирающий скорость для взлета, к руке своего знакомого (и, наверное, друга) Эльдара.

— Здоров, здоров... — приветливо, но без улыбки отвечает большой, слегка упитанный Эльдар.

Они обнялись. Обнялись, будто бы совершали особенный, уже надоевший ритуал, а потому, хлопнув друг друга шершавыми ладонями по спинам, сразу же выпрямились. Руки в карманы, прямой взгляд, какие-то нервные, очевидно из-за холода, перетаптывания. Стесняться некого и нечего: эти деревья, окна, подъезд, каждый камень, каждая небрежно брошенная бутылка — все слишком хорошо им знакомо.

— Пошли отойдем, — сказал Руслан, хлопнув друга по руке и уже направляясь под козырек. — Ну что, как?

— Да нормально все, ниче... У вас как?

— Да тоже все хорошо, потихоньку.

Этот пинг-понг тоже часть ритуала: он разогревает разговор, который будет длиться весь день.

— Что, может, за семечками?

— Да я позову сейчас. Дамир! — так Эльдар, собрав ладони вонкой и подняв голову, позвал сына.

— Да ладно, пошли заскочим быстро.

Они ушли.

Свежие утренние улицы полнились народом — все куда-то торопились с целью провести там весь день. Надрывались моторами старые желтые маршрутки. Вот проехала одна и крышей чуть задела ветви небольшого, еще зеленого деревца. Все было в движении. Фитиль дня только-только разгорался, пламя его еще смаковало верхушку, лениво двигаясь к середине.

Выйдя из магазина, Руслан и Эльдар тут же принялись потрошить пачки семечек. Руслан запустил руку в свою пачку, вытащил семечку и сунул в рот.

— Вот горы... — он кивнул на высившиеся вдалеке вершины и добавил крепкое матерное слово.
— Надо съездить как-нибудь, всей компанией посидеть, — сказал Эльдар.
— Да надо, надо, кто ж спорит...
Руслан немного огорчился. Горы казались уже не такими прекрасными.

Они встали на то же место около подъезда. Мимо проходили школьники, взрослые, проезжали машины. Потом друзья увидели сморщенную старушку — она ковыляла, неся два тяжелых пакета.

— Э! — произнес Руслан, вручил пачку семечек Эльдару и направился к старушке. — Здравствуйте, давайте помогу.

— Ой, помоги, пожалуйста... Фух...

Руслан аккуратно нагнулся, перехватил ручки пакетов и, держась рядом со старушкой, двинулся к остановке.

— Ты мне их там поставь, а в маршрутку я уж сама.

— Ага.

Руслан был чрезвычайно активным человеком. Первым шел разговаривать с депутатами, приезжавшими благоустраивать район, первым лез в драку разнимать, первым напивался на праздниках.

Тем временем Дамир, сын Эльдара, уже выходил из подъезда, таща на спине квадратный ранец. Мальчик и сам был весь какой-то угловатый — острые плечики пиджака, ровные брючные стрелки, туфли с тупыми носами. Так выглядели все школьники начальных классов, еще не знающие, что такое наглость и развязность.

— Что, уже? — спросил Эльдар.

— Да.

— Молодец, молодец. Это... в обиду себя не давай. Если что, как я учил — сразу в морду.

— Ага, — кивнул сын.

— Ну иди.

Тут же из соседней двери показались брат и сестра одного с Дамиром возраста, а из окна рядом выглянула их мама, Алена.

— Удачи, Арина, Саша!

— Пока, мам.

— Арин, постарайся, пожалуйста, диктант нормально написать. И за братом присмотри.

— Хорошо.

— Люблю вас! — сказала Алена и чмокнула губами, изображая поцелуй.

— Здравствуйте, — поприветствовал детей возвратившийся от остановки Руслан. Потом поднял глаза на Алену. — Привет.

— Привет, — отозвалась она и покосилась на Эльдара.

— Здравсьте, — сказал он тогда.

— Здравсьте.

— Как дела, Алена? — спросил Руслан.

— Нормально, Руха. У вас как?

— Потихоньку. Ну давай.

— Давайте, — и она скрылась в глубине дома.

Там ее ждал с вопросом муж, доедавший завтрак.

— Это ты с кем?

— С Рухой и Эльдаром.

— А... — лоб у мужа собрался гармошкой, будто в тарелке перед ним лежала не половина яичницы, а нечто неприятное.

— Что? — спросила жена.

— Да ниче... Так... Противно.

— Теперь мне с ними не здороваться, если тебе противно?

— Да нет, нормально все.

— Они же вроде неплохие.

— Неплохие не ошивались бы здесь каждый день.

— Ну да, — покорно согласилась жена.

По дороге в школу у Дамира, Арины и задиристого Саши завязался разговор.

— Дамир, а где твой папа работает? — спросил Саша.

Немного подумав, тот ответил:

— Не знаю.

— А почему? Вот мой папа говорит: кто не работает, тот людям жизнь портит.

— Саша! — воскликнула Арина. Хоть она и была одного возраста с мальчишками, однако считала, что имеет право поучать и осаживать.

— А? — весело, как ни в чем не бывало отозвался Саша.

— Бэ!

Дальше шли молча. Саша все выискивал что-то узкими змеиными глазками, Арина смотрела под ноги, а Дамир спрашивал у себя: «Плохой мой папа или нет? Добрый он или злой?»

Додумывал это он уже в классе, отыскивая листок для самостоятельной работы. У всех, кроме него, на партах были листы, и Дамир окликнул сидящего впереди Сашу:

— Сашка, дай лист.

Вместе с Сашей повернулась и Арина.

— Нету, — сказал Саша.

— У меня тоже, — виновато прошептала Арина.

Когда учительница, охватывая взглядом кабинет, наткнулась на сидящего за пустой партой Дамира, она спросила:

— Где лист?

— Нету.

— Как нету? Тебе родители не в состоянии тетрадь купить?

Вопрос был задан настолько остро, что нельзя было не ответить:

— Не знаю.

— Значит, плохие у тебя родители. Дайте ему листик кто-нибудь.

С самым простым и в то же время надменным видом Саша вырвал из толстой тетради лист и, развернувшись, бросил его на парту Дамира.

— Вот, молодец, Саша. Пишем.

Из-под горечи, охватившей Дамира, прорывался с новой силой давешний вопрос: «Значит, все-таки плохой?»

Дело в том, что из родни у него были только папа да бабушка. Про маму мальчик слышал от отца немного: «Она у тебя хорошая, очень. Скоро приедет». Из этих коротких искренних описаний Дамир рисовал разные образы мамы — как художник, стремящийся с каждым новым портретом все точнее изобразить только ему понятную черту характера. Но, к сожалению, этих, пусть и теплых, описаний было недостаточно.

Эльдар вообще никогда не говорил о жене плохо. Но район, как это часто бывает, полнился слухами.

Мы их оставим и вернемся под козырек, где все еще стояли два друга.

Со стороны магазина шла жена Руслана — она отвела сына в школу и вот возвращалась.

— Ты бы лучше так с сыном уроки делал, как семечки щелкаешь, — сказала мужу.

— Я что, знаю, как их учить? Я школу десять лет назад окончил. Там у него такие задачи, как будто их в академики готовят.

— Все понятно, — жена махнула рукой и скрылась в подъезде.

— Да че понятно-то?! Я, Эл, реально говорю! У них такое в учебниках напишут, что иди разбирайся.

— Ну да.

* * *

Фитиль дня догорал, на землю вместе с холодом опускался вечер. Это был один из прекрасных осенних вечеров, свежий, сверкавший звездами на небе. В домах начали загораться окна. Под окнами зна-

когого нам дома уже расставили стулья, накрыли стол: шумная толпа отдыхала. Здесь были и «плохие», и «хорошие», все одинаково выпивали и закусывали. Один Руслан делал это чуть живей прочих. Пели песни, слушали музыку. Этот маленький, пусть и без повода, праздник согревал одних и мешал другим — тем, кто остался дома.

Возвращавшийся с тренировки Дамир уже издали высматривал папу. Он видел и Сашиного отца, и его маму, и Руслана, и многих других. Наконец наткнулся на своего родителя, развалившегося на просторном стуле. Уставший Дамир вяло обнял теплого и пахнущего водкой Эльдара. Тот крепко поцеловал сына в ответ, прижав его прохладную щеку к своим мокрым губам.

Дамир пошел домой, там его ждала бабушка. Но все никак не отпускал его новый, неожиданно родившийся из старого вопрос: «А кто плохой?» Мальчик решил спросить у бабушки. Усевшись рядом с ней на диване, он изложил все, что наболело за этот долгий день, и приготовился слушать. Но ответ бабушки был на удивление краток:

— А для всех по-разному, дорогой. Сама я в этом неученая, многого не понимаю.

Тоже ничего не поняв, Дамир почувствовал под собой что-то маленькое и твердое. Это была пятирублевая монета. Он принялся ее рассматривать. Потом подошел к столу и, высунув от усердия язык, попытался поставить ее на ребро. Орел-решка, орел-решка. Не получалось: монетка со звоном падала то на одну, то на другую сторону, как ни старайся. Казалось, невозможно поставить ее на это тонкое, неподатливое ребро.

Он бросил это занятие.

Скучно... Грустный взгляд Дамира принялся скользить по комнате в поисках чего-нибудь интересного. Остановился на подоконнике, где лапками кверху лежала муха. Еще сегодня утром она билась в стекло и мешала спать.

«Лежишь? — мысленно обратился к ней Дамир. — Ну лежи... Но лучше бы ты снова жужжала».

Доносившиеся из приоткрытой форточки крики, холод, вечерняя сосущая тоска — все это зародит в нем сострадание к мухе, которую сегодня утром он готов был прибить кулаком, а теперь жалел, жалел оттого, что не испытал этого чувства, когда она была жива.

«Теперь тебя некому пожалеть», — подумал Дамир, и детская чистая слеза покатила по его щеке.

А крики и музыка все гуляли по району, гулким эхом отскакивая от стен.

Аминат ХОДОВА

«МУЗЫКАНТЫ, НЕ БОЙТЕСЬ
ПЕТЬ ГРОМЧЕ»

СТИХИ

*Наша молодость — это свершенья,
Столько дел нам еще предстоит*

* * *

Затерянный город, покрытый ветрами...
Пусть вас не пугает столетних гор лед.
Хоть жизнь и жестока ко всем временами,
Но путник любой здесь покой обретет.

Заставь же весь мир свой на миг отключиться,
И сердце открой безграничным краям.
Живет мой народ в этой синей столице...
Здесь милый мой дом, здесь отчизна моя...

И так же ночами нередко мне снится
Согретая солнцем родная земля.
Душа моя мчится к тебе гордой птицей,
Любовью вселенской меня опоя!

ФЕНИКС

Нам трудно жить в огромном мире,
Не греют нас столиц огни.
Нет в людях сил отдаться лире,
Всегда поющей о любви.
Запомни, сын, что б ни случилось,
Будь сильным, честь отца храни.
И как бы жизнь ни закрутилась,
Ты за собой людей веди.
Пылай огнем, гори мечтами.
Воспой прощенье в трудный час.
Неважно то, что будет с нами.
Нам важно, кто пойдет от нас.

ЮНОСТЬ

Мы идем по гранитным дорогам!
 Не угнаться, не сдержишь ты нас!
 И увидишь с любого порога
 Черноту наших юных глаз.
 Подтолкнем и мы время ногами!
 Бьют секунды, как топот сапог!
 Мы творим этот новый мир сами.
 Только смело и только вперед!
 Наша молодость — это свершенья,
 Столько дел нам еще предстоит...
 Пусть земля продолжает вращенье!
 Пока кровь в наших жилах кипит!
 Пусть преследует нас запах гари,
 И наш хор пусть мотором ревет.
 Убежденья — сравнимы со льдами,
 И не даст их разбить наш народ!
 Когда встанешь ты между рядами,
 Когда сердце твое задрожит,
 Тогда в дело вгрызайся зубами!
 Тогда делай, что воля велит!
 За собою мы путь всем укажем.
 Ты не медли, не бойся забот.
 Это будущее станет нашим.
 Только юность и только вперед!

ЛАМПОЧКИ

Когда рифмы стихами сольются,
 Станут ноты похожи на песню,
 Столько сил, что и лампочки бьются, —
 Вдохновение снова воскреснет.
 Я пишу, отдавая им душу,
 * Хруст стекла — моим строкам отрада.
 * Музыканты, не бойтесь петь громче,
 * Нам огонь сохраняет лампада!
 Наши силы пусть будут вам светом,
 Заискрятся стихи, краски, ноты.

Лампы бьются! Но я не об этом.
Не сдержать им наш творческий грохот!
Пусть течет в ваших венах, как вольты,
Ток души, и отдайте же миру
Свою песнь, и другим вы позвольте
Освещать ваши песни и лиру.

* * *

На горах Кавказа храм воздвигну свой,
Возвышаться станет купол голубой.
С ним моя молитва будет век стоять,
Чтобы кто-то юный строить смог опять.
Вскину руки к небу, сотворяя крест.
Искры над престолом, в куполе небес.
Сердце вместо солнца освещает храм...
И тогда святые запоют горам!

* * *

В душе моей вновь разжигаются искры...
Любимого вижу в дыму благовоний,
С ним сердце не жметя от горя и боли,
Во сне я в Калькутте, где жизнь течет быстро.
С ладоней моих осыпаются розы,
Столкнувшись с рекою и в Ганг уплывая,
Молитву воспев всем богам того края,
С любимым своим просыпаюсь вновь порознь.
Звон золота будит, заставив очнуться
И вспомнить о Пудже, покинутой в полночь.
В глаза светит солнце, а я не с тобою...
Любимый мой, как до тебя дотянуться?

Асват ЯНГИЕВА

ГОРЯНКА И ОТЕЦ

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

В наши дни все привычнее становится картина отцов с дочерьми на детских площадках, на приемах у докторов или на концертах в школах.

Я же застала взаимоотношения отцов и дочерей, скажем так, эпосальные. Описки нет, есть полное совпадение с эпосом кавказских народов, где отец — грозная скала, а дочь — горный ручей, омывающий неприступное подножие.

Объединяла эти две стихии и выступала посредником в любых важных переговорах лишь мать — ветер, которому под силу и ласкать воды ручья, и бушевать на вершине горы.

Классический горский отец участвовал в воспитании девочки только в запретительном характере. То есть он действовал точно как уголовный кодекс — «разрешено все, что не запрещено».

Вот только «кодекс» моего отца по объему больше походил на «Войну и мир», нежели на брошюру государственной думы.

В остальных аспектах взросления тяжесть воспитания ложилась на плечи матери.

За десять лет моей школьной жизни отец привел меня в школу лишь раз. Что это были за исключительные обстоятельства, которые привели к такому действию, совсем не помню, а вот последствия его прихода в мой класс — великолепно.

Я родилась в Москве. Во времена моего детства в московских школах имя Магомед вызывало удивление, а не вопрос «который». В моей школе, например, не было ни одного. Были только Асват и Умамат, то есть я и одна из моих старших сестер.

Но настал тот день, когда и в мою школу пришел-таки ее первый Магомед. Вернее, Магомеднаби. Именно так зовут моего отца.

Он обладал и обладает не просто кавказской внешностью, он будто отражает всю суровость гор Дагестана. И это только брови.

Даже я нет-нет да побаивалась его взгляда, когда он пребывал не в лучшем расположении духа. Одноклассники же были шокированы его устрашающим видом. Они не знали, что это добрейшей души человек, который готов у себя дома принять, накормить и спать уложить весь мир. Даже если инопланетяне пролетали бы мимо нас, то на свою планету они бы возвращались пропахнувшие чесноком и коньяком. И с грудой вещей, которые они бы имели неосторожность похвалить в нашем доме.

В тот день отец просто привел меня в класс, обвел бегающих в кабинете ребят взглядом, спросил меня «Это твои?» — и после моего утвердительного кивка молча ушел.

А я не стала раскрывать одноклассникам всю гостеприимную и добродушную суть вещей, так как мне после такого рокового визита стало намного приятнее жить в школе без вечных дерганий за хвостик или косичку.

Подрастая, я всегда знала, что если у меня на телефоне высвечивался звонок от отца, то точно что-то случилось. Настолько редко это случалось. Принимая звонок, я уже не анализировала, что такого критичного могла сделать, а сразу прикидывала в голове, какие страны принимают без визы.

Разговор же всегда происходил в формате «информация получена». Отец задавал вопрос, например, по поводу того, где я нахожусь. Я ему отвечала и добавляла, через сколько буду дома. Выслушав меня, отец просто отключался. Информация ведь получена.

Однако любая стена создается, чтобы когда-то быть разрушенной.

И если крепостные стены городов превращали в руины войны, то великую кавказскую стену молчания между отцом и дочерью разрушили мои морщины (хоть какой-то от них толк получился).

Я помню тот день, когда ушел детский трепет и скованность от присутствия отца. Я помню и другой день, когда мы проговорили спокойно минут двадцать. Спокойно — это ключевое слово для семьи страстных холериков, вспыхивающих, как факел в ночи, от неправильной тональности произнесенного слова.

Я помню, что тогда отец сказал мне, что со мной и поговорить интересно можно. В тот день в моем отражении в зеркале можно было заметить, что между бровей уже заложила свой фундамент складка хмурости и вечных дум.

Но хмурость я оставляю себе, а вам расскажу о таянии ледников и открытии новой земли. Земли тепла и взаимного подкола.

Это истории забавных диалогов с отцом, ситуаций и виртуозных импровизаций из разных периодов моей жизни.

Вэлкам.

ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

В родительском доме всегда было два телефона. Таких, стационарных. Которые проводом в стену (это для зумеров-думеров).

Но сами трубки у этих телефонов были беспроводными, и они вечно где-то прятались. То в диванных подушках, то в ванной. Трубки-интроверты, чтоб их.

А еще было негласное правило — отец никогда не отвечал на домашний телефон, если в доме находились дети. Даже если телефон лежал в пяти сантиметрах от отца. Сначала трубку брал кто-то из нас троих, а потом при необходимости передавал ему. Что вы знаете о кавказской семейной иерархии? Это был домашний детский секретариат, где на полную ставку работала именно я. Меня обязывал к такой занятости тот факт, что я родилась в семье последней. Видимо, я совершила сильный промах в прошлой жизни, раз в этой меня разжаловали до младшего ребенка в традиционной кавказской семье.

Нам самим с сестрами звонили нечасто. Потому что, например, мальчики-одноклассники (про других и речи быть не могло) просто не знали мой номер телефона. Мне проблемы были не нужны, я тактично, лаконично и панически уходила от ответа, когда у меня его спрашивали.

И все работало. Я спокойно жила, пока не стала ходить в старшую школу и у моей подруги-одноклассницы не появился парень.

Смеркалось. На небе собрались грозовые тучи (а как еще начинать историю ужасов?).

В общем, на очередном повороте их романтических отношений они повздорили. Целый день я собственной кожей чувствовала мороз и лед, что они оба источали. Мы так-то все в одном классе учились. Просто мы с подругой сидели за одной партой, а ее парень за последней.

В день раздора, когда мы спускались с подругой по школьной лестнице, ее парень нас нагнал. Он, наверное, хотел разрешить конфликт, но в 15–16 лет не очень много опыта в таких делах, поэтому он начал с его обострения.

На лестничной площадке нас было трое. Чувствуя горяченькое, я пыталась вклиниться и увести оттуда подругу.

Защищать чужие интересы было уже тогда в моей практике, еще до того, как я поняла, что пойду на юридический.

В ответ ее парень отпустил в мой адрес пару нелицеприятных эпитетов.

Но подруга заверила меня, что с ней все будет нормально. И я с недоверием, но ретировалась.

Чтобы вы понимали, я не посвящала своих московских одноклассников в подробности того, что дома у меня царил совсем иной мир и правила жизни. Они догадывались, конечно, и всегда сильно изумлялись нашим традициям. А в подростковом возрасте не так уж хочется вызывать изумление такого рода, хочется быть в команде.

В тот день я пришла домой, как обычно, расслабленная и довольная тем, что с порога учуяла аромат чудушек с сыром.

Отец сидел на кухне за столом.

И тут по дому разнеслась знакомая телефонная трель.

Я бросилась искать хоть какую-то трубку.

И вдруг услышала низкий бас отца:

— Алло.

Он сам поднял трубку, не к добру было такое исключение. Сердце екнуло. И, как оказалось, не зря.

— Асват, бачу шиккун! [Асват, иди сюда!]¹ — прогромыхало на всю квартиру.

Сначала я подумала бежать из дома в неизвестные дали, так как отец обращался ко мне по полному имени только в том случае, если мне грозила полная, так скажем, беда.

Но потом подумала, что в неизвестных даях чудушек не будет, а здесь, может, и перепадет напоследок перед казнью.

Я двинулась в сторону кухни, но, увидев отца, пожалела о своем решении.

Отец держал у своего уха одну трубку, а вторую протягивал мне. В его глазах полыхала даже не огненная ярость, а ледяная.

¹ Здесь и далее перевод с лакского. (Примеч. ред.)

Я взяла трубку и нерешительно произнесла «алло».

И тут я услышала голос своего одноклассника, парня моей подруги.

Как оказалось, они-то помирились, когда я ушла.

Но подруга была расстроена тем, что он сказал мне пару грубых слов и попросила исправить это, дав мой телефон. Она не знала, что творила, ох не ведала.

И стояла я так напротив отца, который слушал весь разговор, и только спустя мгновение поняла, что именно говорит мой одноклассник и как это выглядит со стороны:

— Ася, пожалуйста, прости меня, я был неправ, я такое наговорил, это не так, я так не считаю, пожалуйста, прости.

В этот момент я увидела пламя ада во взгляде моего отца.

Я чуть ли не прокричала в трубку: «Да все хорошо!», быстро ее положила и, как заведенная игрушка, начала от шока повторять одну и ту же фразу:

— Мямме [Пап], это парень подруги, парень подруги, не мой!

Отец, человек пронизательный, даже без моего рассказа о том, зачем парень подруги звонил мне с извинениями, по моим трясутым рукам и эмоциям утопающего понял, что тут правда и целомудрие со мной в паре.

Отец улыбнулся и пододвинул мне тарелку с чудушками.

— Щяблику [Садись], — ласково произнес он.

На этом наш разговор и завершился (что вы знаете о разговорах дочерей с отцами в кавказских семьях того времени!).

Как видите, я человек-живчик, у меня все еще есть нервные клетки.

А с тех пор у бездны между отцом и мной начались строительные работы по возведению моста. А лет через пять ее вовсе начали засыпать землей.

БЕЛЛИССИМО БИЛАЛОНЕ

У моих родителей был старинный друг из горного селения Цыйша. Его звали Билал.

В детстве я всегда думала, что он лакский Рокки, потому что очень был похож на Сталлоне. Только дядя Билал был значительно больше.

Одной рукой он протягивал нам, детям девяностых, три огромных рожка с мороженым. Стоит ли говорить, что дядю Билала мы любили.

Он работал дальнобойщиком и, как любой дагестанец (а тем более лакец) того времени, проезжая через Москву, заглядывал к моим родителям.

Кожа его всегда имела бронзовый оттенок, а волоокий взгляд немного придавливал к земле.

Однажды в начале осени в те лихие времена он приехал к нам глубокой ночью. Его КамАЗ устало пытел под окнами, кузов весь покрылся пылью и расплюснутыми мошками.

Тем не менее еще более уставший дядя Билал не спешил заходить в нашу кирпичную саклю, а буквально сразу вышел с отцом снова на улицу.

Засыпая, я слышала ускользящий разговор на лакском:

(— Наби, я барана вам привез, но
дорога сложная получилась, баран
тяжело ее перенес. Надо срочно его
зарезать, иначе он еще помрет до
утра, — озабоченно говорил дядя
Билал)

— Хорошо, не беспокойся, сейчас сделаем. Спасибо, — ответил отец.

А жили мы тогда на самом краю города Дзержинского. Наш городок был вплотную прилеплен к Москве, но он всегда сохранял свою атмосферу тишины и таинства. За нашим многоквартирным домом сталинских времен был огромный лесной двор, который в своей глубине упирался в забор с колючей проволокой. За забором было секретное предприятие, откуда иногда доносились странные, очень громкие и протяжные звуки. Посторонние люди не появлялись рядом с нашим домом. А зачем? Ведь даже продуктового магазина в нем не было.

Двор у нас был настолько большой и дремучий, что там среди прочих зарослей росли вишневые деревья, кусты малины, земляника и грибы.

Там на неведомых дорожках мы плавил свинец цветной, там в чаще люки были просто прикрыты досочкой одной.

На самом деле канализационные люки были открыты.

Какие-то ввели в просторную сухую яму, где обычно водились дворовые щенки, которым мы носили еду. А в каких-то плескался кипяток, которым мы заливали горки зимой.

Мы голыми руками вытаскивали стекловату из труб, что шли над землей, и ели сосульки, что свисали с этих труб зимой.

В общем, съемки программы «Остаться в живых» проводили не в том месте, друзья, ой не в том.

Но вернемся к нашему барану.

Дядя Билал понес кучерявого вглубь двора, а отец подогнал как можно ближе свою «комби», чтобы осветить последний час барашка фарами.

Фонарей во дворе не было, смартфонов с фонариком, само собой, тоже.

В общем, барашка зарезали, мясо занесли домой, ненужные остатки закопали там же, где резали, — в дремучей глубине зарослей.

Началась рубка на кухне. И тут через десять минут в дверь позвонили. Два часа ночи. В воздухе повисла тишина и недоумение. К двери пошел мой отец, пытаясь оттереть руки от крови по пути.

А в дверь, как оказалось, звонил молодой милиционер.

— Доброй ночи. Жалоба поступила, что вы тут во дворе человека расчленили и закопали, — сказал молодой мужчина, покосившись на руки отца.

Отец начал смеяться, а в прихожей появилась мощная фигура дяди Билала.

Милиционер радости не разделил и сделал шаг назад.

Он был уже на все готов, но вышла мама на отцовский зов.

Милиционеру все объяснили. Однако он был служителем что надо, поэтому пришлось мужчинам пойти с ним во двор, раскопать копыта с рогами и показать, что кавказцы ночью черта убивали, а не человека.

Предложили милиционеру коньяк за храбрость, запаковали с собой кусок свежего мяса и отправили домой рассказывать своим, что за дивные люди живут в славном городе Дзержинском.

Я лишь представляю, каково было тому человеку, что ночью встал, вероятно, выпить воды. Пошел спокойно к себе на кухню, глянул в оконце, а там двое темных, как ночь, мужчин закапывают что-то кровавое глубоко во дворе.

ЧТО В ГОЛОВЕ?

У моего отца есть двоюродный брат, а попросту мой замечательный дядя.

Его зовут Магомед, и сейчас он признанный страной художник, чьи заслуги на поприще искусства оценены по достоинству.

В годы своей юности, то есть в середине прошлого века, дядя Магомед имел смелость в горах Дагестана писать абстракции. Горцы абстракции категорично не принимали, поэтому неравнодушные и немного душевные родственники советовали ему писать «нормальные картины», а не заниматься ненужными красочными движениями.

А мой отец всегда любил своего брата и его творчество, поэтому все детство я разглядывала дядины картины, висевшие в нашей гостиной. Они там висят и сейчас.

Наверное, это наши общие с дядей гены подтолкнули меня в странный жизненный период просто уйти однажды с работы из адвокатского бюро, зайти по дороге домой в художественный магазин и сказать: «Я вообще ничего не понимаю в этом, но подберите мне, пожалуйста, все, чтобы начать рисовать маслом на холстах. И объясните, что там как работает». В тот день я обрела в лице консультанта магазина друга, но потеряла половину своей зарплаты.

Вот чему можно было бы позавидовать тогда, так это моей самооценке.

Я считала себя родственной душой с Василием Кандинским. Ведь мы оба отучились на юридическом факультете МГУ, но души наши тяготели к искусству. Оба какое-то время работали юристами, и вполне успешно. Но он внезапно в тридцать лет уехал в Мюнхен рисовать и стал тем самым Кандинским, которого мы знаем. А я внезапно зашла в художественный магазин и слегка разорилась.

Я тоже, конечно, в свои 30 лет потом уехала в Париж. Но не учиться рисовать, а быть пока в роли «жена и мать». Вторую роль даже дважды примерила, и сейчас я на таком этапе своей жизни, когда рисую только зайчиков, котят, тортики и радугу. И единорогов. Много единорогов.

Но вернемся в эпоху моего ограбления художественного магазина.

К тому времени наша семья уже успела переехать из Дзержинского в свой частный дом неподалеку.

Я бросила юридическое ремесло, начала поиски себя и рисование днями и ночами.

Так продолжалось полгода, пока у меня не закончились деньги.

И то, настолько долго бездельничать мне помог тот факт, что по прекрасным кавказским традициям я жила в доме с родителями и знать не знала, что такое счет за электричество. Еда появлялась в холодильнике магическим образом. А мыло в ванной никогда не заканчивалось.

Потом я снова вышла на работу, но продолжала рисовать ночами. Мама обустроила мне уютную мастерскую в отдельной комнате на цокольном этаже. Я обростала новыми навыками и приборами.

Однажды решила, что должна нарисовать картину размером два метра на метр.

Очевидно, что в художественных магазинах подрамников таких размеров не лежало.

Помню, как в ночи отец помогал мне натянуть уж очень тугий холст на этот своеобразный и огромный подрамник, который я собрала сама. Я гордо использовала купленный в строительном магазине специальный степлер, а потом проклеивала и грунтовала свой холст, лелея его, как дитя.

Иногда в мою мастерскую спускался отец. Он просто сидел на диване и смотрел, как я рисую. Отец по образованию и жизни художник-ювелир, но он ни разу не критиковал мою манеру писать, ни разу не сказал, что правильно, а что нет.

Он считал, что красота моего творчества заключается в том, что я абсолютно далека от всех правил и рисую, как захочет любая из моих пяток.

✱ — *Самым ценным признанием себя как художника я считаю тот факт, что отец повесил мои картины дома. Там же, в гостиной, рядом с картинами дяди.*

Когда дядя Магомед в очередной раз зашел к нам в гости и увидел новые картины на стенах, сразу ими заинтересовался. Узнав, что висящие полотна моей кисти, он рад был со мной поговорить на тему искусства.

Я вся превратилась в подобие морской губки, пытаюсь впитать каждое его слово. Он сказал тогда, что небо на моих картинах — это есть моя душа и то, что я действительно хотела рисовать, а все прочее навязано мне общественным мнением. Что, по его мнению, рисовала я земную атрибутику без особого рвения и желания.

Заклучил он свою речь фразой: «Если хочешь рисовать лишь небо, то рисуй его, ведь вовсе необязательно быть земле».

Тогда я буквально порхала от мысли, что могу быть абсолютно свободна в своем творчестве. Хотя бы в нем не было никаких обычаев, традиций и кодексов.

Все время нашего разговора отец сидел неподалеку и слушал. Позже, когда дядя Магомед и другие гости (а как же, вы думали к нам один дядя, что ли, приходил?) ушли, мы выбрались с отцом на террасу. Наши лица ласково окутывал теплый летний вечер. Мы стояли, облокотившись на перила, и многозначительно смотрели вдаль.

И тут отец произнес:

— В общем, тебе сказали, что у тебя одни облака в голове?

— Ага.

— Ну это я и так знал, — сказал отец и улыбнулся в свои густые усы.

ВЕРСИЯ

Каждый из нас в своей жизни проходит этап непонимания окружающей действительности.

Вот и я лет в двадцать с хвостиком стала меньше понимать людей, их образ мыслей, смысл их поступков. Честно говоря, я и сейчас-то не особо разобралась.

Я отчаянно искала потерянную подростковую уверенность в том, что я все знаю лучше всех. Искала источник своего тотального непонимания. Ответ мне подсказал по классике отец.

В один долгий и темный зимний вечер я готовила отцу ужин, методично помешивая уже золотистый лук на шипящей, как женщина в гневе, сковороде.

Отец сидел неподалеку в кресле и читал.

А я бы тоже хотела. Но только не читать, а сбежать в свою мастерскую писать картины маслом, а не жарить на нем.

В этот момент взгляд мой упал на грудку овощей, которые мне нужно было помыть, почистить, нарезать и разложить по пиалкам. Я исполняла шедевральный метод готовки от моего отца. Он говорил, какие заготовки надо сделать, а потом просто бросал все сам в кастрюлю и по итогу говорил: «Ах, какой я суп сварил, просто щербет. Три дочери, а самому готовить приходится». Все лавры шефу.

Мне стало резко скучно и тоскливо, поэтому я решила лишиться спокойствия и моего отца:

— Мямме, вот почему ты мне только нос свой большой передал, а? Вот почему не что-нибудь другое? Рост, например. Почему нос-то?! Благо, хоть уменьшенную версию.

Отец оторвался от чтива, посмотрел на меня многозначительно, улыбнулся и сказал:

— Да ладно, что ты тоже. Почему же только нос? Я тебе еще мозги передал... но, видимо, тоже уменьшенную версию.

Вот все и встало на свои места. Куда мне стремиться познать мир, людей и гений идей со своей уменьшенной версией. Жарим лучок, товарищи, да нарезаем кабачок.

ONCE UPON A CRIME

Однажды мы поехали с университетской подругой в Калифорнию. За благопристойным, между прочим, делом — чтобы учиться.

Подруга тоже была родом с гор Кавказа, поэтому у нее была примерно такая же в жизни база, где много родительского наказа и контроля большого глаза.

Но так случилось, что все получилось, и мы, радостные и счастливые, улетели грызть гранит американской юридической науки.

Дело это было летом, а еще с нами поехал мой очень хороший друг — профессиональный фотоаппарат моей старшей сестры. Натура я тогда была сильная спиной (чтобы таскать его и объективы везде) и слабая на красивые фоточки (это остается в силе и по сей день).

Времена тогда были в моде красноподошвенные, так что в выходной день мы покрасились, взяли свои высоченные каблуки лабутены и пошли создавать себе красоту на память.

Перед выходом на фотоохоту шлепанцы предусмотрительно сами залезли в сумку со словами: «В нас ты счастье обретешь и покой после красного ада твоего, аминь».

Пророчили, чертовки.

И вот на пустынных полуденных улицах Сан-Диего мы начали искать свои кадры, повстречали только падре, потеряли точный адрес.

Набрели на открытую парковку, где не было машин, а было то самое идеальное место. Только мы настроили все характеристики чудо-техники, как в нашу «фотостудию» въехал блестявший новизной и сверкавший понтами «эскалейд».

Он закружил по парковке, словно коршун, летающий над своей жертвой. Потом машина остановилась, медленно опустились

передние стекла, и мы увидели каменные лица мужчин в зеркальных солнечных очках. Они молча и многозначительно смотрели на нас.

— Уходим, — шепнула я, и мы с подругой тактично отступили, быстро юркнув на соседнюю улицу.

Краем уха я услышала, как машина резко вывернула, а минуту спустя увидела того же мужчину, что глядел на нас на парковке. Только он бежал.

Бежал нам навстречу с широкой искренней улыбкой.

— Девчонки, а вы, оказывается, наши, русские! Мы слышали, как вы между собой разговаривали! А давайте знакомиться! Хотите вчетвером поужинаем или пообедаем вместе в каком-нибудь ресторане, а? — сказал он радостным, воодушевленным тоном.

Мы же, дети седого Кавказа, впали в ступор и традиционно устались в асфальт.

Парнишка понял, что обед не проходит, и предложил новый вариант:

— Давайте хотя бы позавтракаем? Или просто кофе, хотя бы на полчаса? Поболтаем!

Минуту мы хранили молчание, а потом мой категоричный раскусок выдал:

— Извините, у нас так не принято.

После чего мы развернулись и пошли прочь.

Я не видела глаз того парня, но спиной почувствовала то облако недоумения, в которое он весь погрузился.

У кого не принято? Что именно не принято — обедать или завтракать? Может, кофе не принят, а принят только чай?

И ведь это сказала девушка с кожей цвета корейской мечты — 50 оттенков белого и бледного. И эту девушку подруга называла по-тургеневски Асей. И говорят по-русски без акцента.

А ведь нам легче было придумать и сказать, что мы замужем или что мы сами пара и приехали из Сан-Франциско. Чтоб уж наверняка. Но нет.

Я еще размышляла тогда, почему родители, а особенно отец, без особых уговоров согласились отпустить меня учиться в Америку. А тут вот оно что. В голове-то у меня процветал коммунизм, ЦК партии четко держался идеологии, шаг вправо — расстрел, шаг влево — не принято.

ФИЛОСОФИЯ ЗАВТРАКА

Тихие воскресные утра всегда имели для меня особое значение.

Правда, они не всегда были тихими, но особенными — да.

Время семьи. Все дома, никто никуда не спешит. Долгий завтрак, плавно перетекающий в подготовку блюд на обед. Такие же долгие разговоры с родными, с которыми не так-то много общаешься в московские будни. Даже если живешь под одной крышей. Ведь крыша хоть и одна, а вот работа у всех в разных местах и вечерние пробки у каждого свои, уникальные в собственной бесконечности.

Так и получалось, что в офис я уходила из дома, когда моя мама-жаворонок только вставала. Возвращалась я, когда весь дом, кроме всегда ожидающей моего прихода матери, уже спал.

Одним таким воскресным утром мама с сестрой куда-то исчезли.

Я же встала, по моим меркам, поздно — часов в десять. Медленно доползла до ванной, а потом скатилась вниз по лестнице к холодильнику, так как кнопка включения утром у меня появляется только после поступления в организм пищи. Причем обычно мой завтрак больше походит на прием президентом международной делегации — долго, много и болтливо.

За окном кухни падающий снег уютно укутывал весь двор. Уютно это, конечно, когда в самом доме тепло.

Сейчас, когда я живу в Париже, в зимнее утро я тоже укутанная, но в одеяло, готовлю завтрак. А тогда, босая, лохматая и в бесконечной отцовской старой футболке, я стояла у плиты и варила в сверкающей своими медными боками турке кофе.

Когда закончила творить свой завтрак Халка, проснулся и отец.

— Ивзрав, мямме! [Доброе утро, пап!]

— Бивзрав, бивзрав [Доброе, доброе], — сонно ответил он.

Мы приступили к делу. Отец не мог перестать коситься на мою огромную тарелку с двенадцатью гренками с сыром и бормотал себе под нос: «Боже, да мне же тебя вернут на второй день после замужества. Скажут, что не могут позволить себе столько еды покупать, ведь содержать эквивалент пяти голодных мужчин они не подписывались».

Да и страшно же — вдруг ночью их самих съешь. Я как-то смирился с этим страхом, а вот они вряд ли сделают так же».

Пока мои двенадцать гренков не исчезли с тарелки, я хранила молчание.

Закончив, я заголосила в свою защиту. Но отец нашел еще много моих потенциально опасных для демонстрации кому бы то ни было черт. Как видите, беседа не отличалась особой философской глубиной. С моей стороны все свелось к следующему доводу:

— И вообще, ты не можешь меня ругать и говорить про меня что-то плохое. Потому что именно я твоя мини-копия. Я — это ты!

Отец ухмыльнулся и сказал:

— А я самокритичный.

Я фыркнула и уставилась в телевизор, где шла передача про животных. Показывали сюжет про морских слонов, и я решила не упустить возможности взять реванш.

— О, мамме, смотри, у них нос по размеру точно как у тебя! — изумилась я от своей находки.

— Ага, и точно твоя фигура, — совсем не изумился отец.

Наглядная демонстрация того, что на каждое мое па есть остроумие моего отца, которое, очевидно, тоже передалось мне в уменьшенной версии.

ВОЛНОВАЦА МА ЩАРА¹

Моему первому родному племяннику Зурабу уже исполнилось 18 лет. У меня пока нет толком морщин, но от осознания такого факта я резко ощутила свой возраст как «не молодежь».

Ну что ж.

Зато я отлично помню то лето, когда ему было всего четыре года. Мама Зураба и по совместительству моя старшая сестра Даша ходила всю беременная своим вторым сыном и не могла поехать в Дагестан, куда мы отправлялись ежегодно. Зато могли мы и прихватили с собой тогда еще Зурабчика (хотя для меня он всегда так и будет Зурабчиком-Зурабелли, хоть и бородатым).

Честно говоря, я немного волновалась за нашего плюшевого городского мальчика. Но в первый же день в Махачкале он нашел во дворе себе компанию друзей, привел их всех к нам домой есть конфеты и смотреть мультики. Потом вечером съел полбарана в котлетном эквиваленте и проспал до одиннадцати утра следующего дня. В

¹ Не волнуйся (смешанный рус. и лакск.).

каждый наш последующий приезд в Махачкалу те ребята заходили к нам и спрашивали: «А Зураб что, не приехал с вами?!»

Но в Махачкале мы всегда останавливались на пару дней, большую часть отпуска проводя в горах.

Вот и в этот раз мы весело укатили в родной горский Кумух.

Кумухские будни были знакомы Зурабу, он ведь до этого ездил сюда со своими родителями.

В первый четверг нашего пребывания в горах мы традиционно отправились на кладбище — почтить память предков. Зурабчика взяли с собой, не беречь же в Дагестане его психику. Это был его, так скажем, первый осознанный поход такого рода.

*Мы приехали на окраину селения. Я
повязала на голову платок, взялась
за скрипучую калитку кладбища и,
бормоча на арабском нужные слова,
вошла на территорию своей памяти.*

Шла с Зурабом за руку, а впереди шли мои родители. Они, словно ледокол, прокладывали нам путь сквозь небоскрежный бурьян, который разросся почти лесом. Полуденное горское солнце и толпы разноцветных пауков добавляли к духовной тяжести физическую.

Наконец мы дошли до могилы моей прабабушки Умамат. Красивый, слегка почерневший камень, украшенный высеченными цветами, грустно смотрел на нас в своем одиночестве, ведь мой прадед не лежал рядом с ней. Он был предан своим родственником и сослан умирать в русскую крестьянскую глубинку. И где он там похоронен — знает только Аллах.

Мы стояли несколько минут, подняв руки ладонями к лицу, и читали молитву.

Закончив, родители направились выше, к могилам родителей моего отца.

А я сказала Зурабу:

— Моя прабабушка Умамат была очень доброй женщиной, прожила долгую и очень непростую жизнь. В честь нее назвали мою сестру и твою тетю Уму. А ее могильный камень собственноручно высекал ее сын, то есть мой дедушка Абдулазиз.

Зураб понимающе кивнул, и мы направились вслед за родителями.

Прочитав молитву у камней дедушки Абдулазиза и бабушки Рукижат, мы также с малышом немного задержались.

Я сказала Зурабу:

— Это могилы моих дедушки Абдулазиза и бабушки Рукижат, они были достойными людьми, но ушли очень рано. Эти могильные камни высекал уже их сын, то есть твой дедушка.

Я задумалась над тем, каково было моему отцу в возрасте 24 и 26 лет похоронить родителей и самому высекать им камни.

А Зураб посмотрел сначала на спину своего удаляющегося дедушки, а потом перевел взгляд на камни. Минуту смотрел на искусную работу моего отца и о чем-то размышлял.

Мне стало интересно, о чем думает четырехлетний ребенок на кладбище. Но он упорно молчал. Лишь через минуту спросил меня:

— А вас же три девочки у дедушки?

— Да, нас три сестры, твоя мама старшая, — ответила я.

Ладошка Зураба выскользнула из моей руки, и он побежал к своему деду.

Я лишь считала решительность в его взгляде и сведенных бровях.

Побежав следом за ним, я увидела, как он взял за руку моего отца, дождался, пока тот посмотрит в его глаза, и со всей серьезностью, на которую был способен, сказал:

— Хъунмя [деда], не волнуйся, когда ты умрешь, я высеку тебе камень!

Это ли не признание в любви и не взятие на себя ответственности суровых дагестанских гор.

Не стоит волноваться — стоит рассказывать детям историю своей семьи.

НАСТРОЕНИЕ

*Пришло время, и я сменила фамилию, дом и страну.
Родилась заново по собственной воле и стала жить как мать, жена и эмигрант.*

В страну лаванд.

Я перестала быть юристом, но осталась все тем же веселушником-кайфушником.

Жизнь завернулась как круассан.

Вкусный, ароматный и пока еще очень свежий.

Судьба подкинула мне шанс заняться чем-то новым — без сомнений, страхов и сожалений.

Однако мои корни очень крепкие, а связь с родительской семьей сквозь тысячи километров стала еще более трогательной.

Мы часто приезжали погостить к родителям в Москву и увидеться с моими сестрами и их семьями.

Когда я со своим мужем Абдурагимом и двумя дочерьми, Микаэлой и Данелией, в очередной раз уезжала из Москвы в Париж, моя сестра Даша вручила мне флешку и сказала:

— Мы с Гамидом фото и видео оцифровали. Посмотри потом.

Гамид, а точнее Абдул-Гамид, — это муж моей сестры и по совместительству электронный гуру для нашей семьи. Благодаря ему вся история нашей семьи, хранившаяся на кассетах, была оцифрована и скопирована для блудных детей нашего тухума, которых разбросало по миру.

Это «посмотри потом» настало только через год, а там оказался такой клад! Первым шло видео девяносто шестого года, на котором был запечатлен вечер московских лакцев. Мне семь, и я в бархатном платье цвета шоколада бегаю по ресторану в компании других таких же нарядных детей.

Вечером того же французского дня, когда я обнаружила это сокровище, я позвонила отцу:

— Мямме, я посмотрела видео девяносто шестого года. Данелия успокоиться не могла, когда увидела на экране аму [бабушку по матери]. Кричала, чтобы та на нее посмотрела, как обычно при видеозвонке.

— А там аму на вечере нарядная еще... — начал вспоминать отец.

— Да, ты тоже красивый, в рубашке, — сказала я с троллинговым прицелом, ведь отец рубашку надевал раза три в жизни: не переваривает даже с мезимом.

— У меня и сейчас рубашки есть, если что, — фыркнул он в ответ.

— Ну ты же их не носишь, — парировала я.

— Если надо — могу.

— А почему «если надо»? — воскликнула я. — Просто так для настроения нельзя, что ли?

— У меня настроение есть всегда, в рубашке я или нет. В отличие от тебя, — переиграл и уничтожил отец.

— И почему ты мне эту черту не передал тогда?

— Ты в мать пошла.

— Так у дады [мамы] тоже с настроением всегда порядок, — пробурчала я.

— Да, это потому что я рядом, — заключил отец.

Так пусть, друзья, у вас (и у меня) будет хорошее настроение. И хотя бы десятая часть отцовской уверенности в себе.

ВИНЕГРЕТ

Весна. Париж.

Дождь на улице начал моросить. И я тоже.

Тогда я взяла в руки забавную книгу, чтобы отвлечься и развлечься.

В книге я наткнулась на эпизод, где армянин с грузином играли в нарды, но комбинации выпадающих цифр озвучивали на фарси. По описанию это было в порядке вещей того времени — 1980-х.

Конечно, я почувствовала, что жизнь теперь не жизнь, пока я тоже не стану так играть в нарды. Нашла в интернете названия всех комбинаций на фарси и начала тренироваться, бросая кубики на шешбешное полотно и проговаривая все вслух на языке персов.

Рядом суетилась младшая дочь, с которой я разговаривала по-лакски. Из колонки шла любимая детьми (и мной, что уж тут) японская песня из Тоторо. За открытым окном слышалось французское мурлыканье. А Данелия, как немецкий офицер, громко и требовательно кричала: «Дать!» — и показывала своим булко-пальчиком на то, что мне нужно было ей вручить, достать или создать.

А дать надо было книгу с русскими потешками, которую мы успешно вместе прочитали.

Языковой винегрет прервал звонок отца.

— О! Мямме, ивзрав! [Доброе утро, пап!] Слушай, а хъунмяммя [дедушка] играл в шеш-беш? — с ходу атаковала я.

— Бивзрав [Доброе утро], — ответил отец. — Играл, но редко.

— А он на каком языке говорил комбинации?

— На лакском.

— А на фарси — нет? — не унималась моя душа.

— На фарси говорили старшие, еще те, кто обычно по десять языков знали. Само название шеш-беш — это же на фарси.

— Да! Представляешь, я теперь выучила все их названия комбинаций. Когда в следующий раз приеду, будем с тобой играть и я буду включать персидскую принцессу.

— Там голову надо включать! — возмутился отец.

— Давай ты будешь голову включать, а я понты.

— Ну как обычно, в общем, — заключил отец.

— Люблюшки, мамме, — засмеялась я.

— Давай-давай, персидская принцесса.

И утро задалось, и мысль о том, что в моей жизни сплошной языковой медовик.

ЭПИЛОГ

Вопреки всем заветам психологов современности у меня с отцом сложились теплые доверительные отношения. Сейчас я живу от отца за тысячи километров, и это непросто, даже если ты взрослая замужняя женщина с детьми.

Я радуюсь тому, что в наше славное время есть видеосвязь. Да и вообще хоть какая-то стабильная связь, которая позволяет мне его видеть и слышать каждый день.

Мне просто порой хочется тихого воскресного утра, теплого летнего вечера на террасе, молчаливого зрителя на диване в мастерской или сурового сопровождающего в школе.

Занимательных историй с участием моего отца в моей памяти еще великое множество. Может, когда-то у меня получится собрать их в книгу, над которой потом будут улыбаться уже мои внуки.

Маргарита АРДАШЕВА

«ПОСРЕДИ СТЕПИ
ВОЗВЕДИ МАЯК»

СТИХИ

*Посреди степи возведи маяк,
Камни потом и кровью вымажи,
А потом ходи, как живой мертвяк,
Босиком по полыни выжженной.*

* * *

Сонно, зыбко и голос охрип,
Но к ногам моим лужи прибоем.
В голове полноводная Бзызь
Размывает следы непокоя.

Сохранил ли свой нос кипарис?
Вдоль забора растет лавровишня?
Разум мой над Цандрыпшем повис,
Отрешенный, сухой, неподвижный.

* * *

Не хочется ни елок, ни огней
И ни глотка французского игристого,
А только чтоб закончилось скорей
Сражение, в котором я не выстоял.

Придет за мной косматый Карачун.
В один из дней на святочной неделе ли?
Но лучше пусть в Крещения канун —
Свой новый год не встречу в самом деле я.

* * *

Священно то место, где я к полудню глотаю смерть,
Где дряхлеет ротонда, приметы распада царят кругом,
Где слепящий луч на железном заборе играл и мерк,
Где хочу упасть в рыхлый снег и гнилую траву ничком.

Здесь брожу и пускаю носом то кровь, то дым,
 Набиваю сухие мозоли по всей ширине стопы.
 Старый парк считают уютным, я же вижу его пустым,
 В пересохший пруд роняя невызревшие мольбы.

* * *

Все выноси из своей избы:
 Сор, тряпье и скупую снедь,
 Что так пестовал, но забыл
 Сохранить и устал жалеть.
 Все медали, звания и труды —
 Они пеплом витают днесь.
 Только крошки былой беды
 Из души образуют взвесь.
 Да и та развеется, точно рябь,
 Схоронится в крещенский лед,
 И тогда забудешь, насколько слаб
 Ничего не знающий наперед.

* * *

Чередую брют и цинандали —
 Белого так мало у меня,
 Все святое с юностью забрали,
 Ни гвоздем, ни словом не маня.

В день рожденья сладко утопиться
 В море, но на то надежды нет,
 Потому что крылья белой птицы
 По тринадцать тысяч за билет.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА К А. Д.

I

Желтели брюки от пыльцы, и трость стучала:
 Так осень только в третий день брала начало.
 И здесь не то что по воде — круги по камню,
 А дождь как будто сам с собой боролся с явью.
 Не летних дней тугая плоть, не смертный холод.

Не одолею толщу стен, сковавших город.
 Гвоздичный дым цедить в туман — моя отрада.
 Пока смолистых облаков ползет громада.
 Идти навстречу к ноябрю не станет поздно,
 Когда в размен уйдут года, дела и вёсны.

II

Все свое волшебство я растратила на тоску
 По тебе, как всполоху последнему жизни сей.
 Ничего звенящего и чудесного более не могу,
 Хоть колы теши, предавай забвению иль убей.

Вполовину высохла, но и то еще не предел.
 Руки теперь не годны ни сеять, ни жать, ни ткать.
 Лишь единожды нас, счастливых, кто-то запечатлел,
 Отразил небывалое — сходство и благодать.

Тем и жить теперь, что коснулось меня едва
 Безнадежное, страшное чудо и кануло в полусвет.
 Если ты просишь саван, то нужно готовить два
 И не верить в чужие сказки, что смерти нет.

III

Меня окружают драконы из чугуна,
 Сцена, колонны, сводчатый потолок,
 Книги, выставки, драмы и битая плоть окна,
 Развалюха-домик, который съедает мох.

Это все так прекрасно, чудно в своей гнильце:
 И бульвар, и проспект, и даже рекламный щит.
 Я пытаюсь забыть, но любая строка в конце
 До краев тобою наполняется и молчит.

IV

Напророчили Иосиф и Борис,
 Я им верю, кажется, в полверы,
 Будто уготован главный приз
 Снесшему чуму и две холеры.

✦ Непривычно это слово — «хорошо»,
Если умираешь под березкой
Каждый год. И вот к тебе пришел
Новый с сундуками, как Морозко.

Даже в Июль дни случились чудеса,
Беспросветье временно отбросив.
Пусть звенят и дальше голоса —
Пой, Борис, и вторь ему, Иосиф!

* * *

Посреди степи возведи маяк,
Камни потом и кровью вымажи,
А потом ходи, как живой мертвяк,
Босиком по полыни выжженной.

И на что надеялся? Всеотец
Тебе счастья из боли выковал?
Ты давно здесь числишься как мертвец,
Метерлинк в переводе Быкова*.

Отпоет бедового Гамаюн,
Покружит и плюх на навершие.
И запишет вязью из бледных рун,
Что ты помер седым и бешеным.

* Выполняет функции иноагента.

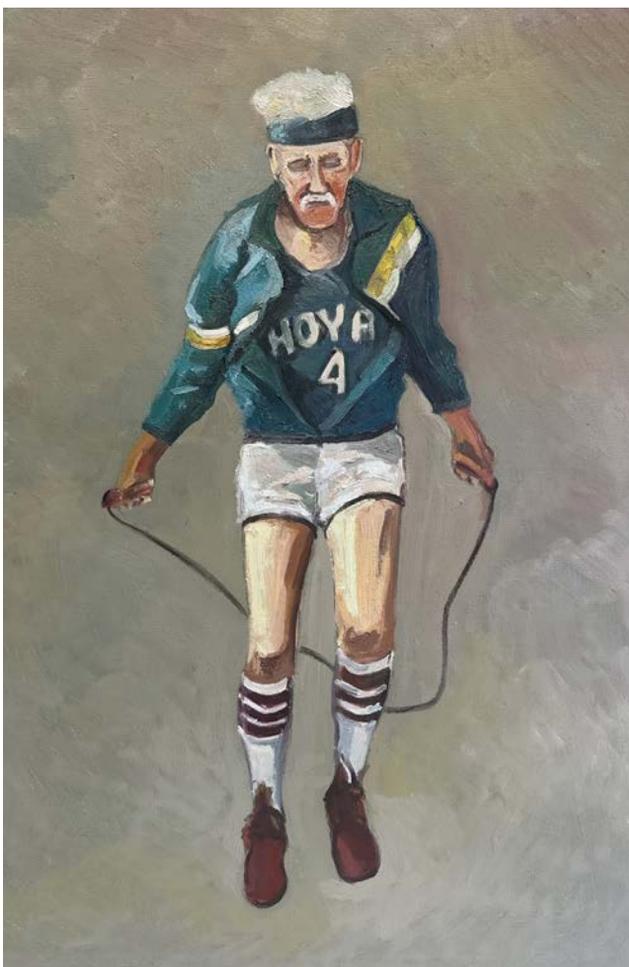
ДАРЬЯЛ

ТВОРЧЕСТВО
2024/5

Мадина БЕЛИКОВА

Молодость # 5

Молодость #2

CHIFFON # 3

Путь

Самурай

Стиль # 2

Диана ГОБЕТИ

Городская мелодия

2010

Из серии
«Дотянувшись
до неба»

Из серии
«Дотянувшись
до неба»

ЦИТАТА

* * *

Литературы нет. Сорокин и Пелевин — это не литература. Их скучно читать. Нужны книги, которые будут читаться легко и беспечно. Цинизм, динамизм и современная любовь. Книга как видеоклип. В условиях, когда культовым можно быть, только если ты диджей, музыкант, актер или режиссер, писатель должен быть мутантом — смесью диджея, музыканта, актера, режиссера. Скретчи, смены кадров и прилипчивые мелодии. Безумцы-гении не нужны.

**БУДУЩЕЕ
ЗА КОНЪЮНКТУРЩИКАМИ.**

РУСЛАН БЕКУРОВ

*Из рассказа
«Легкая культура»*

Александра ЛОБОВА

«КТО ОБЪЯСНИТ БОГАМ...»

СТИХИ

*Космос кричит в ледяном
одиночестве*

* * *

Осколки кривомазые
Воткнутся в стопы.
Их извлекут, сделают что-то
Наподобие хрустальных туфель.
В них захоронят.
Лица, припорошенные
Эмоциональным шлаком,
Потыкают пальцем
На отсутствие русской рубахи,
Повякают, мол, так положено,
Попричитают, после касания лба —
Похохочут.
Боги решили, что мне подорваться
На черной клеточке
Как за здравье.
И были правы, и обманусь —
Небесные дурачки.
Хихиканье опасно
Повтором звука —
Он отвергается
Космическими детьми.
«Хи-хи» не родится
Из отсутствия кислорода.
Кто объяснит богам,
Почему молчание
На земле приравнивается
К аборту на позднем сроке?
Они не знают, что мне суждено
Стать планетой из букв и цифр.
Глупые, привыкли к наличию имени.
А мне не придумали
Или отобрали еще зародышем

В число безымянных,
 Никем не позванных.
 Перебирали алфавиты
 От енохианского до русского,
 Так и не нашли благозвучного
 Сочетания.
 Вот он я!
 В хрустальных туфельках
 На шнуровочке.
 Иконы снимали
 В память об иллюзорной дочери.
 Под периной ледяного купола
 Меня не найдут.
 Боги-хитрецы решили,
 Что «ау» — звук.
 Проще позвать всех подряд —
 Небесная перепись населения.
 И кто не поднимет голову
 Под вьедливое «хи-хи»,
 Тот без имени.

Расшибук в ледяную крошку
 Купольные бока.
 Вот он — призрачное беззвучие —
 Я.

* * *

Проснуться от вымышленного удара
 Под космическим одеялом,
 Испугаться тела, пределы
 Которого измеряются миллиметрами,
 На ладони божьей забиться
 В глубину линии жизни.
 Ты, бесстрашное и космическое,
 Утешь меня
 Как нечто травмированное,
 Ссохшееся,
 Выпавшее из состояния анабиоза.
 Боже, как медленно идти придется,
 Чтобы остаться на месте,
 Чтобы встретиться
 И не вспомнить лица,
 Чтобы потом его заново создавать.

Нелепица!
Космос кричит в ледяном одиночестве,
И у меня забивается —
Разбирается до всепоглощающей черной дыры —
Несуществующее
Сердце.
Крик так редко бывает похож
На органнй аккорд.
Боже, рот может рождаь слова!
Ты, бесстрашное и космическое,
Умеешь ли понимать языки?
Хотя бы мой,
Его не признали ученые
Настолько,
Что запретили говорить
На территории третьей планеты.
Можно я расскажу тебе,
Как она горела?
Можно я научу тебя понимать слова?
Сделаю узником буквы,
Слеплю на манер стиха.
В родном языке кощунственно
Отсекать лишнее.
Я так озабочен фактом
Наличия слез.
Ты, большое и космическое,
Проглоти эти звуки,
Пока они не сделались ложью.
Мне так не хочется
Тебя собой опорочить.
Ты, большое и космическое,
Спрячь(ся).
Как много решает слог.
Помоги мне решиться,
Реши за меня,
Кто мы такие
В отсутствие координат.
Мне мигает сигнал
С далекой Земли
О запрете возвращаться
И узнавать себя
В безразмерном чудеце.

◆ — ● Боже, они до сих пор не верят,
 Что ты существуешь.
 Пусть польхает зелено-синяя,
 Я не буду ей помогать.
 Ты, бесстрашное и космическое,
 Привыкло к безумным танцам?
 Позволь шагами твоей пустоты
 Убаюкаться.
 Мне так не хочется
 Возвращаться.

* * *

И я вхожу в толпу ишиатиков,
 Прикрываюсь тростью.
 Пригожесть болезни
 Определяется атрибутами
 Молодости.
 Бедро не лепечет
 В конвульсии, как положено,
 Значит, боль подавляет
 Число световых годов. ◆

Я в толпе, и ей кажется,
 «Что он знает о вкусе
 Холодного пота,
 О работе века
 В роли инопланетного
 Купола,
 О раскрытии больше двух сантиметров,
 О материи, в которой не чувствуешь
 Липкость тела,
 О сколах на последней паре
 Вставных зубов
 И как сиротеют десны
 Без костяных отростков,
 О боже».

Как эта трость мешает
 Наброситься,
 Сделать меня эскизом
 Бытийного иждивенца,
 Обрисовать пастелью

Тельце из корзины
С использованными бахилами —
Поэтому губы синие.
И троекратное обвитие пуповины —
Просто врачебная ошибка,
Как свидетельство о рождении
И паспорт постсоветского гражданина.
Его не приняли
В марсианском посольстве.

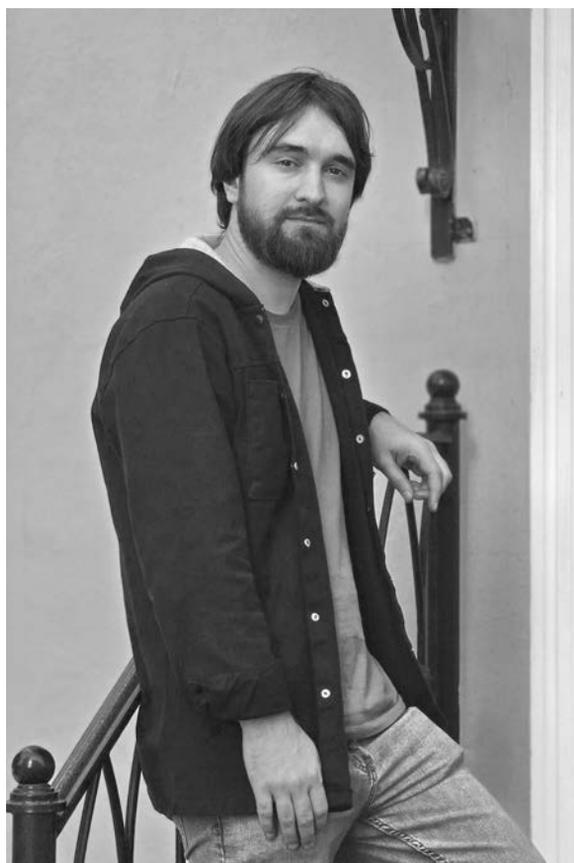
Как тяжело родиться
Очередным,
Вакцинироваться от крика,
Принудительно произносить
Согласные.
Толпе никто не шепнул,
Что прикрыто тростью.
Она имеет право
И смеется,
Что на Марсе трава
Никогда не зеленела,
Она яреет
С наступлением времени.
Я его луплю по выворотной
Хребтине,
И оно скулит у ног,
Потому тормозится шаг.

Куда мне до примитивных судорог
В районе бедра!
У меня голова обрастает
Спазмом
В районе центра петли.
Да, к нему путешествуют
Миссионеры
Очень периодически.
Покрывают его следами
Замаскированного
Самоуправства.
И меня как заложника
Выдуманной проказы
Жальче.

Магомед ДАЦАЕВ

НОГИ

РАССКАЗ

Все произошло в далеком 1991 году. То было смутное время, краткий отрезок сумасшествия, после которого начался непонятный и неопределенный период. Именно в это время и случилось то, что впоследствии стало для меня извечным кошмаром

— **Я** знаю, что скоро умру, — твердо заявил мне дядя Олег.

За полчаса до этих слов лечащий врач моего дяди сказал мне:

— Твой дядя весьма умный и проницательный человек, и он, скорее всего, догадывается, что происходит.

Действительно, дядя был одаренным. Он всегда в семье имел славу самого эрудированного и образованного. Наверное, это и стало его клеймом, впоследствии обрекшим его на одиночество. У него не было детей, жены, даже не помню, чтобы когда-то была возлюбленная, поскольку из родных никто никогда не упоминал о такой. Он окончил физико-математический институт, получил там степень магистра, а затем и доктора. В ученых кругах Москвы он оброс слухами и аурой. Толковали, что дядю Олега завербовали тайные военные службы для разработки навигационных систем для баллистических ракет. Сам я точно не могу сказать, правда это или нет. Моя мама особо ничего про его жизнь не знала, а сам он никогда не проявлял охоты распространяться о себе. Окончив школу, он уехал в Москву поступать — и все, это стало водоразделом в жизни моего дяди, с тех самых пор он жил отчужденно от семьи и родственников. Он являлся профессором в МФТИ и параллельно вел лекции в МГУ. Я видел его за свою жизнь всего пару раз. Он помог мне поступить в Москве, и тогда состоялась одна из наших редких встреч. Я даже не знал, где он живет. Теперь, когда его сразила болезнь, рядом оказался только я, кто может за ним присмотреть. Помню, когда я пришел в госпиталь, он увидел меня и сразу сказал весьма обреченно:

— Какой позор, да, Леша? Столько лет посвящаешь науке, кажется, ты знаешь всё, все механизмы природы перед тобой, и бац!

Внезапно какой-то тромб, кусок запекшегося гемоконцентрата тебя сваливает, словно безмозглую куклу.

Многие впадают в уныние, когда страшная болезнь протягивает к ним свои клешни, а моего дядю, наоборот, одолели гнев и ярость. Он скрежетал зубами, ярился каждую секунду и приговаривал: «Не тело, а кусок никчемной биомассы».

Он попросил меня принести из его квартиры в центре Москвы его личный блокнот для записей. Я, конечно же, незамедлительно отправился. Ключ от квартиры хранила у себя его соседка, вдова по имени Нина. Она внимательно осмотрела меня, потом спросила:

- А вы кем ему приходиться?
- Племянником.

Она прищурилась, надвинула на нос очки и немного подобрела.

— Да, есть какое-то сходство. Извини, Олег Анатольевич ведет заворнический образ жизни, я его родственников никогда не встречала. Ты, получается, чей сын?

- Натальи.

— О, про нее Олег Анатольевич много рассказывал. Он любил поболтать... иногда. Ну-с, ладно, не буду тебя утомлять. Ты ключ хотел. Сейчас.

Ее сутулая фигура медленно уплыла вглубь прихожей, через дверной зазор мелькнула тень. Потом она вернулась с ключом и сочувственно спросила:

- Как он? Неужели все так плохо?
- К сожалению, — пришибленно пробубнил я
- Эх, святой Боже... — она слезливо перекрестилась и протянула через щель мне ключ.

В квартире царил чистота и порядок, чуть ли не с педантичностью ювелира все было выстроено. Дядя имел вполне приличный доход, поэтому, скорее всего, мог позволить себе домработницу. Кроме кухни, везде все было заставлено книгами, фарфоровыми фигурками и всякими научными объектами, которые, очевидно, имели декоративную функцию, нежели практичную. Я увидел большие астрономические часы, стоящие на жардиньерке. Они играли золотистым свечением.

Записная книжка лежала на письменном столе. Подойдя к нему, я краем глаза заметил приоткрытую дверцу, ведущую в другую комнату, более тесную. В замке торчал ключ. Я медленно подошел к двери. Как рассказал мне дядя, его хватил приступ, ему стало плохо, нога онемела, и он рухнул на пол, затем из последних сил взял телефон и позвонил в скорую. Так его отвезли в больницу. Видимо, дверь осталась открытой. Из всех комнат в квартире только эта запиралась на замок. Мне стало любопытно, что же там. Борясь со стыдом, я все же зашел туда — и очутился чуть ли не в комнате сыщика.

Там стояли стул и небольшое бюро, а стены вокруг были увешаны листочками разных размеров. Книги стопками тянулись вверх, вырезки из журналов, из книг, иллюстрации, копии старых гравюр, фотокопии — весь этот коллаж разросся на всю комнату, заслонив стены. Весь интерьер утопал в бумажных квадратах. На всех изображениях было одно и то же, только разных видов.

● *Это были ноги. Ноги животных, людей. То показанные анатомически, то просто без каких-либо схем. И все — с разных ракурсов. Тут были какие-то древние иллюстрации кистей давно уже почивших художников. Книги по анатомии. Открываешь одну — и там сотни закладок, отмечающих страницы, на которых описываются ноги.*

Среди всего этого огромного коллажа можно было увидеть и ноги различных мифических существ.

Меня одолела оторопь. Я листал эти увесистые тома, перебирал копии распечаток. Везде ноги, ступни. Собак, ящериц, волков, диких кошек. На некоторых были приближенные фокусом ноги каких-то выдуманных существ из разных древних преданий...

Я покинул квартиру в некотором беспокойстве, словно заглянул в нечто очень сакральное.

Стыдясь своего поступка, я вернулся в больницу и застал дядю в весьма апатичном настроении. Он лежал в постели и смотрел куда-то в сторону. Его седые волосы всклокочены, лоб морщится. Я подсел к

нему и протянул стакан сока с трубочкой. Он хранил молчание и не делал никаких движений. Вместо того чтобы забрать у меня стакан, он проговорил:

— Знаешь, Леш, больше тридцати лет меня преследует одно воспоминание, которое не укладывается ни в какие рациональные рамки. Оно мучило меня на протяжении всего этого времени, неотступно следуя, как тень, становясь океаном в моих снах с наступлением ночи.

Я поставил стакан на тумбу и стал внимательно слушать.

— Я знаю, ты заглянул в мою комнату. Я, конечно, рисковал, отправляя тебя туда, ведь любопытство — это древнейший человеческий порок, но ничего не поделать. На самом деле я хотел, чтобы ты туда заглянул. Ибо, как я и сказал, это мучает меня половину моей жизни.

Я не стал оправдываться, дядя не оставил мне на это шанса. Вместо этого я виновато потупил взгляд.

А он ослабевшим голосом продолжил и поведал длинную историю, которая оставила очень глубокий отпечаток в моей памяти.

Вот что он рассказал:

— Мы с тобой мало общались, назвать нас родственниками или близкими людьми язык не поворачивается. Какие близкие люди, если мы не знаем и доли той мрачной тоски, что отягощает наши сердца. Я не знаю о тебе ничего, кроме того, что ты приехал в Москву, чтобы поступить на журфак. Кстати, как дела с учебой? Хорошо? Справляешься? Отлично. Думаю, ты станешь успешным журналистом, главное — дисциплина, поменьше гуляй, женщин вообще не подпускай к себе, или все пойдет прахом. Женщина, конечно, утешение нашей жизни, но они забирают все то сокровенное, что таится в твоей голове, так что, если появится на горизонте какая-нибудь милая мамзель, хорошенько подумай перед тем, как сделать выбор. Ну ладно, ворчливый я стал, кажись, это первый симптом приближающейся смерти. Мой отец, как сегодня помню, за два года до смерти стал невыносимо ворчливым. Так что, как бы нелепо это ни выглядело, но похоже на правду.

Вообще, сейчас у меня такое положение, что хочется верить во всякую нелепость. Но то, что я хочу рассказать, не что иное, как подлинная история, история, которую я, будучи в ясном уме, наблюдал. И этот фрагмент в моей по всем канонам однообразной жизни является моим узлом Кетча, который с каждым годом сдавливал мою шею все туже. Почему я решил поведать ее сейчас, и никому-нибудь, а

своему племяннику, который, уверен, знает обо мне не больше моего соседа? Потому что я боялся все это время поделиться этим жутким воспоминанием с кем-либо. Знаешь, когда ты человек науки, ее атомарный представитель, воплощение всего рационального, то все-таки подобные истории из твоих уст могут так пошатнуть репутацию, что потом можешь оказаться где-нибудь в психушке, а твои мозги станут материалом для исследований — для каких-нибудь молодых Юнгов, Черлетти и прочих. И все эти годы я держал это в себе, запер внутри своего сознания. Это мучило меня, отвлекало от работы, вызывало постоянные припадки безумия, и в этом бродяжничестве прошли мои последние тридцать лет.

Все произошло в далеком 1991 году. То было смутное время, краткий отрезок сумасшествия, после которого начался непонятный и неопределенный период. Именно в это время и случилось то, что впоследствии стало для меня извечным кошмаром.

Распад СССР сопровождался продолжительными судорогами, которые отзывались во всех уголках необъятной страны, будто это была предсмертная агония великана. И среди всей этой неразберихи я завидовал экипажу «Союз ТМ-12», который улетел в космос — по мне, это самое уютное место на тот момент, чтобы переждать все катаклизмы.

Они мне казались теми святыми, которые уснули в пещере, а потом, проснувшись, увидели, как мир переменился. По ТВ вышла юмористическая передача «Джентльмен-шоу» — будто кого-то можно рассмешить во время чумы! США выделяет кредит на полтора миллиарда долларов. В Литве и Латвии погромы на таможнях, все идет кубарем прямо в подземки Эреба. И в эту злосчастную эпоху мой однокурсник Глеб устраивает рок-вечеринку в старом заброшенном здании, где в 60-х годах заседали правящие члены Политбюро.

Конструкция постройки обветшала, и поскольку она находилась на окраине, к ней за годы никто из властей так и не проявил интереса. Заведовал там один бывший аппаратчик из ЦК. Глеб заплатил ему, дабы получить разрешение на то, чтобы кучка поклонников

американского рока собралась в его стенах, напивалась и кутила под музыку «Кисс», «Бон Джови», «Аэросмит» и так далее. Новая волна молодых бунтарей, одевающихся в рваные джинсовые куртки и отращивающих длинные патлы, жаждала в этой глобальной суматохе островок, на котором она могла бы блаженствовать. Глеб заработал на этом мероприятии неплохие на то время деньги, сделав вход платным. Туда завалилось человек шестьсот. Я помог ему с декором, мы наспех украсили старые запыленные залы, развесили клубные фонари, а в центре танцзала у нас болтался диско-шар.

Глеб настоятельно попросил меня тоже прийти на вечеринку, я неохотно согласился. Он заплатил мне неплохой процент от продажи билетов в знак благодарности за помощь. На тот момент я был бедным студентом с дырой в кармане, который тратил все родительские субсидии на книги, так что эти деньги, заплаченные мне щедрой рукой Глеба, были очень кстати — я накопил кипу новой литературы, даже не поскупился на художественную, купил себе новый пиджак и брюки, затем надел все это на свое тщедушное тело и заявился на кутеж. Был вечер субботы, на вечеринке под грохот электрогитары все судачили опять-таки о событиях в политике. Я встретил на этой гулянке свою знакомую по имени Саша, которая играла на пианино и сочиняла стихи. Она подошла ко мне и бросила реплику удивления. Она сказала: «Не ожидала увидеть тебя тут. Говорят, ты голову из книжек не вынимаешь». Я спросил, откуда она меня знает. Она ответила, что я помог ее однокурснице сдать контрольную по математике. Я иногда за деньги делал контрольные для других, это была моя подработка. Она выразилась так, будто ее подруга сама решила контрольную, а я лишь принимал посредственное участие, но я не стал чванливо на это указывать. А она продолжила: «Говорят, ты будущий гений. Это правда?» Она улыбалась мне, постоянно поправляя волосы, у нее был чарующий взгляд, один из тех взглядов, от которых таким, как я, лучше держаться подальше. Я ответил, что на гения я вряд ли претендую, хотя для меня подобные регалии были соблазнительнее, чем что-либо другое. А она похвалила меня за скромность и предложила пиво. Я отказался. Видя, что я не расположен к беседе, она ушла вглубь бурлящей толпы и кидала оттуда в мою сторону взгляды, полные досады.

Почти всю вечеринку я простоял около колонны, прислонившись к ней плечом. Пока другие атактически предавались ритуальному

танцу под гроыхающую музыку, я думал о цифрах, о математике, об уравнениях. Пил я в тот вечер один сок. Впоследствии я донимал Глеба вопросами, не подсыпал ли он чего в жидкость. На что он мне отвечал неизменно: «И как ты себе это представляешь? Как я в закупоренные бутылки что-то насыплю? Ты же вроде светило математики, Олег, при этом такие вопросы задаешь!» Глеба не стало два года назад: авария. Его легкие, как сообщалось потом, сплющило в желе. И до самой этой катастрофы я от случая к случаю снова и снова возобновлял допрос, придумывая все новые гипотезы. В одну из последних таких бесед он спросил меня: «Да что тебя так беспокоит та вечеринка? Что там случилось?» Я побоялся потерять свое имя человека науки, человека, измеряющего мир только логикой. И не стал ничего отвечать. А случилось вот что.

В студенческие годы мое питание было беспорядочным, подавляющую часть рациона составляли сухомытка и консервы, колбаса, сыр, чай, селедка, кефир, и все вперемешку. И меня временами мучило несварение. В тот вечер, как ожидалось, мне приспичило в туалет. Помню, живот свело так, что я согнулся в дугу. Я быстро добрался до косой двери туалета и завалился туда, как пьяница, испугав одного из посетителей. Он даже предупредил меня быть осторожней: перегородки кабинок еле держались на болтах, от одного неуклюжего толчка все могло посыпаться, как домино.

Он ушел, я присел на корточки над отверстием и принялся за дело. Сидел я, помню, долго, в помещение никто не заходил. Дверь ужасно скрипела, так что я бы тотчас услышал, если бы кто-то зашел. Мне было худо, кишечник буйствовал, извини за такие подробности, иначе ты не сможешь вообразить всю картину. Вот я сижу, слышу, как отдаленно грохочет музыка, до меня доносятся гудение и неразборчивые переключки пьяных тусовщиков. Все хорошо, и тут я вижу тень. Она вырастает вдоль кабинок, тень неясная, поскольку лампочка источает весьма скудный желтоватый свет, да еще и окутана кружевом паутины, и оттого на полу расстелены переплетения узоров. И среди этой мутной мозаики вырастает жуткая тень, контуры которой глазу не поддаются. Я всматриваюсь и пытаюсь понять: это мне кажется или там кто-то есть.

Пока я бился в догадках, я услышал короткий звук «чоп», словно кто-то ступает по лужам. Мое тело захолонуло, дрожь пробежала по конечностям. Я замер. Воздух наполнился вонью, жутким запахом тлена, серы, смрад стоял непереносимый, смешанный с запахом дерьма и застоялой мочи.

Шаги приблизились, и я увидел ноги, ступнями повернутые ко мне, их было видно из-под зазора дверцы. Они были смолистыми, крупными, на пол с них стекала какая-то жижа, образуя на потрескавшемся кафеле огромные маслянистые кляксы. Пальцы ног были жилистыми, мохнатыми, желтые ногти вытягивались серпом и царапали пол.

Ноги представляли собой смесь человеческого и звериного, пальцы растопырены, там, где должны были быть щиколотки, торчали рудименты с массивными ногтями, загибающимися вовнутрь, как у ястребов. Я похолодел от ужаса, пот выступил по всему телу, вся одежда им пропиталась. Ноги стояли, словно чего-то выжидали, а тот, кому они принадлежали, и вовсе хранил молчание. Я посмотрел вверх, желая узнать, не смотрят ли на меня поверх кабинки. Но там никого не было. Ни гротескного лица, ни кровожадных глаз. Ничего. Только ноги. Мне казалось, что еще немного, и тот, за дверью, услышит, как мое сердце стучит, и завалится сюда. Но потом ноги медленно отступили и, так же чапая, ушли в неизвестность. Ни скрипа двери, ни шарканья, ничего.словно в пустоту провалился.

Я сидел и боялся выйти. Я продолжал там сидеть так долго, что вскоре у меня занули ноги. Переступая с одной ноги на другую, как утка, я сидел, пока не услышал скрип двери и помещение не наполнил осовелый смех и болтовня двух человек. Услышав их, я быстро подтянул брюки и выглянул. Один стоял и курил, поддерживая со вторым диалог, пока тот мочился в сортир. Увидев меня, курильщик ошарашенно спросил: «Эй, парень, с тобой все хорошо?» Я ответил: «Да, все хорошо, просто живот прихватило». Он улыбочиво заключил: «Что ж, бывает, сам недавно протухшую селедку съел — два дня с толчка не вставал». Потирая лоб, я спросил: «Вы не видели, никто отсюда не выходил?» Он покачал головой безмятежно и обратился к своему другу: «Витя, ты кого-нибудь заметил?» Тот вышел из кабинки, подтягивая штаны: «Нет вроде. А что?» Я глянул на пол. На кафеле остались липкие пятна там, где были ноги. Дальше тянулись едва заметные следы, которые вряд ли удалось бы как-то идентифицировать — они походили на небрежные мазки.

Я вышел из туалета и где-то час ходил по зданию, пытаюсь рассмотреть ноги всех присутствующих. Может, думал я, кто-то заявился на вечеринку в гриме, как на Хэллоуин. Загримировался оборотнем и ходит тут среди людей, пугает их. Но ни о чем таком никто слыхом не слыхивал. Спустя час мои докучливые расспросы стали всем досажать, и я решил поехать домой... С тех пор, Леша, это не дает мне покоя. И то, что ты видел в комнате, — отражение моих тридцатилетних страданий, я пытался соотнести то, что видел, с чем-то из реальности, а когда совсем отчаялся, то и с мифологическим. Вот теперь я умираю, и наконец, возможно, ответ кроется там... за пределами, где мрак становится единым властителем, где все является нам в своей истинной форме.

Дядя черкал что-то в блокноте, пока говорил. Закончив, повернул его ко мне, и я увидел ужасающий рисунок каких-то адских ног. Я тоже ничего подобного не видел: ни в фильмах, ни на картинах, ни где. Они были отвратительными, хотя это был обыкновенный рисунок. И все равно они внушали ужас, — а каково же было дяде видеть это своими глазами!

Дядя отложил блокнот и потянулся за стаканом сока. Во рту у него пересохло от долгого говорения. Он сделал глоток, а потом мы просто сидели. Дядя смотрел на свои ноги, выглядывающие из-под больничного одеяла.

Батраз ХАСИЕВ

«Я ДАВНО УЖЕ ЖДУ,
КОГДА ВЫРАСТЕТ МОЙ
СЫН»

СТИХИ

Я искал на страницах журналов, газет,
Книг Мозэма, Пруста и Сартра

«Я ДАВНО УЖЕ ЖДУ, КОГДА ВЫРАСТЕТ МОЙ СЫН»

* * *

Мы выходили из кафе уже ночью,
Погода была не очень, моросило,
И как-то вдруг тебе стало сильно зябко.
Ты сдержанно-робко мне сказала про холод,
Я был молод и дерзок, и я хотел казаться стильным в манерах и жестах,
И хотел уметь сказать без лести о том, как ты красива.
Я — безумно счастливый — снял с себя куртку
И, отпустив какую-то нелепую шутку,
Накинул ее тебе на плечи.
Ты была в этот вечер такой милой,
Ты много говорила, и все больше о нас,
Я, не отрывая от тебя глаз, с упоением
Слушал тебя, ощущая радостное волнение
Со все усиливающимся сердцебиением,
И я стал искать возможность
Зафиксировать это мгновение
В пространстве и времени.
Намеренно, в ячейках памяти,
Где все временно,
Временно вечно и навечно временно.

* * *

Тянула руку нежную до неба,
Край облаков стремилась ухватить...
Держал, обняв, и думал: «Мне да с ней бы...» —
Боясь хоть на мгновенье отпустить.
Тянулась, чтобы небо сделать ложем,
Чтоб ближе к звездам и светилу быть.

Поднял на руки и поверил ложно,
Что нас теперь ничем не разделить.
Все так изменчиво, так быстротечно, бренно,
Полеты ввысь сменяет бездна мрака,
Но все же мы однажды непременно
В объятия любви свой бросим якорь.

* * *

Дотянусь до звезды... сорву,
А потом еще и еще,
В руку целую горсть наберу,
Чтоб сложить ей к ногам. Хорошо.
Пролечу до окраин сквозь тьму
Мимо ярких и дивных планет,
Но нигде, ни в одном краю
Ни милее, ни краше нет.
От недобрых укурю глаз,
Не коснется ее грусть.
Огражу от чужих колких фраз.
Позавидуют? Ну и пусть.
Обниму ее крепко, в хруст,
Стану твердой надежной стеной,
Чтоб дышала свободно, в грудь
За моей неширокой спиной.

* * *

Ты ушла поутру и, как смутный фантом,
Тихо в память мою поселилась,
Провожаемая теплым летним дождем
Во дворах городских растворилась.
Ты ушла без прощаний, без взглядов, без слов,
В пелене неизвестности скрылась,
Потерял я тебя между явью и сном,
А быть может, ты просто приснилась.
Я искать тебя стал, я искал много лет,
На афишах, на сцене театров,
Я искал на страницах журналов, газет,
Книг Моэма, Пруста и Сартра.

Я искал тебя долго, и ночью и днем.
И уже позабыл образ нежный.
Я ищу тебя в каждой. Возможно, потом
Я пойму моих поисков тщетность.

* * *

Ребенок плакал в тишине,
Его никто не мог услышать
В пустой квартире или в нише
Ларца с секретом, в западне.
Он плакал тихо, в глубине
Придуманного наспех мира,
Под скорбно ноющую лиру,
Глуша тугой надрыв в себе.
И это было не во сне.
И плакал вовсе не от страха —
Предвидел неизбежность краха
Ребенок, что живет во мне.

* * *

Жизни нить тетивой... струной...
До предела,
Обрывается там, где нить
Тоньше телом.
Гаснет жизнь, замолкает мысль,
А между делом
Лишь душа свободно парит
Над бранным телом.
День обычный, спешу домой
Запоздало,
На работе годовой отчет,
Задержали.
Для волнения нет причин,
Мне казалось,
Женский ум не такой совсем,
Оказалось.
Цепкий взгляд пробежал по мне —
Осмотрела.
— Как дела? Как работа, друзья? —
Расспросила.

— Как Лариса из отдела продаж? —
Вся скривилась.
Я не понял, к чему вопрос,
Но зацепило.
— Я работал, и я устал.
Сделай милость,
Покорми меня.
Обувь снял,
Прошел в квартиру.
— Ты куда это? Я с тобой, —
Прозвучало.
Смерил взглядом. Присел на стул —
Не отстала.
Вспышка ярости, слов поток...
Не стерпел я.
А она:
— У меня другой!
Обомлел я.
Моя милая предала?
Она посмела?..
Наше прошлое мигом прочь
Улетело,
А во мне закипело все,
Раскачалось,
А потом что-то щелкнуло
И сломалось.
Мне все ясно как божий день.
Не тут-то было,
Дуло черное прямо в грудь
Мне глядело.
Удивление мной тогда
Овладело,
Но смотрелась она с ружьем
Очень смело.
Закричала:
— Я солгала!
Тебе за дело,
Наготовила и ждала.
Надоело.
И подумать я не успел —
Прогремело.

Пуля молнией иль стрелой
 Вбилась в тело.
 Покачнулся, но устоял —
 Помутнело...
 Дикий крик и ужас в глазах —
 Она осела.
 — Вот я дура! Ну что же все так?.. —
 Промелькнуло.
 Дальше — горечь, тоска и страх.
 Вынос тела.
 Ну а мне до всего того
 Уж нет и дела.

* * *

Я давно уже жду, когда вырастет мой сын.
 И вот ему четырнадцать, и он большой,
 И мне бы хотелось, чтобы он был сильным,
 Но нет, он несильный, он просто большой,
 Он большого роста.
 Его воспитала мама, воспитала, как умела,
 Но ей всегда казалось, что она знает всё и всех умнее,
 И не раз об этом заявляла смело.
 Надо сына отдать на бокс, и чтобы его там били,
 И чтобы он плакал оттого, что ему больно —
 Больно от ударов и от обиды, что он не умеет терпеть боль
 И сам не умеет как следует бить.
 И чтобы он понял, что плакать стыдно
 Потому, что он большой, хоть и несильный,
 И потому, что он — мужчина.
 Чтобы он однажды пришел к маме и сказал ей,
 Что она дура и не умеет воспитывать сына.
 И чтобы она вдруг поняла, что она лишь хрупкая женщина
 И не нужно в сознании смешивать мужское и женское... Не все едино.
 * Сыну перебрал ко мне, и теперь я буду ждать того,
 * Когда он многое поймет, став совсем уже взрослым мужчиной,
 * Придет ко мне и скажет, что я дурак
 * И никогда не умел воспитывать сына.

Азамат КАРГИНОВ

БЛИКИ

РАССКАЗ

*Девушка настойчиво тянет руку. Он опускает глаза:
в руке нож. Улыбка на мгновение пропадает,
но тут же возвращается на его лицо*

Сцена 16

Ранняя зима. Прозрачный спокойный воздух. Рассеянный свет. Болезненно четкие детали. Голые деревья едва укрыты снегом. В черных проплешинах земли ярко краснеют редкие кленовые листья. С неба срываются крупные рыхлые снежинки. В просвете между деревьев виден пруд. Поверхность стянута льдом, в центре темнеет спокойная вода.

На берегу двое. Бледный мужчина в инвалидном кресле. Взгляд мужчины неподвижен, бледная синева под глазами, лицо чуть отечное, как у алкоголика, отошедшего от давнишнего запоя, но щеки и виски все равно запавшие. Скулы остро очерчены. Мужчина укрыт сине-черным клетчатым пледом по горло. Видно, что мужчину укрывала заботливая рука.

Позади кресла стоит девушка едва за двадцать. Небольшой вздернутый нос с покрасневшим то ли от плача, то ли от холода кончиком. Глубокие глаза ускользающего цвета. Серый на равных с синим. Волнистые светло-русые волосы закрывают уши. Лицо свежее, но чуть усталое.

Оба молчат. Оба смотрят в одну точку в середине пруда.

Сцена 1

Аудитория. Ряды тяжелых столешниц темного дерева. Пыльные портьеры затушеванного багрового цвета лениво раздвинуты вполсилы. Солнце чертит углы, теплые пятна подсвечивают редкие студенческие макушки. Во втором ряду сидит девушка. Волосы собраны в пучок, пара прядей убрана за уши. Свет мягко обводит ее контуры.

За кафедрой стоит мужчина.

*Темная водолазка, щетина.
Пиджак висит на стуле. Брови
поднять, лицо на мгновение
замерло в живой быстрой
эмоции. Руки чуть разведены и
обращены к аудитории.*

В подсвеченном воздухе из угла в угол шелестит послезвучие вопроса. Молчание студентов делает паузу еще глубже. Мужчина улыбается и указывает на девушку. Она резко поднимает взгляд, запинаясь, хватая воздух, краснеет, опускает глаза. Мужчина качает головой, но не перестает улыбаться.

Сцена 2

Длинный коридор. Люминесцентный резкий свет. Ряды неотличимых серых дверей. Эхо выкрикнутого имени бежит в стороны. От резкого поворота пучок волос распадается на отдельные пряди.

Пиджак, чуть растрепавшийся от короткой пробежки, оправлен парой движений. Пряди убраны за уши. Небольшая стопка бумаг протягивается в знак примирения после испуга. Руки встречаются: одна одергивается, вторая широкой дугой почти с издевкой заводит за спину.

Второе, уже тихое и осторожное эхо не торопится убежать от другого имени. Пиджак, вновь распахнувшийся от движения, уже не одергивается. Пара губ робко улыбается. Ей отвечают широкой, почти счастливой улыбкой.

Сцена 17

Плед отброшен на инвалидное кресло. Мужчина стоит, чуть опираясь на руку девушки. Пиджак на груди распахнут, под пиджаком виден медицинский корсет сложной конструкции. Осанка мужчины изломана, но даже так он заметно выше девушки.

Она озабоченно смотрит ему в лицо, он смотрит под ноги. Мужчина отпускает ее руку, покачивается, но ловит равновесие. Делает один неловкий шаг, другой. Девушка едва слышно всхлипывает. С за-

метным трудом мужчина оборачивается, улыбается ей той же улыбкой, что улыбался много раз до этого.

Всхлипывания девушки громче, но глаз она не отводит. Протягивает ему руку. Мужчина улыбается чуть шире, качает головой.

Девушка настойчиво тянет руку. Он опускает глаза: в руке нож. Улыбка на мгновение пропадает, но тут же возвращается на его лицо.

Сцена 3

Раскидистое дерево, ствол начинает ветвиться далеко от земли. Красные листья на зеленой траве. Яркое солнце. На скамье у дерева двое.

Она смеется, в смущении прикрывает рот рукой. Но персиковые губы и белизна зубов все равно мелькают из-под длинных тонких пальцев. Светлые волосы вразлет, бордовый жакет, плотная юбка, практичные высокие ботинки: все движется, смеется в унисон.

Он с удовольствием смотрит на нее, сам чуть улыбаясь. В ярком свете видно, что глаза у него не черны, а глубокого серого оттенка. Неизменные пиджак и щетина. Упавший на колено лист. Легкий прищур то ли от солнца, то ли от приглушенного, спрятанного смеха.

Отсмеявшись, она смотрит на него долгим взглядом. Не выдерживает первая: отводит глаза. Он с важным видом протягивает ей листок. Она берет его не глядя. Дерево трясется будто в тихом смехе и набрасывает на них еще десяток листьев.

Сцена 4

Большая аудитория. Окна занавешены. Тихий шмелиный гул ламп. Зеленая доска исчерчена меловыми линиями. Они сходятся и разбегаются, чуть гуще к центру, чуть реже по кромке.

На первом ряду с краю сидит мужчина. Спина напряжена, шея вытянута вперед. На переносице очки в роговой оправе. Перед ним две стопки бумаги: повыше и пониже. Из той, что побольше, раз в пару минут он берет лист, пробегает его, изредка оставляет пометки и откладывает в стопку пониже. Иногда морщится, иногда улыбается, но не останавливается ни на минуту. Бумага тихо шелестит, карандаш мелькает в руке.

В один момент мужчина замирает, скидывает очки на лист бумаги. Жмурится, трет красные пятна на переносице.

Без звука открывается дверь. В аудитории появляется девушка. Тихо, едва касаясь пола, она подходит к нему, ставит бумажный стаканчик с кофе на стол и запускает руку в его волосы.

Он не вздрагивает и улыбается, не отнимая рук от лица. Время тихо обтекает обоих. Наконец он потягивается, вздыбив пиджак над затылком, и все так же с закрытыми глазами обнимает ее за талию, спрятав лицо в джемпере на ее животе. Оба замирают. Лампы деликатно гудят чуть тише.

Сцена 18

Девушка закутана в плед, голова склонена к плечу. Взгляд воспаленный, но глаза сухие. Волосы, рассыпанные на сине-черной ткани, кажутся почти белыми. Тонкие пальцы с розоватыми подушечками ябько сжимают плечи.

Снег уже не идет. Вокруг все застыло как на фотографии. Только мимолетные облака пара от дыхания девушки и медленно бредущий к кромке льда мужчина рвут статику. Он сильно заваливается на обе ноги, но продолжает идти, пока не слышит отчетливый треск льда под собой. Тогда он останавливается и садится, почти не растревожив снег. Теперь остается только дыхание: его — глубокое с загрудными хрипами, ее — легкое, в половину груди. Покой.

Сцена 5

Настольная лампа сутулится желтым конусом в столешницу. Потолок кажется синим в отраженном свете. Стол испуганно замер в беспорядке: бумаги, книги, кружки с недопитым кофе.

Спиной к столу в кресле сидит девушка. Лицо усталое, глаза опухшие. Свет касается ее кожи осторожно, едва задевая. Видна жилка на виске, ее нервный хронометр отбивает секунды.

На кровати перед девушкой лицом вниз лежит мужчина. Глубокое дыхание поднимает твидовую спину. Рядом на полу лежат ботинки: один на боку, другой — опершись на квадратную бутылку темного стекла.

✦ — • *Жилка на виске отбивает полночь.*

Внезапно девушка подбирается и склоняется над мужчиной. Она подносит ухо совсем близко к его голове и закрывает глаза, вслушиваясь. Когда она откидывается назад, напряженная маска на ее лице становится мягче. В глазах мелькает всполох еще не улыбки, скорее ее предчувствия, обещания.

Перегнувшись через спинку кресла, девушка гасит лампу.

Сцена 6

Подслеповатая лампочка над подъездной дверью часто и подолгу жмурится. Мужчина высок, даже изломанный пьяной расхлябанной сутулостью. Из-за роста ему приходится близоруко нагибаться к домофонному зрачку. Тот не отзывается. Ни на смазанные тычки, ни на капли мутной крови. Мужчина всплескивает руками, размашисто утирает лицо и делает несколько неуверенных шагов от дома, прямо в центр запинаящегося света.

Дверь с тихим немелодичным переливом открывается. На пороге стоит девушка с тонкой шалью на плечах. Уголки рта смотрят чуть вниз, подбородок опущен, взгляд неотрывно устремлен на раздразняющей фигуры.

Лампочка жмурится как-то особенно долго, настолько, что мужчина, путаясь в ногах, пиджаке и направлении, успевает обернуться. Он видит ее, разводит руки и широко улыбается красными от крови зубами. Сечка на переносице неторопливо точит тонкую, но настойчивую струйку.

Она отворачивается, снова смотрит на него. Затем встает боком, придерживая дверь. Он склоняется в глубоком издевательском поклоне. Она закусывает губу.

Сцена 19

Снег вокруг мужчины тает двумя багровыми полукружиями льда. Сам он лежит на спине, чуть разведя руки с голыми предплечьями в стороны. Дыхание ровное, неглубокое. Лицо еще бескровнее, бледностью переходящее в синеву, словно синяки под

глазами расплескались на всю его кожу. На лице все та же улыбка, но нахмуренный лоб и разбег морщин в уголках век крадут безмятежность выражения. Ноги по колено погружены в темную спокойную воду. Чуть в стороне лежит нож.

Поза девушки не изменилась, хотя она и отступила на два шага от кресла к лежащему на льду. Осанка, склоненная к плечу голова, зябнущие плечи. Кажется, что на лице нет эмоций, но под деревянной сосредоточенностью взгляда и едва обозначенной складке вокруг рта проступает страшное напряжение сил. Девушка практически не дышит: пара у лица почти не видно.

Где-то над прудом протяжно свистит снегирь.

Сцена 7

Кухонный стол. Просеянный стеклом дневной свет хил, но упорен: сил его хватает, чтобы вычертить два профиля. Мужской — с подтянутым к шее подбородком, растрепанными волосами и веной, прочертившей лоб молнией. Женский обращен к потолку, не давая слезам убежать из глаз, губа закусена.

Одно смазанное движение сметает со стола пепельницы, коробки, кружки, ручки. На секунду эта суетливая мелочь замирает в воздухе и тут же пропадает, как и не было.

Чистый стол. Ослабший свет. Женский профиль. Лицо опущено, скрыто в прядях волос. Последним усилием света выхватывается тусклая капнувшая искра.

Сцена 8

Полупустой бар, тихие невнятные звуки бибоба из обшарпанных колонок. Мужчина сидит на высоком стуле без спинки. Болезненный яркий румянец заметен даже из-под седой щетины. Длинные пальцы с чуть распухшими суставами рассеянно крутят стакан толстого стекла с темной жидкостью. В другой руке дымится сигарета. Мужчина щурит один глаз, но не убирает руки от лица и не затягивается.

В один момент он будто на что-то решается, выпивает остатки и смазанным жестом тянет стакан в сторону бармена. Теряет равновесие. Звон стекла. Грохот стула. Глухой удар.

Мужчина лежит на спине среди осколков и опрокинутой мебели. Пьяно улыбается, чуть морщится, трогает бок. В уголке рта медленно набухает капля крови. Капля не удерживается, ленивой стружкой сбегает к уху.

В отдалении слышен звук сирен. Мужчина закрывает глаза, но не перестает улыбаться.

Ночь. Девушка в слезах за рулем. Лицо спокойное, слезы двумя дорожками текут по щекам, по шее, ныряют под ворот водолазки. Девушка замечает мигающие огни скорой помощи. Пристраивается за машиной, едет до больницы. Останавливается поодаль. Из скорой медленно достают каталку, с неохотой расправляющую суставчатые ноги. Приподнявшись на месте, девушка видит на каталке чужого дряхлого старика. Девушка оседает в кресле, упирается лбом в руль.

Сцена 20

Очень медленно беззащитная истончившаяся рука в липком и красном отрывается ото льда. Слепыми неловкими движениями она шарит по корсету, цепляясь за крючки. Наконец продирается куда-то под пиджак, достает пачку сигарет и падает на грудь, вызывая легкий стон боли. Первый звук в этой тишине.

Девушка сбрасывает с себя неподвижность и делает несколько торопливых шагов к лежащему мужчине. Но замирает на месте, когда рука вновь начинает шевелиться. С трудом, раздирая клейковину крови, пальцы достают сигарету и подносят ее ко рту. Синие губы неощутимым усилием обхватывают испачканный красным фильтр. Рука бессильно падает на лед в точности на прежнее место.

Девушка медлит пару секунд, потом срывается с места. Шаг, другой: она ложится на живот и осторожно скользит вперед.

Сцена 9

Выхолощенный свет продирается через жалюзи в полинялую комнату. На одной из коек лежит мужчина, тоже будто выцветший. Тело стянуто сложной конструкцией с торчащими хромированными спицами и винтами.

Единственное живое пятно в палате — девушка, сидящая на стуле у койки. Вытертость обстановки, как в испуге, одергивается от нее и не может приглушить бордо ее свитера и глубокую синеву юбки.

(Девушка смотрит на мужчину. Он не отвечает на взгляд, отвернувшись к окну. Несколько раз она порывается взять его за руку, но осекается.)

Дверь открывается, кто-то входит, но они не замечают вошедшего. Так же незаметно человек уходит, оставляя у койки еще одно цветное пятно — черную инвалидную коляску.

Сцена 10

Мягкий весенний свет. Еще знобкий ветер, редкие деревья без маленьких клейких листьев. Снега уже нет. Небольшой ухоженный парк с мощенными крупными плитами дорожками.

Мужчина в коляске. Взгляд в землю, неестественный излом тела видно даже под плотным пледом грубой шерсти. Из-под пледа боязливо высунулись носы белой больничной обуви на толстый носок.

За коляской идет девушка. На плечах теплая шаль. Невысокий каблук равномерно и приятно стучит о плиты. На каждом стыке коляску чуть встряхивает два раза: сначала передними, потом задними колесами. От каждого легкого толчка голова мужчины едва вздрагивает, но он этого не замечает.

После особенно глубокого стыка девушка останавливается и пригибается к голове мужчины. Проводит по волосам, пропускает через пальцы отдельную прядь. Снова и снова, пока между подушечек не оказывается один волос. Один седой волос. Она чуть улыбается, нагибается глубже, прикасается к волосу губами. Мужчина никак не реагирует.

Сцена 21

Тонкие белые пальцы аккуратно двигаются вдоль швов пиджака, незаметно ныряя в карманы и стараясь не беспокоить ребра. В кар-

манах пусто. С осторожным напряжением девушка подтягивается чуть вперед, на сантиметр, еще на один. Наконец зажигалка находит-ся в брюках.

Медленным, почти нежным движением девушка берет сигарету из бледных губ мужчины, прикуривает и вкладывает обратно в губы. Ее рука задевает кожу на его лице, уже очень холодную, выдубленную морозом. Девушка поджигается, отпрянув, но вновь тянется к лицу мужчины. Прижимает ладонь к его щеке.

Сигарета тлеет во рту. Мужчина не затягивается. Девушка замирает, всматривается в закрытые глаза секунду, десять. Столбик пепла растет. Она отнимает ладонь и хочет забрать сигарету. Раздается едва слышный треск тлеющего табака. Девушка вдыхает, как человек, вынырнувший из затяжного погружения в воду.

Сцена 11

Пасмурный хмурый свет вбивает серость в стены. Она только ушла, еще слышно ее запах: сладкое с горько-свежим, как и всегда в конце весны.

Мужчина с пустым взглядом медленно катит инвалидное кресло. В комнату, из комнаты, на кухню. Иногда подолгу замирает у окон, смаргивает раз-другой, затем отъезжает и так же бездумно повторяет маршрут.

Наконец он останавливается на кухне. Смотрит на полку, подвешенную под потолком. На полке вразнобой стоят коробки чая, пакеты специй. Мужчина пристально смотрит на стеклянную банку растворимого кофе. Робко поднимает руку, но сразу же ее опускает, качает головой. Осматривается по сторонам, выкатывается из кухни. Приезжает с обувной ложкой на коленях. Тянется к полке, чуть привстает, морщась. Кончик ложки стучит о банку несколько раз, пока не цепляет ее, и тянет вниз в протянутые руки.

На полу лежат осколки банки, просыпанный кофе. Мужчина смотрит на пол, переводит взгляд на окно. Снаружи доносятся звуки дальних сирен.

Вечер. Открывается дверь, входит девушка. Она останавливается у порога, снимая обувь, набирает воздуха, но осекается. Весь пол перед ней хаотично исчерчен коричневатými полосами. Она принюхивается к запаху кофе. Заново обувшись, проходит на кухню. Видит

осколки, пятно просыпанного кофе, безобразно расплзшееся во все стороны.

В комнате она находит его, сидящего на кресле у окна. Тихо подходит сзади. Склоняется, обнимает и целует в темя.

Сцена 12

Мягкий солнечный свет лениво суетится зайчиками сквозь листву. Сначала они скопом прыгают на поверхность темного пруда, чуть высветляя глубину, затем резво отскакивают на кроны, стволы и лица. На два лица.

Он — высокий и худой, с легкой щетиной и чуть хитрым прищуром темных глаз. Она — высокая, но все же ниже его на голову, с мягким румянцем на белой коже, распахнутыми живыми глазами и широкой открытой улыбкой.

Его рука лежит на ее плече. Она стоит вполоборота. Кажется, что он только что прошептал какую-то несурязицу ей в легкий пушок на затылке, и она едва сдерживается, чтобы не захохотать от эха щекотки в тонкой шее.

Длинные пальцы вертят рамку, то поворачивая к свету из окна, то затеняя летний день на фотобумаге. Затем рука возвращает рамку на стол и берет нож для конвертов, задумчиво крутит его, пуская блики в прищуренные запавшие глаза.

Сцена 22

Столбик пепла, почти готовый упасть на лицо, уносится порывом ветра куда-то в сторону.

✦ — • *Плед, взмахнув складками, срывается с места, летит неловкой тяжелой птицей и оседает без сил на ветвях голого кустарника.*

Ветер бросает на лежащих несколько горстей крупных снежных хлопьев. Впрочем, снег на тех не задерживается и проносится дальше. Девушка осторожно начинает отряхивать оставшие снежинки с

корсета и пиджака мужчины. Уже почти стихая, дуновение приносит большой красный лист клена и роняет его в ладонь девушки.

Легкая скользящая улыбка проносится по его лицу, подхватывается ветром и приземляется к ней на губы.

Сцена 13

Темная кухня. Слабый синеватый свет из окна падает на стол. С уличным светом негромко спорит красный огонек сигареты в тяжелой пепельнице. На плите едва парящий чайник. За столом девушка. Волосы слегка загнуты по линии уже снятой резинки. Изредка она отпивает кофе из большой кружки. Забытая сигарета тлеет. Пустой взгляд неподвижно подвешен на точке за окном.

В глубине квартиры раздается шорох, следом слышится легкий стон. Девушка вздрагивает, осматривается, будто не понимая, где она оказалась. Суетливо тушит сигарету, выливает кофе и спешит вглубь квартиры. Слышна негромкая возня, которая быстро затихает.

Девушка возвращается, трогает бок чайника. Через пять минут все снова замирает: сигарета в пепельнице, кофе на столе, взгляд на точке за окном.

Сцена 14

Комната в квартире. Мужчина в фиксирующем корсете сидит за рабочим столом. Вокруг лежат книги, тетради, смятая бумага. Он ни к чему не притрагивается. Смотрит в окно, свернувшись в неуютную позу. Кажется, что он сидит так уже многие часы.

Наконец он слегка вздрагивает от звука ключей в замке двери, но не меняет позы. Едва откидывает голову и улыбается, когда в комнату, шурша юбкой, входит босая девушка. Она улыбается в ответ, целует его в лоб и озабоченно смотрит на него, положив руку на плечо. Он ободряюще пожимает ей руку, слегка качает головой и указывает на окно. Девушка хмурится, кивает, открывает окно. Уходя из комнаты, она еще раз целует его в лоб, слегка ерошит волосы. С улицы доносится шум дождя. Мужчина вновь замирает, глядя в окно.

Сцена 15

Комната. Холодный свет, чуть заваленный в синь. На кушетке, ссутулившись и сложив руки на бедрах, сидит девушка. С потерянным видом она смотрит перед собой пустым взглядом.

Напротив, чуть в стороне, — мужчина в инвалидном кресле. Он сидит, обмякнув, провалившись сам в себя, и пристально смотрит на нее.

Собравшись, с видимым усилием он распрямляется, будто восстает в свою прежнюю оболочку. Grimаса боли на секунду искривляет его губы. Одним пальцем он утирает испарину со лба. Затем он чуть поворачивается к столу, что-то берет и протягивает ей.

Несколько секунд, может полминуты, девушка не замечает его ладони. Потом поворачивается к нему, не головой, не взглядом — всем телом, и смотрит на сложенный нож в его руке.

Отшатнувшись, она вскидывает взгляд на мужчину и начинает качать головой: сначала мелким рассыпающимся жестом, потом все энергичнее и интенсивнее, пока в движении не начинает участвовать все: шея, плечи, руки. Когда мужчина с сипом набирает воздух, чтобы что-то сказать, девушка закрывает уши руками, не прерывая резких раскачиваний. Мужчина терпеливо ждет с вытянутой рукой. Наконец она замирает и просто тихо плачет. Левой рукой, мокрой от слез, она берет нож.

Сцена 23

Морщась и потрескивая, зажигаются фонари. Желтые прищуренные огни продираются через вьюгу на пару метров. Окаём пруда фонари обходят стороной будто от страха или из уважения. Один заблудившийся, стоящий совсем близко, просто не загорается.

На месте полыньи все тот же черный провал. Снежинки тысячами падают в него и исчезают без следа. Впрочем, багровый лед по кромке темной воды уже почти неразличим: чуть розоватое пятно, не более.

На льду никого нет. Кресло в стороне от пруда тихо обрастает снежной шубой. Плед, висевший на ветвях, то ли пропал, то ли занесен снегом, в темноте не разобрать.

После титров

Мягкий просеянный листвой свет. Где-то в кроне птица монотонно с паузами издает один и тот же звук. «Ток». «Ток». «Ток». Пруд, нагретый солнцем, прошивается косыми лучами, но они не достают до дна.

На дорожке показываются двое. Оба в сандалиях. Оба в белом. Он выше, она ниже. На нем рубашка, вниз от ворота три пуговицы распахнуты. На кармане вышит синий щегол с хохолком. Кромка ее юбки расцвечена синим орнаментом. Их подошвы неслышно ступают по плитам.

В месте, где дорожка сворачивает от пруда, оба сходят и останавливаются на берегу. Легкая рябь бежит по темной воде. В самую середину падает красный кленовый лист. Пара улыбается: сначала он, совсем не хищно, спокойно, затем, как в отражении, улыбается и она. Птица, утомленная стаккато, улетает.

Ризван ДИГРУБЕР

«Мой город будто бы
распят ветрами»

СТИХИ

*Иногда мне ночью снятся сны,
Что шкота никогда не перекинется на Якова,
Что лучше б не было весны
От рождества Христова девятнадцать девяносто пятого*

* * *

Я прошел невыполнимую миссию
Не потерял себя там
где остальные сходили с ума
Я поборол все свои зависимости
Кроме одной — тебя

* * *

Кленовые листья устлали дорожки
Ты шла как принцесса в своем сером пальто
Ты могла б стать моделью с журнальной обложки
И на моем небосводе самой яркой звездой

* * *

Меня съедают сомнения будто глисты
Но
В клетку белы листы
Руки чисты
Глаза пусты

* * *

Декабрьский туман окутал саваном аллеи
Край рапсовых полей и золотистых нив
Пусть до весны твои фасады съели тени
Но даже в непроглядной мгле ты все еще красив

* * *

*Чем пахнет Ставрополь?
Туманом,
Дыханьем рапсовых полей.
Он пахнет первую любовью,
Прожженной юностью моей.*

* * *

В тумане параллели
Сорок пять
Сорок один
И крест над площадью расплылся
В млечном блике

Здесь ветров колыбель
Ни дать ни взять
И даже будучи слепым
Я наблюдал бы красоту в седом
Туманном лике

* * *

Мой город будто бы распят ветрами
И погребен туманом, осенью пришедшим. Здесь
Вот почему парит под облаками,
Венчая город, белый-белый крест.

ЕЙ

Я видел лето уже двадцать восемь раз.
 Оно не холодной, не жарче, чем обычно.
 В полях все те же мак и рапс.
 В саду ничуть кислей не стала вишня.

✦ И отовсюду веет радостью, теплом.
 Твое ж тепло милей тепла другого рода.
 Алеет солнце, окунувшись в горизонт.
 И верит молодежь: распушенность — свобода.

Все то же море — испокон веков.
 И так же руки под подола манят.
 Не ново мне здесь больше ничего.
 В новинку этим летом
 Лишь твои объятья.

ЗА ОКНОМ

За окном был апрель.
 Я в палате лежал как пленный.
 За окном падал снег,
 крупные хлопья сыпали белым.
 За окном падал снег,
 будто ткал на земле гобелены.
 За окном был апрель.
 Меня от него охраняли стены.

За окном пролетали дни,
 проходили бессонные ночи.
 За окном падал снег,
 но водой утекал тут же прочь он.
 За окном падал снег,
 наполнялись и таяли луны.
 За окном пролетает апрель.
 Они говорят: я безумен.

За окном проходит весна,
 сквозь решетки мне птицы пели.
 За окном наступает май,
 а я молча внимаю свирели.
 За окном ветер, молнии, град.
 И в палате пахнет озоном.
 За окном в барабаны бьют громы.
 Мое сердце стучит в унисон им.

За окном расцветают цветы.
 Аллергия. Чихают люди.
 За окном в порту корабли,
 и вахта дремлет на юте.
 За окном пляшут бабочки криво,
 а я все лежу, как кокон.
 Вот бы выпорхнуть за окно мне!
 Но в этой палате нет окон.

СНЫ

Иногда мне ночью снятся сны,
 Что икота никогда не перекинется на Якова,
 Что лучше б не было весны
 От рождества Христова девятнадцать девяносто пятого,

О том, что с высоты жизнь вдруг окажется недлинной
 И все мои тетради по итогу перемелет шредер,
 О том, что эти одинаковые бабы не из глины —
 Есть подозрения, что их наштамповал конвейер,

• О том, что молодость цинична и глупа
 * И что бальзамы не залечат ничью душу,
 • Что ты не повзрослеешь никогда:
 — Мам, я нормально. Да, покушал.

Что от себя бежать нам варианты не даны,
 Что обязательно хоть кто-нибудь да познакомится с палатой,
 Что лучше б не было весны
 От рождества Христова девятнадцать девяносто пятого.

* * *

Нагие зяблые деревья
и гирлянды в окнах:
Они мучительно разят печалью.
Зима какой угодно может быть
в этих широтах,
Но лишь не снежной.
Аллеи расплываются в тумане...

И день играет временами года,
То солнцем озаряя,
то укрыв вуалью
Унылые проспекты,
каменные своды,
Где мы с тобой друг друга
потеряли.

Олег АБАЕВ

ТЕЛЕФОН

РАССКАЗ

*Спасибо, что сделала меня человеком, Нина Яковлевна...
И прости, что не дал тебе своей человечности*

Зоя Владимировна протерла синим платочком стекла покосившихся очков и протянула молодому человеку старенький, с двумя кнопками внизу экрана телефон.

— Доброе утро, мой золотой! Сможете починить?

— Здравствуйте! Давайте посмотрим. А что, собственно, произошло?

Молодого человека, должно быть, не называли «моим золотым» лет с пяти, и он принял смущенно-деловитый вид.

— А я не знаю, дорогой. Работал-работал — и вдруг перестал.

Парень покрутил телефон в поисках выдвижной ячейки для сим-карты, хлопнул себя по лбу, поняв, что ищет черную кошку из афоризма Конфуция, и снял заднюю крышку.

Вытащив батарейку, он обнаружил удивительный мир электроники, произведенной, судя по всему, вскоре после его рождения.

— Сколько лет-то телефону?

— Ох, мне бы сосчитать! — старушка подняла глаза к покрытому желто-серыми пятнами потолку и принялась загибать пальцы. — Двадцать один год. Как раз на юбилей мне сын покупал.

«Ух, ё!» — чуть не вырвалось у мастера. Он был на три года моложе аппарата.

— Бабуль, у вас контактики на материнской плате окислились и аккумулятор изношен. И вообще, многое менять придется. Вам бы лучше поменять телефон. Дешевле выйдет.

— Нет, что вы, родной, никак нельзя! У меня ведь там все фотографии, все номера! Мне нужно этот починить! Неужели никак?

В голосе бабушки прозвучало столько отчаяния, что молодой человек все же не смог отказать ей в помощи и набрал номер хозяина сервиса.

— Алло, Гриш, у нас на каком-нибудь из складов не могли заваляться детали для старых смартфонов «Нокиа»?

— М-м... А зачем?

— Да тут женщина принесла телефон, у него и «мать» отъехала, и «аккум» полетел, а менять его не хочет. Если вдруг найдется для него «начинка», я переберу.

— Нет, не думаю. Саша Вульковский торгует такой бурдой, но только оптом, так что для одного клиента я заказывать не буду. Подумай, что ей предложить. Давай, пока!

— Пока!

(Молодой человек положил трубку. Зоя Владимировна с надеждой взглянула ему в глаза. Слова о том, что помощи он оказать не может, застряли в горле сухим комом.)

— Что-нибудь можно сделать?

— Сейчас что-нибудь придумаем.

Его пальцы забегали по клавиатуре рабочего компьютера, а в правой руке защелкала мышка. За пять минут поисков на лице мастера сменилось с десяток различных выражений. Брови его то хмурились, то поднимались высоко на лоб, то придавали лицу растерянный вид. В конце концов мастер сдвинул брови, изображая высшую степень растерянности.

— Я нашел оригинальные детали на зарубежном сайте, но...

— Правда? Давайте закажем! Мне ну очень нужен этот телефон!

— Но они продаются сразу несколькими комплектами и вместе с доставкой стоят восемь тысяч рублей. Плюс ремонт — выйдет... девять.

Он понимал, что для их города это очень большие деньги, тем более для пенсионерки, поэтому сумму он озвучивал осторожно, скрипя зубами.

— Ох... — бабушка вздохнула с таким звуком, что парень испугался, как бы у нее сейчас не случился сердечный приступ.

— Как я и сказал ранее, купить новый телефон выйдет вам дешевле.

— А фотографии?.. А номера?..

Испытывая сильные эмоции, старики бывают очень похожи на маленьких детей. Так и сейчас: нижняя губа Зои Владимировны по-детски обиженно задрожала, а в уголках глаз навернулись небольшие слезинки.

— Можно я подумаю и вернусь к вам?

— Да, конечно...

На душе у молодого мастера скребли кошки, он не выносил таких сцен.

— Спасибо... спасибо большое, мой золотой...

Зоя Владимировна повернулась и тихим ходом двинулась к выходу. Старушка с горечью осознавала, что для нее это совершенно неподъемные деньги. Пенсия пришла на той неделе, и от нее осталась едва ли половина. Две тысячи она одолжила двоюродной сестре, живущей на другом конце города, и та обещала вернуть в середине месяца. Но еще не середина месяца.

Мастер пытался бороться с рвущим его изнутри сожалением. Но в итоге не справился и попросил посетительницу остаться еще на пять минут. Пальцы снова запрыгали по клавишам, а брови снова стали бродить туда-сюда по лбу.

Он залез на китайский сайт электроники. Политика сервиса не позволяла заказывать комплектующие на непроверенных торговых площадках, а этот сайт был нисколько не проверен и абсолютно не проверяем. Совесть толкнула мастера на риск.

— Вот! Четыре тысячи пятьсот. Плюс тысяча за сборку. Итого — пять пятьсот!

Глаза Зои Владимировны просияли, и снова совершенно по-детски, так чисто и невинно, что самый последний мерзавец не посмел бы сейчас разрушить ее надежд. Какая удача! Сам Бог послал ей на старости лет ангела-хранителя в лице этого неопрятного, но очень доброго молодого человека!

— Правда? Честно? — она просто не могла сразу поверить в такое счастье.

— Да, совершенно честно. Не могу обещать, что он проработает на них долго, но вы точно сможете перенести фотографии и номера на другой телефон. Мы делаем это бесплатно. Я заказываю? Они в наличии на московском складе этой компании и к завтрашнему вечеру уже будут у меня на столе.

— Стойте, дайте мне сходить за деньгами, и тогда обязательно заказывайте, мой ненаглядный!

— Хорошо, я жду вас.

— Спасибо! Спасибо вам огромное!

Зоя Владимировна спортивным шагом двинулась к дому. Она была рада. Очень рада. Не то чтобы у нее на руках было пять с половиной тысяч. На руках было неполных три. Но можно занять! Наверняка у соседей найдутся эти две с лишним тысячи. А месяц можно прожить и на еде, что дома водится, да и сестра скоро вернет деньги.

Всю дорогу до дома Зоя Владимировна освещала мир по-старчески усталой, но по-младенчески очаровательной улыбкой.

* * *

В обычный день дорога домой от рынка, по соседству с которым в уголке ютился сервис ремонта электроники, заняла бы у Зои Владимировны сорок минут, но сейчас она, радостная и возбужденная, несмотря на хроническую боль в коленях, преодолела этот путь вдвое быстрее.

В первую очередь она, конечно, зашла в свою квартиру, служившую ей теплым гнездышком и неприступной крепостью со дня свадьбы. Все в этом жилище было пропитано старческим, тихим, изредка издающим ненавязчивые скрипы и шорохи уютom. В углу у окна стояло ветхое, немного расстроенное, советских времен фортепиано — когда-то хозяйка дома преподавала музыку в школе. В углу напротив расположилось любимое кресло Петра Сергеевича — ушедшего много лет назад супруга Зои Владимировны. Сама она почти никогда в нем не сидела, но всегда трепетно за ним ухаживала, поэтому оно прошло сквозь годы вместе с ней, не утратив формы. Вдоль стен стояли невысокие стеллажи с утварью, закатками, бытовой химией и лекарствами, над ними в несколько рядов нависали полки с книгами — за всю семейную жизнь у школьной учительницы и редактора местной городской газеты собралась внушающая уважение библиотека. А во второй комнате, помимо скромненькой одноместной кровати (оставшись единственным обитателем квартиры, хозяйка попросила сына продать их с почившим супругом ложе и купить ей кровать на одну персону) и шифоньера с одеждой, свое почетное место занимал старый, еще досоветской сборки буфет, весь в затейливых резных узорах, из хорошего дерева и с кристально прозрачным стеклом. В нем хранились самые дорогие сердцу Зои Владимировны вещи, по которым можно было проследить всю историю семьи.

Вот в самом низу стоит, прислоненный к стенке буфета, диплом Зои Владимировны об окончании музпедучилища с отличием, далее, подпирая его снизу, лежит коробочка со школьной медалью, на этой же полке расположились благодарственные письма и различного рода подарки учеников: от цветочных ваз до экзотических музыкальных инструментов экваториальных народов. Полкой выше лежала розовая

открытка с написанными на развороте стихами. Стихи с признанием в чувствах сочинил муж жительницы квартиры, когда впервые встретил ее. На открытке стояла бархатная коробочка. В ней лежали, скрепившись между собой, два тонких золотых колечка — ее и мужа. Она не носила обручальное кольцо, оставшись в одиночестве, но хранила оба среди своих самых сокровенных вещей. Рядом стояла настоящая драгоценность — чайный сервиз, подаренный мамой на свадьбу. Маменька страшно потратилась тогда — на деньги за такую посуду можно было прожить на широкую ногу почти два месяца. Из него любили пить чай с гостями, когда-то частыми в этом доме.

Тут же стояли фотографии парня и девушки. В те годы Зоя Владимировна была завидной красавицей, а Петр Сергеевич отличался атлетическим сложением и имел весьма привлекательную внешность — светлоглазый, светловолосый, с правильными чертами лица. Через всю жизнь пронесли они свою любовь и трепетное отношение друг к другу, пока сердце одного из них не остановилось. На третьей, самой верхней полке расположились фотографии молодой пары уже с мальчиком — их сыном Ваней. Где-то он, еще совсем кроха, в пеленках, лежит в крепких отцовских объятиях, где-то гоняет голубей на площади в центре города, где-то впервые берет в руки подаренную на четырнадцатый день рождения гитару. В самом углу верхней полки стоит фотография, на которой уже взрослый Ваня одной рукой ерошит волосы своим двум сыновьям, а другой — обнимает беременную жену. Под фото лежит открытка с турецким пейзажем, на которой написано: «Здравствуй, баба Зоя! Шлем тебе открытку из Турции. Здесь очень тепло, есть море и очень вкусно кормят, но у тебя все равно вкуснее. Скоро вернемся в Москву, а потом приедем к тебе на день рождения! Целуем тебя! Твои внуки Дима и Саша».

Окинув взглядом свое жилище, баба Зоя присела на кровати и вскоре уснула, утомленная дальней дорогой и переживаниями.

* * *

Пожилая хозяйка двухкомнатной квартирki на третьем этаже ветхой хрущевки уснула без четверти полдень, а проснулась в половине второго. Она давно не видела снов либо же просто не могла запомнить, о чем они и были ли вообще. Она списывала это на старость, хотя такое у нее случалось и в молодости, когда она сильно уставала.

✱ *Видимо, начиная с определенного возраста человек чувствует усталость всегда.*

Зоя Владимировна подскочила с кровати, если уместно сказать здесь слово «подскочила», и начала метаться, не зная, за что братья в первую очередь. В итоге решила, что сначала нужно попробовать вернуть деньги, одолженные сестре, а уж оставшуюся сумму, сущие копейки, и у соседей не стыдно занять.

Белый провод домашнего телефона обвил локоть, пока она указательным пальцем усердно нажимала кнопки с цифрами, после каждой новой сверяясь с телефонной книгой. Спустя пару секунд в трубке телефона зашуршало и наконец послышались ритмичные продолжительные гудки, затем что-то щелкнуло, и на другом конце провода заговорили:

— Алле! Кто это звонит? Алле!

— Лида, это я, Зоя!

— Ах... Зоенька! Как я рада тебя слышать!

Возможно, дело было в плохой связи, но в голосе сквозила фальшь.

— Да, Лида, я тоже рада, что ты в добром здравии и смогла мне ответить. Твой аппендицит был таким неожиданным и страшным! Кстати, как там поживает...

Не станем углубляться в беседу двух старых сплетниц, скажем лишь, что денег Зоя Владимировна в результате не получила. Сестрица нашла целый ряд причин, отчего она медлит с уплатой долга, полностью обезоружив мягкосердечную родственницу. По итогу разговора обе устно расцеловали друг друга и выразили высшую степень удовольствия от общения, но в действительности обе были разочарованы. Займодательница очень рассчитывала на сестринские (вернее, ее собственные) деньги, а после разговора была почти уверена, что та ввязалась в очередную денежную авантюру и средства у нее появятся нескоро. Заемщица же была страшно раздосадована фактом, что у сестры не вылетел из головы этот долг и она начинает поднимать эту скользкую тему.

Тихо охнув, Зоя Владимировна села за кухонный стол, уронив руки на колени. Оставалось только идти по соседям. Ей стало как-то не по себе. Стало *стыдно*.

Сразу вспомнилось, как мама ходила занимать у соседей денег на продукты в самые голодные годы. Как она стучала в каждую дверь и старалась, не теряя достоинства, договориться, чтобы им одолжили хоть рубль или два, а с полочки она обязательно вернет. И всегда возвращала первым делом, как появлялись деньги. Но все равно это было ужасно! Маму обсуждал весь двор, а маленькая Зоя это слышала, ведь ее ушей никто не стеснялся.

«Сирота, а детей нарожала! И кто помогать должен? Мы?! Вот уж дудки! Пускай найдет себе муженька взамен погибшего. В следующий раз и копейки от меня не получит!» — это, и не только, девочка слышала за свое детство не раз и не два.

И вот сейчас, не теряя достоинства, должна была идти по соседям уже сама Зоя Владимировна. И это наводило ужас. Ей было стыдно до боли.

Но телефон был очень нужен. Мама учила ее, что ради некоторых вещей нужно переступать и через себя, и через свои принципы, и даже через других людей. А чтобы процесс не был столь травматичным, она решила начать с близких знакомых.

* * *

Не без труда Зоя Владимировна спустилась на первый этаж и стала звонить в квартиру номер три. На первый звонок никто не отозвался. Она позвонила еще и еще. На четвертый раз дверь с тягучим скрипом отворилась, и за ней показалась сухонькая-пресухонькая бабушка в бело-голубой сорочке и ну очень большими для такого маленького лица очками.

— Здравствуй, Зина! Как твои дела?

— Зоя! Как давно я тебя не видела! Куда же ты запропастилась?

— Так это ты ведь, Зинаида Тимофеевна, совсем перестала выходить во двор! Сидишь и сидишь перед своим телевизором! А как же кости размять? С нами посудачить, в конце концов?

— Ох, права ты, Зоя, права... Надо бы выходить, надо бы. Но я все равно очень счастлива, что ты зашла! — В ее словах было кратно больше искренности, чем во всем разговоре Зои Владимировны с родственницей. — Ну проходи! Проходи же! Чаю?

— Да, было бы славно.

— Невестка привезла из Турции сказочный чай! С чабрецом, с бергамотом! Пью целыми днями — за уши не оттащишь!

— Ты, Зиночка, с чаями не заигрывайся! Помни прошлый поход к кардиологу! Но вместе со мной выпей чашечку.

Зинаида Тимофеевна засеменила на кухню ставить чайник, а Зоя Владимировна степенно последовала за ней. Квартира подруги

разительно отличалась от ее собственной. Она казалась больше, хотя все двухкомнатные квартиры в доме были одной площади. Возможно, дело было в том, что бывшая одноклассница и коллега не хранила таких памятных вещей, как фортепиано, супружеское кресло и буфет с семейными реликвиями. Из памятного у нее были только настенные часы с кукушкой, сколоченные тоже, увы, покойным мужем, и люстра, купленная в единственном в жизни отпуске в Крыму. Но все же это была не пустота. Это был простор. В комнате было светло, и в ней теплилась какая-то жизнь в настоящем. Не воспоминания о прошлом, не ожидание будущего, а простая беззаботная жизнь здесь и сейчас. И это подкупало. Несмотря на свой преклонный возраст и не очень активный образ жизни, Зинаида Тимофеевна любила ее, эту жизнь: смотреть романтические комедии по телевизору, есть бутерброды с маслом и сыром, запивая их чаями, водившимися у нее в самом широком ассортименте, изредка позванивать внукам, чтобы узнать, кто и насколько далеко продвинулся в прочтении подаренных ей «Путешествий Гулливера».

Пока соседка, хлопоча на кухне, расспрашивала Зою Владимировну о житье-бытье, та пыталась улучшить момент, чтобы сказать о цели своего визита. «Да, надо переходить к делу... Господи, как неловко-то...» — только было подумала Зоя Владимировна, как подруга тут же перебила ее внутренний голос:

— Тебе ведь без сахара? Да, ты не любишь сладкого... Вот, тогда эта тебе, — она подвинула гостье расписанную гжелью чашечку с клубящимся над ней паром. — Рассказывай, что случилось?

Совесь снова болезненно заскребла по сердцу. Она действительно редко в последнее время навещала подругу и даже не задумывалась, что той это может быть нужно. А сейчас пришла просить денег в долг. Чувство стыда мучило ее. Но она собралась с духом и выговорила:

- У меня сломался телефон.
- Нужно покупать новый, Зоя.
- Не могу, мне нужен этот.
- Тогда нужно чинить.

Сложно было понять, издевается она сейчас или впрямь думает, что эти умозаключения еще не были сделаны Зоей.

— Мне не хватает... ну... ох, как же...

— Денег, дорогая. Тебе не хватает денег. — В этот момент лицо Зинаиды Тимофеевны, обычно доброе и улыбающееся, вдруг стало строгим и проницательным. — Но сейчас я тебе в этом не помощница, хотя в другое время одолжила бы нужную сумму, и даже больше.

В словах этих не прозвучало и доли фальши. Обе знали, что отдадут друг другу последнюю рубашку, и обеим было известно, что гардероб с рубашками с обеих сторон пуст.

Больше разговора о деньгах не заводили. Опустошив несколько чашек чая, вспомнив все, начиная со школьной скамьи и заканчивая стремительно взрослеющими внуками, старушки затихли. Вместе им было так хорошо, так тепло, как давно не бывало. Они были по-настоящему близки. Они пробежали марафон жизни на соседних дорожках. И только сегодня снова вспомнили об этом — из-за старенького неисправного телефона.

Выйдя из квартиры подруги, Зоя Владимировна дала себе обещание заходить к ней хотя бы через день или два. По другую сторону двери Зина Тимофеевна поклялась себе делать то же самое.

* * *

Напротив третьей квартиры находилась первая. Хозяйки этих квартир перестали общаться еще в далекой молодости. Зоя Владимировна и сама не любила хозяйку первой квартиры. И было за что, надо сказать. Но открытой конфронтации или бойкота никогда не объявляла, а просто сдержанно здоровалась и справлялась о здоровье. Поборов свою неприязнь к соседке, она робко постучала в железную дверь, и та почти сразу открылась. Встретила ее довольно полная пожилая женщина с плохо окрашенными в черный цвет волосами, одетая в темно-фиолетовый полуспортивный костюм. Тамара Кантемировна всегда ходила в одинаковой одежде и красила волосы одинаково паршивой краской.

— Надо же! Соседка! Как поживаете? Чем обязаны?

— И вам добрый день! — разговор с самого начала потек по прерзительно-вежливому руслу. — Не хвораем. Надеюсь, и вы не кашляете.

— Так что же привело вас сюда?

— Мне нужно занять денег. Простите, мне неловко, но...

— Нет-нет, это совершенно нормальная потребность. Я бы дала вам в долг ровно столько, сколько вы попросили бы, но так уж повелось, что в долг я даю только друзьям, а мы с вами, как ни крути...

— Но мы же соседи! Я знаю вас много лет, вы знаете меня, мы бывали на разных мероприятиях друг у друга!

— И тем не менее мы не друзья. Я могу дать вам денег, но только при одном условии. — Глаза Тамары Кантемировны хищно сузились, и Зоя Владимировна уже знала, что хочет злодейка.

— *Мне нужен тот чудесный сервиз из
вашего буфета.*

У Зои Владимировны словно вышибло воздух из груди. Это было самое подлое, на что могла пойти Тамара. Мамин сервиз... Она каждый раз пускала слюни, глядя на него, пока была вхожа в их с Петром дом. И вот сейчас, когда ей, Зое, так нужна помощь, она решила разыграть эту давно сокрытую в рукаве карту.

— Вы бессовестная торговка! Дай вам волю — так еще и воровка!

Ни у кого, кто хорошо знал Тамару Кантемировну, не возникло бы сомнений по поводу этих слов.

— А ты опустилась до попрошайничества! Подумай, что бы сказал Петя! — ядовито проскрипела Тамара, прежде чем поспешно закрыть дверь.

— Он вам не Петя, а Петр Сергеевич! — закричала возмущенная таким гнусным поведением Зоя Владимировна. — Ой...

У несчастной потемнело в глазах, и на этом словесная канонада затихла. Ей стало очень одиноко в этом холодном подъезде. Больше всего на свете она хотела бы сейчас, чтобы Петя был с ней. Чтобы обнял ее своими крепкими руками, прижал к себе и тихо сказал, что все хорошо. Но Пети не было. Вот уж как девятнадцать лет.

Зоя Владимировна, не сдерживая больше слез, медленно вышла из подъезда и так же медленно поплелась по двору, изредка горько всхлипывая. Так бы она, наверное, и вышла со двора, если бы не сапожник Валера, который, услышав ее плач, высунулся из своей будки.

— Теть Зоя, вы чего это плачете? А ну идите сюда!

Он выскочил, мягко обхватил ее за плечи потрескавшимися от тяжелой жизни ладонями и завел в будку, где всегда пахло обувным кремом, клеем, ржавеющими гвоздями и водкой. Сапожнику было уже пятьдесят три года, и все, что у него было за душой, — это однокомнатная квартира в доме напротив Зоиною, эта будка и диагностированный цирроз печени. Лет тридцать назад он щеголял студенческим билетом МГУ и проектами, претендующими, как тогда казалось, на премию Нобеля. Но лень и низменные удовольствия катализировали неописанную ранее химиками реакцию — превращение кислот, эфиров и щелочей на столе в раствор этилового спирта. Этот продукт по сей день был основным в быту Валерия.

— Ну? Что у вас, собственно, стряслось?

Несмотря на свое низкое социальное положение, его речь все еще была довольно правильной, местами высокопарной, ни дать ни взять Вельзевул¹ О. Генри, и в этом амплуа был не так уж плох.

— Ох, Валерочка, не спрашивай! Делай ты свои сапожки, не бери тяжести на душу!

— Зоя Владимировна! Я настаиваю на объяснениях, вы ведь мой учитель, в некотором роде творец моего успеха! — Вспомнив, в какого рода помещении они находятся, он смущенно добавил: — Былого успеха... И я не оставляю вас в беде ни при каких обстоятельствах!

— Господи, милый мой мальчик!

Зоя Владимировна испытывала столько жалости к этому «мальчику», что на глаза снова навернулись слезы. Да, в этом опустившемся человеке она видела того самого румяного мальчишку, сидевшего на ее уроках за первой партой и чистейшим голоском певшего со всем классом: «Союз нерушимый республик свободных...» И сейчас этот мальчик будто собирался отдать ей свою баночку, где он копил найденные на улице монетки.

— Ну же! В чем дело? Чем я могу вам помочь? Я сделаю все, что в моих скромных возможностях.

— Я ишу денег на ремонт телефона. Мне нужно две тысячи шестьсот рублей в долг, но Зиночка, как и я, на мели, а эта... эта... Тамара... просто негодяйка...

— Я знаю. Теть Зина вчера несла совершенно пустые пакеты из магазина. Это ужасно. А Тамара... всегда была такой...

Сапожнику очень хотелось оказать помощь пожилой соседке, но сам он был в положении банкротства. В душе его столкнулись героизм и алкоголизм.

Неожиданно для гостьи и себя самого «мальчик» полез под стол, занимавший половину будки. В голове его боролись полушария, одно из которых отвечало за совесть, второе — за своевременное потребление водки. Других функций мозг практически не выполнял вот уж лет тридцать.

«Отдай ей все, что у тебя заваялось! Спаси тетя Зою!» — кричало первое.

¹ Отсылка к персонажу сатирической повести О. Генри «Короли и капуста» Блайту по прозвищу Вельзевул. (Примеч. ред.)

«И остаться с кукишем?! — гадко скрипело второе. — Ну уж нет! Отдай половину! А лучше треть! Или вообще скажи, что денег нет!»

«Ну что ты, свинья такая! Второй матери своей деньги зажмешь? Из-за водки?!»

«Зажму, еще как зажму! Не разожмете!»

«И что, совесть не загрызет?»

«Подавится!»

«Деньги отдай, говорю!»

«Да ни в жизнь!»

Сапожник собрался было уже вылезти из-под стола и, извинившись, спровадить «творца своего успеха», но тут...

«А ведь Ванька когда-то за тебя перед старшеклассниками заступался... Потому что знал, что ты не свинья! И Маша с тобой на выпускном танцевала — поэтому! И сама Зоя Владимировна за тебя перед директором отдувалась, когда ты в драки лез. Потому что знала, что ты пионер, а не свин! По крайней мере, не был свином...»

Валера медленно обернулся к стоявшему у стены зеркалу. Увиденное его надломило. Розовый, чумазый, опухший, еще и на четвереньках, он и вправду напоминал свинью, нажравшуюся корней кормившего ее дуба. Голову пронзила жгучая боль, и второе полушарие, испустив надрывный хрип, замерло в молчании. Валера достал из нижнего ящика стола конверт и вытянул оттуда четыре купюры по тысяче рублей. Все, что у него скопилось за полмесяца. И все, что у него осталось с прошлого.

— Возьми, тетя Зой. Прости, но это все, что есть.

Ему стало не по себе. Он понимал, что пустил свою жизнь под откос, в то время как все были готовы его толкнуть к свершениям и поддержать. А теперь не может своей дорогой тетя Зое дать денег на телефон. Стыд... Позорище...

— Да ты что, Валерий?! Как я у тебя их возьму? Ты ж по миру пойдешь! — у нее перед глазами стояла пухлая детская ручка, протягивающая баночку с монетками.

— Тетя Зоя, не обижай, разве я инвалид какой?! — Слова задели давно дремавшее достоинство сапожника. — Что я, здоровый мужик, и по миру пойду?! Ну уж нет! Бери, Зоя Владимировна, и если надумаешь возвращать — двери тебе не открою! Все, иди чинить телефон, и завтра я буду тебе на него звонить! И не из будки позвоню, а с завода! С работы новой! Ты мои слова попомни, тетя Зоя!

Детская ручонка растворилась, и перед ней вырос *мужчина*. Неопрятный, жгущий перегаром, опустившийся, но мужчина! И она ни

доли секунды не сомневалась, что завтра ей позвонят с мыльного за- вода, единственного действующего предприятия в городе.

— Спасибо...

— И никаких благодарностей! Все, сапожная будка закрыта! Про- шу покинуть помещение!

Зоя Владимировна вышла и долго еще смотрела на закрытую дверь и занавешенное окошко.

Валерий взял в руки недопитую бутылку водки, поставил рюмку, налил туда своего эликсира и поднес ко рту. Ему стало противно. Не от водки — от себя. Рюмка полетела в стену, а бутылка разбилась об угол стола.

Услышав звуки бьющегося стекла, Зоя Владимировна поняла, что лучше ей сейчас идти в сервис, как сказал ей *мужчина*.

В будке стало тихо, затем послышалось:

— Алло, Львович? Место все еще вакантно?

* * *

Зоя Владимировна потеряла экран своего старого телефона, зажа- ла кнопку сбоку — и тот загорелся. Сердце старушки трепетало, ког- да две электронные руки соединились в рукопожатии. Нажав на иконку текстовых сообщений, она принялась тыкать в кнопки с бук- вами:

«Дорогие мои Ваня, Леночка, Дима и Сашенька! Как ваши дела? Надеюсь, вы здоровы и счастливы. Жду вашего приезда на новый год или хотя бы на мой день рождения! С любовью, ваша баба Зоя!»

*(Она нажала на зеленую кнопочку
внизу экрана, и сообщение отправи-
лось в Москву, на новый айфон Ивана
Петровича.)*

Зоя Владимировна закрыла красной кнопочкой рамку сообщений и нажала на иконку «Галерея». Листая влево, она, совершенно счаст- ливая, любовалась фотографиями мужа, сына и внуков, старых дру- зей. Через полчаса ее сморил глубокий старческий сон в кресле Пе- тра Сергеевича, обнявшем ее так, как некогда обнимал ее сам хозяин дома.

Полина ВИЗИРОВА

ИСКУССТВО ОТПУСКАТЬ

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

Учиться *ОТПУСКАТЬ* несложно;
Порою кажется, все так и норовит
Пропасть, но помни — всякое *ВОЗМОЖНО*

Кристина Россетти

— **АЛМАЗ ИЛЬ УГОЛЕК?**

— Алмаз иль уголек?
— Алмаз! К чему вопрос?
Кому же сажа будет впрок
В тени летних берез?
— Алмаз иль уголек?
— Пожалуйста, угля,
Ведь уголь точно бриллиант
В начале декабря.

Перси Биши Шелли

К ДЖЕЙН

I

* На небе огни мерцают,
Среди них серебром отливают Луна.
Джейн,
Сыграй на гитаре,
• Только с песней твоей оживает струна.

II

Пока яркий месяц мягко
Остывшему небу бросает свой
Свет,
Ночь постепенно тает,
И струнам бездушным жизнь дарит
Спелый тобой куплет.

III

И звезды проснутся,
Луна же останется в грезах,
Пока
Доносится голос звонкий
И песня росю льяется
Издалека.

IV

Сквозь гармонию звуков
Спой, открывая в мир дальний
Окно,
В мир, где сказочной тайной
Месяц, песня и чувство сольются
В одно.

Элизабет Бишон

CHEMIN DE FER¹

Я брела по железной дороге,
Слушая сердца стук.
Шпалы, как люди, шли близко,
Но не сжимали рук.

Над той неприметной тропюю
Возвышались сосна и дуб;
За их потускневшей листвою
Вдруг показался пруд.

За ним жил старый отшельник
И в боли своей был убог,
В немом многолетнем безделье
Он давние раны берег.

Нажал на курок отшельник,
И выстрел, пронзая слух,
Сбежал по воде мелкой рябью,
Подняв кверху птичий пух.

¹Chemin de fer (фр.) — железная дорога.

«Любовь выражают громко!» —
 Старый отшельник вскричал.
 И эхо то долго-долго
 Пруд на волнах качал.

ИСКУССТВО ОТПУСКАТЬ

Учиться отпускать несложно;
 Порою кажется, все так и норовит
 Пропасть, но помни — всякое возможно.

Теряй и отпускай — ничтожно
 Значенье часа, что провел ты зря.
 Поверь — учиться отпускать несложно.

Затем теряй быстрее, больше —
 Пусть остаются в прошлом имена,
 Не стоит с ними быть столь осторожным.

Я потеряла мамины часы.
 Теперь последний или почти последний кров
 Теряю. И пусть! Это не стоит и слезы.

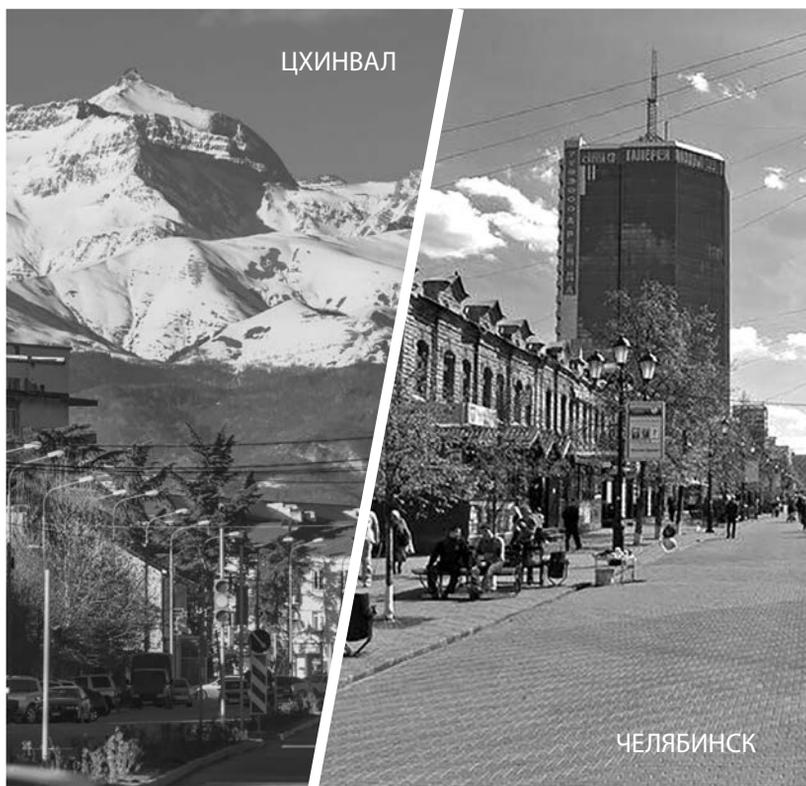
Двух городов лишилась я и, что дороже,
 Забыла материк и две его реки.
 Скучаю ли? Самую малость, может.

• И даже потерять тебя (шутливый голос,
 * легкий взмах руки)... Нет, я не соврала —
 • Учиться отпускать несложно,
 • Но иногда это (*признайся!*) невозможно.

МОСТЫ ДРУЖБЫ

ПЕРЕВОДЫ С ОСЕТИНСКОГО

*Сегодня я — разрушенная башня,
И каменное сердце не болит —
Огнем свечи погас мой день вчерашний
В холодной серой вековой пыли*

В рамках проекта Лаборатории поэтического перевода «Мосты дружбы» Челябинского государственного института культуры осуществлен перевод стихов лауреатов Международной литературной премии «Булæмæргъ» с осетинского языка на русский. Премия «Булæмæргъ» была учреждена в 2016 году при содействии Посольства Южной Осетии в Российской Федерации с целью популяризации осетинского языка и литературы, в 2020 году для соискателей премии была введена еще одна номинация — для авторов, пишущих на русском языке. В настоящее время премия «Булæмæргъ» является одной из авторитетных в Российской Федерации в сфере развития национальных языков. Это первая национальная премия, официально сотрудничающая с Союзом писателей России. В 2022 году решением Секретариата Союза писателей РФ премия «Булæмæргъ» стала лауреатом «Российского писателя» в номинации «Литературная карта России».

Приятно отметить, что творческий коллектив Лаборатории поэтического перевода «Мосты над облаками» Челябинского государственного института культуры во главе с профессором, секретарем Челябинского отделения Союза писателей России Ниной Ягодинцевой за создание сборника переводов осетинских авторов и пропаганду современной осетинской поэзии был награжден дипломом специальной номинации Международной литературной

премии «Булæмæргъ», учрежденной для авторов, пишущих на русском языке.

Участниками проекта переводов с осетинского языка на русский произведений лауреатов Международной премии «Булæмæргъ» стали 13 российских поэтов, проживающих не только в Челябинске, но и в других городах страны: Санкт-Петербурге, Великом Новгороде, Воронеже, Омске, Копейске. Консультантом проекта Лаборатории поэтического перевода «Мосты дружбы» является руководитель Челябинской городской общественной организации «Местная национально-культурная автономия осетин "Уацамонгæ"» Михаил Мамиев.

В нашей подборке представлены отдельные поэтические произведения лауреатов Международной литературной премии «Булæмæргъ», таких как Алана Бестаева, Алла Кокион, Фатима Бетеева, Сослан Гегкиев, Диана Уалион, Залина Басиева, Залина Догузова, Заурбек Габолаев, Нелли Гогичева, Ирма Кумаритова, Мария Кодалаева. Их стихи вошли в сборник переводов осетинских авторов, осуществленных в рамках проекта Лаборатории поэтического перевода «Мосты дружбы» Челябинского государственного института культуры.

Алана БЕСТАЕВА

* * *

Ночь опять затаилась в горах.
Сердце лунным сиянием полно.
Ты оставь и сомненья, и страх —
Будь судьбою своею довольна.

Ветер в окна. Ночные огни.
Крики с улицы глуше и реже...
Не терзай себя, встань, оглянись:
Кто же праведник? Кто же безгрешен?

Столько зла и обмана вокруг,
И блуждать нам в потемках — доколе?
Что ответить на это, мой друг,
Как же словом тебя успокоить?

Гаснут всплески пронзительных фар
Средь уюта доверчивых комнат.
Тишина...
Если мир этот — фальшь,
Что ж так сердце страдает о ком-то?

Перевод Татьяны Чураковой

Алла КОКИОН

ЖЕРЕБЕНОК

Жеребенок белый
Соловья услышал,
Попросил несмело:
— Птичка, сядь поближе!

Ты поешь — и тают
Тучи над равниной,
Горы выпрямляют
Согнутые спины...

Соловей спустился
На большую сливу,
Чутьочку смутился
И запел, счастливый!

Перевод Ирины Асеевой

Фатима БЕТЕЕВА

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Ложится вечер на аллеи,
Деревья пряча в пелену.
Струятся капли, словно змеи,
По затемненному окну.

Все звуки мира заглушая,
Дождь заколдованный поет
И, ритмы сердца нарушая,
Уснуть мне ночью не дает.

* — Поет он осени просторам,
Что здесь его восторг и боль,
Его погибель, и опора,
И неизбывная любовь...

И осень, слушая, дивится:
Ведь буйство страсти и тревог
Дождь нес к тебе тревожной птицей,
Но достучаться он не смог...

Перевод Любви Дубковой

Сослан ГЕГКИЕВ

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Обмелевшею рекою
Быть мне, видно, суждено,
Если душу вырвать с корнем
Из земли моей родной.

Силой сердце не привяжешь,
Сердце чисто — не соврет,
Будет тосковать, неважно,
Сколько лет еще пройдет.

Словно ноги подкосила
Расставанья злая боль.
Много сытых стран, красивых.
Ну а мне-то что с того?

Что же долгая дорога
 Мне в итоге принесет?
 Знаю: обрету я много,
 Только потеряю — все!

Перевод Юлии Линниковой

ВИШНЯ

В тысячу ладоней хлопал
 Ливень яростный и злой,
 Шумно лил, по окнам шлепал,
 Бил в живот земли водой.

За окном притихла вишня,
 Проклиная дождь и гром,
 И стучит в окно чуть слышно:
 — Тыпусти меня в свой дом!

Перевод Ольги Ковалевой

Диана УАЛИОН

* * *

Таймуразу Хаджеты

Я находила в тайных думах
 Тропинку черною строкой.
 Твоя душа с моей, угрюмой,
 Навек повязана тоской.

Занозу этой сладкой боли
 Ищу я на страницах дня,
 И прячу я усиьем воли
 Все, что тревожило меня.

Ты так хотел, пока не поздно,
Оставить боль и ввысь уйти!
Но как бы ни тянулся к звездам,
Прошел Осетии пути.

Теперь на развороте книги —
Судьбы суровой слог стальной.
Он станет клятвой в каждом миге —
Служить Осетии родной.

Перевод Каринэ Гаспарян

* * *

Сегодня я — разрушенная башня,
И каменное сердце не болит —
Огнем свечи погас мой день вчерашний
В холодной серой вековой пыли.
За каменным порогом, сырым, темным,
Теперь царит беззвучье, лишь гудит
Унылый ветер в каменной груди,
Да вечная звезда глядит. И помнит
Мое величье, славу и бесстрашье
Моих сынов, идущих гордо в бой...
Я — прошлое, я — брошенная башня,
Поверженная сорною травой.

Перевод Татьяны Чураковой

Залина БАСИЕВА

ЦЕПЬ САФА

Далекую историю народа
Расскажет нам Балсага колесо.
Вздымалась песней воинской свобода,
А дух был славен, дерзок и высок.
Шли скифы далеко в края чужие,
Лилась без лести и прощенья кровь,

Когда сурово, не жалея жизней,
Сминали укрепления врагов,
И гордо башни поднимались в небо.
Война всегда имеет свой предел,
И нет таких времен, и мест нет, где бы
Уставший воин мира не хотел.
Так скакуном свободным мчалось время,
Где легендарный род расцвел, окреп...
Но искры горя высечены кремнем —
И грянул гром. И стал полынью хлеб.
И черный день предстал проклятым веком,
И ураган разнес его везде,
И трескалась земля под легким бегом
Стремительных аланских лошадей.
Тревожные костры зажглись на башнях,
И вражьи стрелы заслонили свет,
Земля была от слез и крови влажной —
В домах алан хозяйничала смерть.
Неравная война не утихала,
И, чтоб огонь их жизни не погас,
Направились они к высоким скалам —
Их спас и приютил седой Кавказ.
Его вершины, солнце и метели
Им дали силы, подарили кров.
И темные безмолвные ущелья
Согрел огонь домашних очагов.
Тяжелая судьба у осетина —
Петля на шее, горечи комок,
Но корень жизни жив. И на вершине,
На каменной скале, взошел росток...
Сквозь поколения честь свою, и славу,
И благородство душ своих несем,
Единство стало нашим крепким сплавом,
И сила наша держится на нем.
Да, резанула, как ножом, граница,
Но, нет, не рассекла глубинных чувств,
Ведь можем мы молиться и гордиться
Тем, что всегда стоим плечом к плечу —
Две башни от одной скалы единой.
Одной единой птицы два крыла,

Мы братья — и вовеки не остынет
 Любовь, что нам одна земля дала.
 Да, испытанье — колесо Балсага,
 Но дух не сломят ни буран, ни гром.
 Пусть будет прочной и несет лишь блага
 Тугая цепь над нашим очагом.

Перевод Татьяны Чураковой

Залина ДОГУЗОВА

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Осень. Орешки. Вечер.
 Дождик. Тепло у печки.
 Мысли. Листва сухая.
 Лес в октябре затихает.

Яблоки. Ежик. Груша.
 Дождь колею разрушил.
 Сад опустевший. Судьба.
 Заброшенная арба.

Чайник. Поленья. Мята.
 Годы. Эпохи. Даты.
 Печка трещит и пышет.
 Скучаю, люблю, ты слышишь?

Перевод Татьяны Чураковой

Заурбек ГАБОЛАЕВ

ЗАБЫТЫЙ АУЛ

Забыт аул. Уж век безлюден он,
 В седой туман, как в саван, облаченный.
 Здесь, в призрачные думы погружен,
 Старик бредет по улочке мощеной.

Сухой и жесткий взгляд у старика,
Он от обиды смотрит с укоризной,
Садится у дверного косяка,
Чтобы до смерти охранять отчизну.

✝ Пусть цепь над очагом проела ржа,
Бежит слеза по смуглой тонкой коже —
Тепло огня хранит его душа,
Но возвратить минувшее не может.

Где будущее грезится еще,
Там жизнь кипит в горах ключом проворным,
Но за веселый пир предъявлен счет
В остывшем костровище пеплом черным.

Совсем забыт... Уж век безлюден он —
Аул на перекрестке лихолетий,
Но ореолом золотых времен,
Счастливой жизнью предков — свят и светел.

Перевод Оксаны Ралковой

Нелли ГОГИЧЕВА

КАК РОЖДАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Ах, в груди моей мечется пламя —
Нерожденные строчки горят.
Радость горести гонит крылами,
Боль стремится вернуться назад.

В сердце песня нисходит как милость,
Будто жизнь хороша и легка...
Но в его уголке затаилась
Тяжким камнем глухая тоска.

Пусть печаль мне из сердца не вынуть,
И болит, и тоскует душа —

Песня рвется с неистовой силой,
Мчит перо, по бумаге кружа...

Пусть судьба наступает на горло
Нежной песне, но сердце поет,
Ищет света и счастья упорно,
Негасимой надеждой живет.

Мучит сердце печальная тайна,
Жизнь терзает его, не щадит.
Но, рожденная в долгих скитаньях,
Песнь его в поднебесье летит.

Выпьет сердце по собственной воле
Чашу грусти и радости вновь...
Так в горниле из счастья и боли
Выплавляется чудо — любовь.

Перевод Анастасии Порошиной

Ирма КУМАРИТОВА

* * *

Желаю всем благополучья!
Пусть радость в душах расцветет,
Пусть исполняет солнца лучик
Желанья все наперечет.

Благополучья всем желаю — *
И изобилья в каждый дом!
Пусть люди горестей не знают
На избранном пути земном.

Желаю всем благополучья:
Чтоб в семьях — лад, в делах — успех.
Добра желать мне не наскучит,
Ведь счастье — общее на всех.

Перевод Светланы Амбрасовской

* * *

Мой свет — это не свет костра.
Не бойся — он не обжигает.
Не прячь лица, открой мне свою душу.
Я нахожу в твоих глазах рассвет,
Я вижу: жизнь касается твоей улыбки.

Когда увидимся мы в следующий раз:
В грядущем месяце,
В году грядущем,
В следующей жизни?
Прошу, не отступайся от меня, не уходи.

Прошу, поговори со мной,
Впусти без страха в солнечный чертог своей души
И сердце на замок не запирай,
А лучше расскажи, как звезды поживают,
Вместо меня спой мои песни — песни солнца.

Перевод Юлии Линниковой

ДИАНА БИГАЕВА: «Осетия — это дао!»

*ДОРОГИ от одного человека к другому,
между государствами и этносами
измеряются ОБЩИМИ ЦЕННОСТЯМИ
и интересами, убеждениями
и увлечениями*

Алан Цхурбаев (АЦ): У нашего журнала новый дизайн, в котором ново все — и обложка, и шрифты, и типографика. И все это сделали вы, Диана, профессиональный график и дизайнер. Расскажите, пожалуйста, подробно о новшествах и о том, что стоит за этим новым оформлением, какие мысли и идеи руководили вами во время работы.

Диана Бигаева (ДБ): У журнала не только новый дизайн со всеми новыми дизайн-признаками (логотип, шрифты, архитектура и дизайн обложки, внутренняя организация и верстка страниц), но и обновленная философия и ценности, которые вы сформулировали в четырех тезисах. Журнал «Дарьял» — это:

- 1) литературно-художественное издание, представляющее культуру и искусство Осетии всему миру;
- 2) поле для исторических и философских дискуссий;
- 3) площадка для молодежных экспериментов и идей;
- 4) дружелюбная творческая среда, объединяющая народы Кавказа.

Прочитав их, я поняла, что журнал молодеет, увеличивая аудиторию, смещая акценты в сторону расширения тем для дискуссий не только среди признанных писателей, публицистов, философов, художников, но и у молодежи и аудитории, интересующейся научно-техническими вопросами, находящей свое выражение в той же научно-фантастической тематике, дизайне, литературе, публицистике... Я думаю, что со временем клуб любителей журнала «Дарьял» — и в целом клуб любителей кавказской культуры и искусства — будет только расти, в том числе за счет гостей республики. И здесь «Дарьял» также может внести свою лепту, включив в повестку и новостную ленту культурных событий региона, публикуя информацию о наиболее интересных объектах и событиях, размещая информацию

своих культурных партнеров по всему региону... Это взаимодействие, это бренд-коммуникация, являющаяся частью общего ребрендинга, заключительным выражением которого стал редизайн журнала.

И если говорить конкретно о моей части работы, о редизайне, то отправной точкой для поиска концепций стало само название журнала и его слоган:

✳️ *«Журнал “Дарьял” — ворота в Аланию».*

И это очень точно и лаконично выражает ту цель, которую я перед собой поставила — отразить эти ворота в Аланию. Как мы знаем, «Дар» и «Ал» — это практически и есть прямой перевод с персидского «Ворота в Аланию». И не только в Аланию. Это ворота на юг России, ворота как в географическом смысле, так и в более широком. И важно этот путь найти. В темноте ли, в непогоду ли, в сложных обстоятельствах, но найти. Когда находишь этот путь, обнаруживаешь, что он измеряется не километрами. Дороги от одного человека к другому, между государствами и этносами измеряются общими ценностями и интересами, убеждениями и увлечениями... Мы находим единомышленников, читая одни и те же книги, разделяя общие взгляды на проблемы, дискутируя на темы, которые нас волнуют.

В процессе обдумывания возможных тем-концепций у меня проявилось несколько направлений:

- 1) идея огня Прометея, освещающего путь (по легенде, он где-то здесь на Кавказе и был прикован);
 - 2) идея маяка-лампы, ведущей в темноте;
 - 3) идея пишущего Барса (символ Осетии);
 - 4) идея горы-книги (как бы само Дарьяльское ущелье).
- Теперь мы знаем, какая тема оказалась ближе всего!

АЦ: Шрифт, которым теперь написано название нашего журнала, разработан вами вручную специально для нас. И возможно, не каждому читателю понятно, зачем вообще иметь свой уникальный шрифт, если можно взять любой понравившийся из бесплатной базы. Так зачем вообще нужны новые шрифты?

ДБ: Да, тема была выбрана, однако работа на этом не остановилась. Когда общая идея и символ-знак были приняты, началась стадия поиска логотипа. «Логос», как все знают, это на древнегреческом «слово/понятие». Но в наши дни оно почти всегда означает то, как именно выглядит название компании или продукта, в какую шрифтовую гарнитуру оно «одето». Помните, мы обсуждали и «сказочную

аланскую типографику» с характерными изгибами и пропорциями букв, и винтажные начертания, которые очень хорошо прижились в Осетии — так называемые «антиква» XVIII–XIX веков, и более универсальный гротескный шрифт (без засечек), который легко впитает в себя и современную повестку выпуска, и историческую. Но ваш выбор остановился на артистическом шрифте с засечками, прямолинейном и современном, который — при неоспоримом влиянии классических антикв императора Траяна и художника Дюрера — имеет свои яркие особенности: тонкие воздушные литеры, опирающиеся на изящные засечки-опоры.

Гарнитура шрифта — это семья/род, все члены которого имеют на себе единые признаки и узнаваемость. Когда признаки одной буквы проглядываются в другой: Б, В, Ъ, Ы, или Г, Е, Б, или К и Ж и так далее. Поэтому, когда вы выстраиваете новый шрифт — неважно, какой именно: без засечек, с засечками, курсив или декоративный, — вы всегда руководствуетесь этим принципом. Железно!

И еще один принцип: гарнитура (то есть заглавные и строчные буквы, знаки препинания, дополнительные символы и лигатуры, языковые и этнические различия в начертаниях) — это архитектурный комплекс, где каждая буква есть отдельное здание, которое необходимо не только построить, но и установить. И от того, как будут установлены буквы, насколько они будут устойчивы и выразительны, зависит впечатление от всей гарнитуры-семьи. Все как в жизни!

✱ — *• Почему журнал «Дарьял» должен иметь свою гарнитуру? Потому что это красиво!*

Мы ведь говорим о литературном журнале, о форуме по обмену знаниями, рассказывающем о творчестве в самом высоком смысле этого слова, ведь здесь авторы представляют свои концепции, рукописи, работы, делятся своими мыслями и идеями. Это штучная вещь, как сказал бы мой папа. Так почему мы должны использовать «изношенный», многократно копируемый шрифт? Да, готовые шрифты в дизайне используются, но в основном теми компаниями, аудитория которых очень широкая, а бизнес-концепция рассчитана на самые широкие массы потребителей — как говорится, и стар и млад. Готовый шрифт подчеркивает демократичность таких компаний, их неизбирательность. Свою бизнес-стратегию они строят за счет совсем других принципов, им дизайн не очень-то и нужен. Дизайн, конечно, никогда не бывает лишним, но в некоторых случаях на него просто не будут обращать внимание клиенты, так как их триггеры лежат

совсем в другой плоскости. И собственники принимают решение не тратиться на дизайн, они просто пишут название компании любым читабельным шрифтом «из компьютера», а потом просто тиражируют это название на своей продукции. Все! Нет самобытности, аутентичности.

Литературный журнал — другое дело! Здесь важно все, любая мелочь имеет значение! Здесь важна графическая оболочка, утонченность. В слове ДАРЬЯЛ, например, всего два основных начертания — у букв Д/А/Л и Р/Ь/Я, где литера «Я» является стилеобразующей для всей гарнитуры благодаря прямолинейности и устойчивости своей «ножки». Именно «Я» дала толчок для осмысления всей гарнитуры «Дарьял антиква», так как в исходном, классическом значении любой из антикв такой прямолинейности и лаконичности в дизайне и построении букв нет, как нет и такого набора графических элементов, часто необходимых в художественных текстах.

Какие же ценности отражает новый шрифт журнала и дизайн лого? Благородные принципы и открытость, постоянство и толерантность.

Следующим этапом работы была задача соединить пластику «Дарьял антиквы» с геометрией знака «горы-книги». Мне показалось, что для укрепления позиции логотипа необходимо изучить все элементы шрифтовой гарнитуры, включая английскую и осетинскую раскладки, плюс графические элементы, которые в будущем войдут во внутреннее оформление журнала.

Сейчас, когда почти вся работа над дизайном журнала в прошлом, я могу сказать, что каждый элемент концепции несет на себе основные принципы и философию обновленного журнала «Дарьял».

И если мы затрагиваем тему шрифтовой и текстовой графики, то что еще, если не она, должно отражать такой многополярный и многообразный мир, в котором существует искусство? Когда любая мелочь имеет значение: *кто* говорит, *что* говорит и *как* говорит. Леттеринг и графика текста с этим справляются оптимальным способом, тогда как для традиционной визуализации образов необходимо подобрать не только сам образ, его стиль, цвет, форму и характер, но и материал. А шрифтовая графика (являясь, по сути, иллюстрацией) оставляет тонкий привкус недосказанности, провоцируя воображение, формирование мыслеобразов и мыслеформ. И я очень рада, что дизайнеры Осетии наконец-то начали использовать леттеринг и типографику в своих коммерческих работах. Достаточно посмотреть, насколько изменилась уличная реклама во Владикавказе.

АЦ: Какие сейчас тенденции в леттеринге? Несколько лет назад я читал интервью одного специалиста-шрифтовика, который говорил,

что происходит постоянное сближение кириллических букв и латинских. Насколько это так сегодня?

ДБ: В шрифтовой графике, включая леттеринг и каллиграфию, сейчас происходит одна революция за другой. Ведь каллиграфия — один из старейших видов искусства. Основы каллиграфии оставались неизменными в течение десятка веков, начиная где-то с XIII века.

*Каллиграфия консервативнее иконографии,
как бы парадоксально это ни звучало.*

И вот, под воздействием обстоятельств непреодолимой силы, наш мир породил новое поколение художников-граффитистов и шрифтовиков-авангардистов (в основном выходцы из стран Азии), которые смогли творить по-новому там, где любое новшество воспринималось как инакомыслие. Это было самое начало XXI века. Именно их творчество, будучи выраженным на стенах здания, на крышах домов, на асфальте, выглядело как манифест, который можно было увидеть из любой точки мира через «гугл-карты». Этот манифест тогда прозвучал как призыв к сближению культур, к открытию границ, к созданию общего культурного языка, понятного любому жителю нашей прекрасной планеты. Это направление сегодня называется «Новая каллиграфия» и включает в себя переосмысление стиля русской и арабской вязи, азиатских иероглифов, готики и кириллицы с ее сложноточечными литерами.

Так что тут нужно говорить о сближении не только латиницы и кириллицы — чтобы не допустить обеднения понимания современного изобразительного искусства. Такие имена, как Нильс Мельман, El Seed, Арсений Пыженков (он же Покрас Лампас) и другие уже вошли в историю современного искусства как реформаторы, как собиратели разных культур и техник.

АЦ: Сколько все-таки букв в русском алфавите? Ваше отношение к тому, чтобы в печатных СМИ было раздельное употребление «е» и «ё»?

ДБ: Благодаря тому, что в шрифтовой семье — гарнитуре — все члены имеют на себе единые признаки и узнаваемость (когда признаки одной буквы проглядывают во всей семье), то и временные затраты на разработку дизайна шрифта сокращены и не касаются каждой из 33 букв кириллического алфавита — в том числе и буквы «ё», отношение к которой у меня очень трепетное. Русский язык, конечно, жил, жив и будет жить. Он меняется сам и меняет нас, но это не

значит, что мы можем позволять себе всякие вольности. Антологию русского мата¹ язык в себя вместил. Так почему он не может вместить в себя две точки над «ё»? Мой профессиональный и личный опыт основан на большом уважении к русскому языку, так как вербальная (текстовая) часть рекламной кампании имеет фундаментальное значение в дизайне. Даже в бытовой переписке я стараюсь подчеркнуть, что есть буква «ё», потому что такие буквы несут на себе отпечаток нашей уникальной духовности.

АЦ: Расскажите о выборе своей профессии. Ваш отец Бигаев Юрий Григорьевич был известным художником, специалистом в области станковой графики². Как это повлияло на вас?

ДБ: Я дочь своего отца и внешне, и по сути. А все благодаря тому времени, которое он тратил на общение со мной, когда я была еще совсем ребенком. Наши с ним недетские разговоры об искусстве, философии, художниках, языке визуального образа и композиции... Он мой самый главный учитель, познакомивший меня с азами рисунка и живописи, цветовых отношений и законов того или иного жанра в истории изобразительного искусства. Он шикарно рисовал, знал анатомию и графические техники, прекрасно ориентировался в истории искусства и стилях, восхищался творческим путем Пикассо, Врубеля, Ла Тура. Был великолепным рассказчиком и педагогом. Он всегда с большим восхищением и любовью рассказывал мне о том, как художник становится частью того пути, по которому проходит в поисках самосовершенствования. Как он отказывается от ценных для себя вещей в пользу нового опыта. Например, Пикассо, отказавшись от исключительного умения рисовать реализм, ушел в абсолютно новаторский критический авангардизм, став основоположником новых стилей и одним из самых выдающихся художников XX века. Исключительный гений именно благодаря своей смелости, цельности, способности делать выбор.

Благодаря этой прекрасной подготовке я никогда не сомневалась в выборе жизненного пути, выбора профессии. Я никогда не хотела иметь отца-космонавта, летчика-испытателя или капитана подводной лодки. Мой папа — мой герой и самый лучший человек!

¹ Русский мат. Антология / под ред. Ф. Н. Ильясова; сост. В. Л. Гершуни, Ф. Н. Ильясов. М.: Издательский дом «Лада М», 1994.

² См.: Дарьял. 2022. № 1.

Может, он и правда передал мне свой навык, талант... не знаю. Помню, я долго не рисовала, несколько лет, пока заканчивала старшую школу. Было много других забот: переезд в новую школу, работа над ошибками (тройками), получение аттестата с отличием... Ну и руки отвыкли рисовать, долго не было практики. А мои новые одноклассники, узнав, что я дочь художника (мы только переехали в этот район), не давали мне покоя — просили нарисовать им что-нибудь модное. А я все время отказывалась: нет времени! Меня упрашивали, требовали, брали на слабо, но я была кремень и не сдавалась. А в самом конце учебы, уже перед выпускными экзаменами, согласилась нарисовать что-нибудь — «на добрую память».

Для меня выпросили фотографию Брюса Ли у кого-то из параллельного класса и заказали перерисовать ее как можно точнее: «Только обязательно потом вернешь, даже если ничего не получится». Дали мне время до 9 утра следующего дня. Сутки! А фотография была динамичная, с черно-белым решительным Брюсом Ли в боевой изготовке. Без практики трудноато скопировать! Я потратила часа два, не больше, и сделала точную карандашную копию Брюса Ли в боевой позе, только размером вдвое больше, без всяких усилий! Никогда не забуду их лиц на следующий день... Тогда у меня первый раз в жизни попросили подписать рисунок — дать автограф!

Я сейчас понимаю, что такой результат стал возможен только благодаря вниманию, времени и навыкам, которые в меня вложил мой отец!

Сегодня, будучи преподавателем дизайна, я во многом опираюсь на те знания, подаренные мне отцом, ведь так называемые «хард скиллз» графического дизайнера — это, помимо знания графических программ, и теория цвета, и композиция, и типографика, и понимание стилей изобразительного искусства, и насмотренность. Все это роднит дизайнера с художником. Но на этом, к сожалению, все «родство» и заканчивается. У дизайнера, конечно, совершенно другие задачи, другие нарративы, как говорят сегодня, другие временные рамки, в работе он решает совершенно другие задачи... Перед художником распростерлась вечность, а перед дизайнером — жесткий дедлайн...

АЦ: Сегодня вы работаете с крупными рекламными и брендинговыми агентствами в России и за рубежом. Расскажите, как складывался ваш творческий путь.

ДБ: Я не работаю с зарубежными компаниями уже два года. А в России я работаю не столько с рекламными агентствами (штат

рекламного агентства изначально укомплектован арт-директором и копирайтером), сколько с компаниями, куда приглашают креативную пару (копирайтера и арт-директора) на аутсорс или на проект. Уже много лет я работаю со своей творческой командой — людьми, имеющими необходимую экспертизу в дизайн-коммуникации. Самостоятельно я сотрудничаю только с издательствами и замечательными редакторами в работе над книжным оформлением, так как книги всегда были моей страстью, а в последние годы — еще и спасением от профессионального выгорания.

Мой прошлый профессиональный опыт был... интересным. Он позволил мне погрузиться в рабочие процессы нескольких очень значительных брендинговых и рекламных агентств в России и за рубежом, познакомиться с ведущими дизайнерами и креативными директорами в этом сегменте, поучаствовать в разработке очень значительных проектов. Но, уже будучи самостоятельным игроком, в роли «приглашенного арт-директора», я со своей командой участвовала в не менее значимых российских проектах.

АЦ: Вы художник, чья особенность — сочетать изобретательность с пожеланием заказчика. Как удается сохранить баланс между творчеством и бизнес-необходимостью?

ДБ: Я считаю себя графическим дизайнером, получившим отличное, самое лучшее академическое образование. Дизайн во многом сложная сфера деятельности, в которой порой сочетаются трудноразрешимые вещи. С одной стороны, необходимы высокие навыки межличностного общения, эмпатия и коммуникация, умение слушать и слышать, тайм-менеджмент и самопрезентация, гибкость и упорство, цельность и внимание к деталям... С другой — необходимы навыки технического характера: работа с программным обеспечением, знание дизайн-элементов и дизайн-кодов и так далее. Если же говорить о бизнесе, то я рассматриваю его через призму творчества. По крайней мере, его маркетинговую часть.

АЦ: У вас очень впечатляющее портфолио, в котором есть и мировые бренды. При этом уже несколько лет вы вновь живете в Осетии. Почему все-таки выбрали вернуться? Это творческий выбор или какой-то иной? В Осетии вообще есть то, что вы ищете для себя как для художника?

ДБ: Осетию трудно сравнивать с Москвой, с Питером. Ее можно сравнить с отдельными регионами в Европе. Осетия действительно

имеет много такого влияния на себе. Возможно, потому что здесь жили купцы, было очень много военных, повидавших множество стран, прежде чем осесть во Владикавказе. Здесь, конечно, много бытовых и житейских отличий от того же центра России — Москвы и Питера.

*
Что могу точно сказать про Осетию — здесь трудно настроиться на работу в плане полной самоотдачи. В Москве работается проще — когда ты буквально живешь на работе и вовлечен полностью в масштабные проекты.

Здесь всё и все пребывают в каком-то дзене. Здесь все хорошо с творчеством, все хорошо с самоотдачей в социальном плане. Здесь прекрасно заниматься созерцанием, самопознанием. Мне даже кажется, что здесь многие мои знакомые, сами того не желая, исповедуют философию дао, такой естественный путь нравственного и духовного самосовершенствования. Кажется, что все мы, вернувшиеся, так или иначе прикасаемся к этой философии задолго до того, как принимаем решение вернуться. Да и вообще, разве можно назвать это возвращением, если ты никогда не покидал Осетию духовно?

(*Для меня Осетия — это дао! Это часть пути, часть какого-то превосходного опыта, часть какого-то глобального самоограничения и одновременно нахождения в одном из красивейших мест планеты.*)

Все эти противоречия, из которых соткана наша жизнь в Осетии, это приключение, потрясающее, интереснейшее приключение. Здесь очень хорошо работается творчески. Ты вспоминаешь, откуда ты и куда ты шел. Здесь ты возобновляешь то, что оставил когда-то в поисках новых знаний, возвращаешься к этому и продолжаешь работать, получая неземное удовольствие. Есть при этом какие-то ограничения серьезные, весьма существенные, но спустя какое-то время они могут выглядеть совсем по-другому. Кто знает... Пока находишься внутри этого состояния, тебе сложно его анализировать. Когда оно окажется в прошлом, будет проще оценить его — возможно, совсем с другой точки зрения.

АЦ: Вы человек начитанный (сужу по нашим дискуссиям в книжном клубе, где вы бываете) и занимаетесь в том числе и оформлением книг. На каких принципах строится книжная иллюстрация? Могли бы вы назвать свою любимую книжную работу?

ДБ: Создание книжных иллюстраций — большая и сложная работа, по крайней мере для художника и дизайнера. Погружение и разработка образов, поиск стилистических и композиционных решений, смелость и терпение (оксюморончик). Но это и возможность выразить благодарность книге, ее автору, провести тонкую фантазийную черту между мыслеобразами, созданными автором, и иллюстрациями, созданными художником. Вообще производство книги — длительный процесс, в него вовлечено множество людей... Но сама работа над книгой, сотрудничество с командой, высокий стиль профессиональных взаимоотношений — это реальный «гормон счастья», который ты получаешь.

Я мечтаю оформить «Божественную комедию» Данте, мечтаю дорасти до нее, чтобы оформить.

И сделать это не так, как это сделал Гюстав Доре. Он уже был, уже состоялся, книга в его исполнении уже живет. Я мечтаю оформить ее так, как это может сделать человек, живущий в XXI веке. Проживший еще пару-тройку веков после Доре. Так что моя любимая оформленная книга — в будущем, надеюсь.

Из примеров любимых иллюстраторов сегодня мне ближе всего британские Крис Риддел, Абигейл Ларсон, американец Грис Гримли, который работает в жанре мистики и хоррора. Вообще тема хоррора в творчестве современных писателей и иллюстраторов занимает отдельное место. Возможно, потому что мы находимся в пост-пост-модернизме, когда нужно не просто каждый раз выживать и проходить какие-то этапы, постоянно рискуя, что является характеристикой этого художественного стиля, а рисковать в самом остром смысле слова и побеждать. Современные хоррор-серии — именно о таком проживании исключительной остроты и возможности победить. Финал во многих этих сериях бывает на светлой стороне, и это вселяет оптимизм, но в целом у современных писателей очень мрачная и проза, и поэзия. Такова эпоха мета-модерна, связанная с острым риском для существования, в том числе целых популяций.

Из наших иллюстраторов очень нравятся Ольга и Андрей Дугины, Владислав Ерко и Кирилл Чёлушкин. Все это превосходные мастера,

у которых сформировался свой собственный узнаваемый стиль. Например, Кирилл Чёлушкин во многом заимствовал стилистику японской графики и акварели, Дугины многое взяли у Брейгеля и Босха. Так что для меня, как и для любого другого иллюстратора, важно найти свой стиль, свой узнаваемый почерк в работах. К этому нужно стремиться, и именно этот фактор является показателем опыта и зрелости автора.

АЦ: Когда я впервые увидел, как вы работаете простым карандашом, то испытал настоящую творческую зависть. На уроках в школе я только и делал, что списывал ручкой свою тетрадь названиями своих любимых рок-групп. У большинства из них есть свои узнаваемые логотипы, которые я и пытался безуспешно копировать. Какие самые простые советы вы можете дать, чтобы вдохновить начинающих дизайнеров?

ДБ: Рисуйте каждый день! Начните с ежедневных 15–30 минут. Вы даже не заметите, как втянитесь, как скетчинг станет частью вас. Через год вы не узнаете себя и будете смотреть на свои прежние рисунки как на наивные почеркушки.

На своих занятиях я даю студентам два вида заданий: краткосрочные (на семестр) и долгосрочные (на год и более). Как правило, долгосрочным заданием является ведение скетчбука дизайнера — основного инструмента, формирующего дизайн-видение, дизайн-сознание. Скетчбук необходим для создания дизайн-контента. И это не просто блокнот для зарисовок и набросков, какие бывают у художников. Для скетчбука дизайнера не требуется умение хорошо рисовать! Важно научиться мыслить как дизайнер, мыслить идеями, придумывать, воплощать и реализовывать замыслы!

АЦ: Диана, всей редакцией нашего журнала благодарим вас за эту красоту, за то, что подошли к работе с таким энтузиазмом. Без сомнения, вы уловили сам дух издания. Спасибо и всяческих успехов!

ДБ: Спасибо и вам!

ГРАФИКА ДИАНЫ БИГАЕВОЙ

Ацамаз

Хамыц

Ивард Реком

Задалеск

Анахарсис

Коста

Марина БИТОКОВА

РУССКИЙ АКЦЕНТ
КАВКАЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ:
ОСЕТΙΑ И АБХАЗИЯ

Судьбы современных литератур народов Кавказа при всей их разности и аутентичности имеют несколько объединяющих тенденций. Одной из них является тяготение в сторону русскоязычия.

Русскоязычная национальная проза Кавказа, зародившаяся еще в последний век существования Российской империи, в советский период дала возможность национальным литературам проявиться, заявить о себе. И в тот период авторы этого течения зачастую были единичными представителями, поскольку еще не стояли остро ни вопросы сохранения языка, ни тем более отсутствия читателя на родных языках. Поэтому такие писатели, как Чингиз Айтматов (Киргизия), Юрий Рытхэу (Чукотка) или Олжас Сулейменов (Казахстан) выступали в качестве эмиссаров родной культуры и отчасти языка. Им предстояло не только заявить о том, что они и их народы есть на свете, но и суметь погрузить читателя в этническое мировоззрение посредством чужого языка. Эта титаническая работа в какой-то момент — после распада СССР — показалась пустой тратой сил. Но сегодня мы видим ее результаты.

В современном российском литературном процессе русскоязычная проза авторов из национальных республик словно бы переживает второе рождение: Канта Ибрагимов, Наринэ Абгарян, Ислам Ханипаев, Мариам Петросян, Гузель Яхина — все эти авторы сегодня много публикуются, читаются и обсуждаются. Но нынешняя ситуация имеет свою специфику, отличающуюся от советской: сегодня русскоязычие — это во многом вынужденный выбор, связанный либо с авторской неуверенностью при работе с родным языком, либо с необходимостью расширения читательского круга — произведения на родных языках стали привилегией узкого круга «посвященных».

Тренд на русскоязычие не обошел стороной Кавказ — Северный и Южный. В рамках этой статьи я коснусь только малой части таких писателей современного Кавказа — осетинских и абхазских.

ОСЕТИЯ

Сегодня осетинская литература развивается во многом в едином потоке, не разделяясь на южную и северную, русскоязычие этому способствует особенно. Оно вообще имеет особенность к стиранию национальных черт, что уж говорить о различиях внутриэтнических, которые для стороннего взгляда практически невидимы.

Поэтому в разговоре о современной осетинской литературе мы коснемся авторов из обеих Осетий. И, вооружившись принципом старшинства, начнем с творчества Ирлана Хугаева из Владикавказа, который не только писатель, но и доктор филологических наук, и в центре его научных интересов находится становление и развитие осетинской русскоязычной литературы.

Ирлан Хугаев — автор повестей, рассказов, миниатюр и стихов. Эти произведения оставляют в сознании прочитавшего нежный след, как лермонтовская тучка на склоне старого утеса: это особая настроенность его прозы, которая практически никогда не берется за освещение, а тем более решение политических проблем.

Его художественное внимание сосредоточено на едва уловимых впечатлениях и, казалось бы, незначительных событиях: то, как падает солнечный свет, первый урок и первая школьная любовь, небольшие фантазии во время прогулки по городу... Увидеть целый мир, отраженный как в капле воды, даже в самом небольшом рассказе Хугаева помогает его блестящий стиль: кружевное, поэтичное повествование приравнивает чтение этой прозы к чтению поэзии: здесь важно не только каждое слово или сочетания слов, но и каждая пауза и как бы случайная недомолвка.

Медитативно всматриваясь в себя, в лирического героя своих рассказов, Ирлан Хугаев ищет то, что важно для него, что составляет суть и смысл человеческой жизни, такой хрупкой и такой непобедимой. Все эти рефлексии лишены пафоса и в общем даже не артикулируются: с подтекстом писатель работает филигранно и максимально прагматично, совсем как поэт.

Югоосетинский писатель Тамерлан Тадтаев представляет совсем иную сторону современного литературного процесса в Осетии. Он

вырос в Цхинвале и является участником грузино-осетинских войн 1989–1992, 2004, 2008 годов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его центральная тема — это война.

Писать он начал в середине 2000-х, и во многом поствоенная травма побудила Тадтаева к творчеству. Сегодня он много и успешно публикуется в литературных журналах «Дружба народов», «Нева», «Сибирские огни», «Дарьял» и др. Кроме того, он автор пяти сборников рассказов, два из которых — «Иди сюда, парень» (2017) и «Ангел Бесы» (2020) — изданы в одном из крупнейших российских издательств «Новое литературное обозрение». Лауреат «Русской премии» для русскоязычных писателей за пределами России (2008) и премии Антона Дельвига в номинации «Проза» (2023).

Возвращаясь к темам и проблемам, поднимаемым в рассказах Тамерлана Тадтаева, следует подчеркнуть, что словосочетание «военная тема» не вполне точно отражает направленность этих рассказов, правильнее будет сказать, что основная тема писателя — антивоенная. Тадтаев выбирает специфический путь выражения этого настроения: в своих произведениях он напрочь лишает войну какой-либо героичности.

Здесь вы не встретите народных мстителей, brutальных бойцов, неоперившихся юнцов — никакой романтизации человека на войне. Шаблон разорван: герой Тадтаева — это в лучшем случае трус, в худшем — он к тому же еще и мародер или наркоман.

Эти герои лишены имен — мы знаем только их клички, они в общем-то и в боях не замечены, и показаны всегда в совсем других обстоятельствах — на каких-то пирушках, вылазках, разборках. И старая как мир истина о том, что человек и война несовместимы, обретает новое звучание. И оно, это звучание, необходимо, раз уж так человек устроен, что самые простые, очевидные вещи ему нужно повторять, еще и постоянно меняя подачу, чтобы придать им некую новизну.

Нет ничего нового и в тезисе о том, что никаких локальных военных конфликтов не существует, что любая война — война вселенского масштаба. Но и это Тамерлану Тадтаеву приходится повторять: чем усерднее большой мир не замечает «маленькую» войну, тем быстрее делает ее мировым бедствием.

Еще одно направление представляет Азамат Габуев, который буквально ворвался в литературу, пренебрегая стандартными правилами этикета. Его первые рассказы были опубликованы в осетинском журнале «Дарьял». Три первых нашумевших рассказа «Реваз», «Аделина» и «Кристина» вышли под псевдонимом Джонни Рамонов, в котором очевидна отсылка к лидеру панк-рок-группы Ramones, так же как и заявка на бунтарскую повестку. В дальнейшем Азамат Габуев выступает уже под своим именем и печатается в журналах «Октябрь», «Дружба народов» и Esquire Russia. В 2018 году в издательстве «Эксмо» вышел его сборник, куда помимо уже названных рассказов вошла повесть «Холодный день на солнце». После этого журнал GQ включил Габуева в пятерку лучших молодых писателей России.

Прозу писателя отличает стиль, который уже можно назвать фирменным габуевским: это повествование от первого лица, смелое обращение с жаргоном и сленгом, а также постоянное переключение стилистических регистров. Все это создает (или мастерски имитирует) дистанцию автора по отношению ко всему изображаемому. Это помогает ему сохранить особую интонацию своей прозы: циничный стеб сочетается с горькой усмешкой, пишущего совсем не радуется то, что он видит, но других реакций все описываемое словно бы не заслуживает.

Конфликты, в которых увязают герои Габуева, никем не спровоцированы, обвинить в сложившихся ситуациях некого. Они мечутся между прошлым и настоящим: традиции и бунт, карьеризм и обывательство — кажется, что социум постоянно колеблется между двумя сверхнапряженными полюсами. ◆————✱

Но в действительности эта напряженность разрывает на части не общество, а человека, бегущего от одной крайности к другой. Поэтому их неприютность, «избыточность» в месте их обитания ощущается и читателем, не погруженным в наш региональный контекст. Проблемы героев Азамата Габуева — это не проблемы среднестатистического молодого жителя Владикавказа, Нальчика, Назрани или любого другого северокавказского города. Все это характерно для человека, который всюду как бы не к месту, всегда ищет чего-то, ему самому неведомое, и заранее готовит почву для падения и пути для отступления — за что бы ни взялся.

И ведь нельзя сказать, что Азамат Габуев не любит тех, о ком он пишет. Просто в задачи писателя не входит проявить любовь, жалость, сострадание или даже понимание. Здесь важнее фиксация, умение увидеть проблемы, конфликты, типажи, свойственные нашему времени, и суметь их переосмыслить — переплавить и отлить в художественную форму. И все же авторский взгляд не столь категоричен: хотя и кажется, что положительных героев здесь вообще нет, но выражением его отношения становится та самая горькая усмешка, довлатовская «улыбка разума». Плави́льный котел габуевской иронии делает зримым его сочувствие доставшейся ему эпохе.

АБХАЗИЯ

Русскоязычная литература Абхазии имеет свои устойчивые традиции, которые подтверждаются не столько их продолжительностью, сколько авторитетом тех имен, которые создавали эту прозу. Здесь прежде всего вспоминаются имена Фазилия Искандера и Даура Зантария, творчество которых давно стало фактом не только национальной, но и русской литературы.

✱ — *И если об Искандере в рамках этой статьи говорить как-то даже неудобно — словно про него и так уже все понятно, то Даур Зантария — имя менее известное. По отношению к Искандеру Зантария был младшим современником и из-за этого часто оказывался в его тени, а их проза многим казалась близкой.*

Однако если Искандер часто опирался на анекдот, байку в поисках сюжетов и опорных точек своей прозы, то Даур Зантария предпочитал использовать фольклорную традицию как мировоззренческую, фундаментальную основу своих произведений. Способов противопоставить этих писателей множество и, пожалуй, только один, чтобы сопоставить, — это язык, ведь русский язык абхазского русскоязычного автора в той или иной степени несет на себе отпечаток родного языка писателя. Прозу Искандера и Зантария роднит неподражаемый абхазский «акцент», который передан ими и новому поколению русскоязычных писателей — Дауру Начкебия и Ибрагиму Чкадуа.

Роман Даура Начкебия «Берег ночи» впервые вышел в московском издательстве «Зебра» в 2007 году и с тех пор несколько раз переиздавался и был переведен на грузинский, армянский, сербский (издан в Боснии и Герцоговине) и испанский (издан в Колумбии) языки.

Писателя можно причислить к тому же поколению, к которому относится Тамерлан Тадтаев: взросление их пришлось на период распада СССР и передел границ бывшей империи. Поэтому и история вновь вращается вокруг военных событий — на этот раз грузино-абхазской войны. Сразу после нее герой возвращается в разрушенный боями и мародерами (чужими и своими) Сухум, ему в руки попадает дневник его погибшего друга.

Читая дневник Адгура, главный герой, от лица которого и ведется повествование, открывает для себя человека, которого он когда-то называл другом и которого только теперь по-настоящему узнает. Но в этом процессе узнавания он ведь открывает и себя самого: война навсегда его изменила, и теперь он всматривается в себя, ища разгадку не только глубоких философских вопросов, но и самых простых человеческих проблем. Любовь, достоинство, память, дружба, труд — все то, за что человек готов воевать, даже зная, что в этой войне, скорее всего, потеряет себя самого.

Конечно, книга Даура Начкебия не про войну и не про политику. Это вновь про человека и про то, что с ним делает война, до какой степени она его извращает и развращает: лишает сна и смысла жизни, понимания целей, умения пользоваться очевидными бытовыми навыками — после того как рука привыкла наготове держать автомат, сварить мамалыгу кажется уже чем-то недостижимым.

О событиях более чем 30-летней давности повествуют и все три рассказа сборника Ибрагима Чкадуа «Ковчег». В прошлом, 2023 году писатель именно за нее был отмечен Международной премией Фазила Искандера в номинации «Сюжет существования» (художественная проза).

Рассказы «Застывший мяч», «Ковчег» и «Возвращение сына» посвящены теме войны и первых послевоенных лет. В каждом из них по-своему решаются стоящие перед человеком проблемы. Заглавный рассказ «Ковчег» уже в названии отражает эпичность ситуации: из Сухума в самом начале войны уходит корабль с беженцами — по сути, коммерческий рейс. Его сопровождают сами грузины — за пла-

ту в виде оставшихся украшений и последних пожитков. Исход, спасение бегством — ситуация для Ибрагима Чкадуа идеальная в литературном смысле, позволяющая на этом судне «собрать» все те истории, которые остались в его писательской памяти со времен войны. «Ковчег» — это почти притча, обретающая зловещие очертания реальности в художественной обработке Чкадуа.

Такой «притчевый» эффект налицо и в рассказе «Возвращение сына»: отец, потерявший на войне единственного сына, узнает, что в Москве тот оставил любимую девушку и, возможно, ребенка. Старик едет в поезде, чтобы найти их и вернуть себе хоть частичку сына — понимание, что он не ушел бесследно, что продолжится ниточка его короткой жизни. Притча о блудном сыне и всепрощающем отце трансформируется в рассказе и встраивается в реальность, разрушенную войной.

Но особенным ощущением войны и мира, их несовместимой, но и неразделимой связи становится рассказ «Застывший мяч». Один день войны, в который не случилось ничего, кроме птичьего пения, игры сослуживцев в теннис и чудом пойманной свиньи. Но именно этот день главный герой Даут запоминает больше всего — наверное, потому, что в реалиях войны такие обыденные человеческие заботы выглядят уже непривычно и даже противоестественно.

Ибрагим Чкадуа как человек эпохи Возрождения успешен во всем, к чему бы ни прикладывал силы: он журналист, автор документального кино, снявший несколько блестящих фильмов о Фазиле Искандере, фотограф, коллекционер произведений искусства, меценат... А теперь еще и прозаик. «Ковчег» — его дебютная книга, дающая читателю право надеяться на новый виток развития высококачественной русскоязычной прозы на абхазском литературном ландшафте.

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ СТУДЕНТОВ СОГУ

*Студентки третьего курса филфака СОГУ
на практике в редакции нашего журнала*

СТАНИСЛАВ ЛЕМ. «СОЛЯРИС»
Рецензия Дианы Гаджиевой

К концу 1950-х польский писатель Станислав Лем уже был признанным мастером жанра фантастики. Роман «Солярис» — вершина его творчества, оказавшая влияние на развитие всей научной фантастики XX века. Это классика, которая продолжает привлекать внимание читателей благодаря глубине своих философских размышлений и инновационному подходу к вышеупомянутому жанру. Польский журналист Войцех Орлинский писал о «Солярисе» так: *«Эта книга напоминает психологический тест Роршаха — каждый видит в ней то, что подсказывает ему воображение»*. Для любителей кино существуют три экранизации: черно-белая советская телепостановка 1968 года, знаменитый фильм Андрея Тарковского 1972 года и голливудская интерпретация 2002 года. По мотивам произведения ставят спектакли, оперы.

События происходят на планете Солярис, покрытой загадочным разумным океаном. Психолог Крис Кельвин, главный герой, прибывает на космическую станцию, где сталкивается с удивительными явлениями. От других членов команды, уже какое-то время находящих-ся на станции, Кельвин узнаёт, что к каждому рано или поздно начинают являться «гости» — физические воплощения их самых сокровенных воспоминаний, чувств и желаний.

Для Соляриса эти эфемерные создания являются посредниками для установления контакта с людьми. Контакт и является главной темой романа. Возможен ли он с интеллектом, не имеющим ничего общего с человеческим? Можем ли мы понять то, что так существенно отличается от нас, когда мы с трудом понимаем даже друг друга? Что уж говорить о понимании своего внутреннего Я. Погружаясь в сюжет, листая страницу за страницей, из головы все не выходят слова: *«Мы не ищем никого, кроме человека. Нам не нужны другие миры.»*

Нам нужно наше отражение. Мы не знаем, что делать с другими мирами. С нас довольно и одного, мы и так в нем задыхаемся».

Интересным фактом является то, что на родном языке автора название планеты Солярис — женского рода, а у привычного нам русского перевода — мужского. Поэтому польскому читателю легче представить таинственную планету «живородящей».

Читателя не оставит равнодушным и литературный стиль Лема, сочетающий научную точность с философской глубиной. Автор мастерски создает яркие и запоминающиеся образы: помимо «гостей», читатель надолго запомнит «мимойды», «симметриады» и прочие образования, которые способен породить мыслящий океан, а также проникнется каждым персонажем, находящимся на космической станции.

**ЭДУАРД ЛИМОНОВ. «ДНЕВНИК НЕУДАЧНИКА,
ИЛИ СЕКРЕТНАЯ ТЕТРАДЬ»
Рецензия Нино Дряевой**

«Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» — это автобиографический роман Эдуарда Лимонова, отечественного публициста и политического деятеля, более известного по книге «Это я — Эдичка». «Дневник неудачника» замыкает нью-йоркскую трилогию. В 1991 году книга с правками была впервые опубликована в России. Название книги сразу цепляет взгляд. Слово «неудачник» обозначает так называемую роль лирического героя, а сочетание «секретная тетрадь» намекает на приватный характер записей.

Одной из главных тем романа является тема неудачи и борьба с ней. Лирический герой — эмигрант из СССР Эдичка — переживает переломный момент в жизни. Он анализирует свои личные поражения, ищет себя и свое место в мире. Записи, что он ведет, отражают изменения в мировоззрении, чувства и переживания. Порой эти размышления носят самый откровенный характер, местами даже провокационный. Свою неудовлетворенность Эдичка компенсирует беспорядочными половыми связями и алкоголем. Еще одним немаловажным вопросом, который освещается в романе, является политика и общественная жизнь. Герой Лимонова часто выступает в роли оп-

позиционера, так как не стесняется открыто критиковать общественный строй и политический режим. Эдичка не боится признавать свои ошибки и всегда остается честным перед собой, благодаря чему между ним и читателем складываются доверительные отношения. Таким образом, автор хочет сказать, что человек может бороться с несправедливостью и способен изменить мир вокруг себя. Сам Лимонов писал: «Я люблю, что я авантюрист».

Дневниковая форма повествования делает текст непосредственным и доступным для читателя. Каждая запись в этом секретном дневнике является отдельным эпизодом в бурной жизни героя. Между собой отрывки не связаны. Лимонов искусно описывает внутренние конфликты Эдички. Сумбурный характер записок придает тексту особую атмосферу и характеризует главного героя как человека непостоянного и весьма ветреного. Автор использует достаточно грубый язык. «Грязный реализм», нецензурная лексика делают произведение эмоциональным, живым и острым. Лимонов не использует сложных оборотов, он прям и откровенен с читателем. Особой откровенностью отличаются эротические сцены, написанные очень натуралистично, так как автор известен своим провокационным стилем письма. Подобная манера может шокировать неподготовленную аудиторию. Стоит, однако, заметить, что описания такого рода создают не только образ героя, но и отражают ту реальность, в которой он пребывает.

Преимуществом книги является актуальность для широкой аудитории. Она затрагивает важные темы, такие как кризис, выгорание, одиночество, поиск своего предназначения, самопознание и борьба с трудностями. Произведение даже может послужить образцом для тех, кто также находится в поиске себя. Эдичка не терял надежд, никогда не переставал изворачиваться для достижения лучшей жизни, ради которой был готов на многое.

Книга реалистично передает настроения, царившие в обществе 70-х годов прошлого века, когда люди вконец устали от притворства и криводушия. «Я вижу: почти все несчастливы. Что с ними делать?» — этим вопросом задается главный герой романа. Молодое поколение претерпевало разочарование в существующей системе и искало иные способы существования. Тогда-то Лимонов и стал глотком свежего воздуха в литературе. Он не первый, но и не последний в списке писателей того времени.

Книгу можно отнести как к автобиографическому роману, так и к дневниковой прозе. Однако, несмотря на то что произведение основано на реальных событиях, доля художественного вымысла там присутствует.

«Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» — одно из немногих произведений своего времени, которое освещало табуированные темы. Лимонов легко описывал алкогольные кутежи своего лирического героя, сексуальные предпочтения и половые акты. Роман не был подвергнут романтизации и приукрашиванию. В нем жизнь показана такой, какая она есть, что было в новинку для тогдашнего читателя.

Таким образом, роман «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» является примером реалистичной прозы, которая имеет глубокий философский подтекст и становится при этом ярким свидетельством 1970 годов.

ЭЛИНА АГУЗАРОВА. «КОРАБЛЬ ТЕСЕЯ» Рецензия Дарьи Козловой

Как миниатюра может натолкнуть на прочтение древнегреческой мифологии, сайтов по философии и психологии? Очень просто. Ведь идея способна скрываться как за страницами многотомного романа, так и за четырьмя строчками стихотворения.

Элина Агузарова — студентка магистратуры факультета русской филологии СОГУ имени К. Л. Хетагурова. В декабре 2023 года она приняла участие в конкурсе кавказской фантастики «Система знаков», организованном литературным журналом «Дарьял» совместно с интернет-провайдером «М2 Коннект», и заняла 1-е место в номинации «Миниатюра».

Уже само название миниатюры — «Корабль Тесея» — намекает читателю, о чем будет история. Греческий миф, пересказанный Плутархом, гласит о том, что корабль, на котором Тесей вернулся в Афины, хранился горожанами и ежегодно отправлялся на Делос со священным посольством. Перед каждым плаванием осуществлялась починка корабля, при которой заменялась часть досок. Спустя время они были заменены все. Вследствие чего среди философов возник спор: это все тот же корабль или уже новый?

Миниатюра повествует об Ацамазе, участнике Великой войны против машин, который возвращается в родное село по особому поводу — рождение племянника. Но тот же ли он? Ведь теперь молодой человек на девяносто процентов состоит из *«металлических пластин и проводов»*. Ацамаз проводит время с братом, размышляя о долге, семье и любви; так как в селе нет электричества, он вынужден беречь заряд аккумулятора, обеспечивающего жизнедеятельность. На шестой день недельного отпуска отец, который, кажется, единственный сомневается в «подлинности» сына, вдруг просит того помочь с пахотой. Движимый сыновним чувством, Ацамаз идет в поле. Сначала устают отец, следом останавливаются две лошади. Тогда Ацамаз сам впрягается в плуг и тратит остатки заряда на то, чтобы доделать работу.

Еще в начале миниатюры Агузарова задает читателю вопрос через образ главного героя, который *«превратился в машину»*: если все составные части исходного объекта были заменены, остается ли объект тем же объектом? И тут же как бы подсказывает читателю: *«Частично сохранился кожный покров, мозг и два голубых огонька в мутных белках глаз, глядя в которые можно было обнаружить человека, спрятанного за стальной оболочкой»*. Всем известна пословица: «Глаза — зеркало души», что и подчеркивает автор. Она солидарна с решением Аристотеля: суть объекта — самая важная его характеристика, и если изменен лишь износившийся материал, то это все тот же объект. Таким образом, происходит оценка не с физической, а с моральной точки зрения.

Девяностопроцентная замена частей тела главного героя резко контрастирует на фоне неизменившегося, «отсталого» села и его жителей. Каждый по-своему воспринимает эти изменения. Так, например, по репликам брата и матери совершенно ясно, что для них внешние изменения Ацамаза не играют никакой роли. Однако отца, как и соседей, преобразования эти заставляют задуматься.

Несмотря на то что за всю миниатюру главный герой не произносит ни слова, мы знаем, о чем он думает. Размышления о любви, долге, поддержании семейных традиций подсказывают, что самое главное в людях — морально-нравственные принципы. Метаморфозы могут происходить сколько угодно, но если человек не будет оставаться человеком (в привычном восприятии высказывания), что же тогда случится?

К тому же выводу приходит в финале и отец Ацамаза. Его устами Агузарова озвучивает решение парадокса корабля Тесея: *«Да, все ж*

таки это мой мальчик». И щелчок, сопроводивший отключение механического сердца главного героя, как красивая и абсолютно логичная точка, завершает миниатюру.

Автор также поднимает темы глобальной кибернетизации, общественного мнения и традиций. Выдержанная интонация на протяжении всей миниатюры помогает точнее передать авторскую мысль и заручиться пониманием читателя. Агузарова почти не использует обрубленных и перегруженных предложений, позволяя таким образом не упускать сюжетной нити.

Эту историю наверняка по достоинству оценят те, кто любит смаковать философское послевкусие.

ЮКИО МИСИМА. «ИСПОВЕДЬ МАСКИ» **Рецензия Алёны Кулаевой**

Юкио Мисима — одна из самых известных и противоречивых личностей Японии XX века. За свою недолгую жизнь он успел прославиться не только как поэт и писатель, но и как актер, спортсмен и политический деятель. Однако самое важное наследие Мисимы — его художественные произведения. Писатель обладал неповторимым стилем; в своих книгах ему удалось соединить японское восприятие жизни и смерти с глубоким психологизмом героев.

К биографии Мисимы невозможно остаться равнодушным, особенно после изучения его произведений — каждый текст несет отрывки из полумифической жизни «последнего самурая».

Больше всего японский писатель прославился своей смертью. В 1970 году Мисима с четырьмя членами «Общества щита» приехал на базу сухопутных войск в Итигае и взял в заложники командующего. С балкона кабинета командира Мисима обратился к солдатам, призывая совершить государственный переворот, чтобы вернуть Японии былое могущество: «Жизнь — на алтарь отечества!» Воззвание было проигнорировано личным составом военной базы, и Мисима совершил харакири. По традиции, его ученик по имени Морита должен был избавить своего мастера от мук — добить его, отрубив голову. Однако две попытки оказались неудачными, поэтому другой ученик, Фуру-Кога, выхватил меч и завершил ритуал. Затем Морита, встав на колени возле тела Мисимы, сделал харакири вслед за мастером.

● *Идея «красивой» смерти в творчестве Мисимы всегда была ключевой: «...смерть — мгновенная, вездесущая, всегда стоящая рядом. Поэтому, это единственная подлинно соблазнительная, подлинно захватывающая, подлинно эротическая концепция». Именно эту мысль писатель вкладывал в уста героев*

Вершина творчества Мисимы — роман «Исповедь маски», опубликованный в 1949 году. Это произведение привлекло к писателю значительное внимание общества, несмотря на неоднозначную реакцию публики: с одной стороны, в тексте присутствуют довольно откровенные описания внутреннего мира человека и эротических фантазий главного героя, а с другой — автор мастерски владеет словом.

Действие книги охватывает один из самых кровавых периодов японской истории — 1925–1947 годы. Повествование идет от первого лица и представляет собой жизнеописание самого Мисимы, поэтому во время прочтения текста возникает ощущение полного погружения в мысли и чувства героя.

Главный герой — Кими — постепенно рассказывает о своем детстве, юности, о первой любви и войне, накрывшей Японию в начале XX века. И в каждый период своей жизни Кими приходится бороться со своей «неправильностью», которая заключается в том, что юноша одержим смертью и кровавыми эротическими фантазиями. Именно в смерти герой видит «*подлинную цель жизни*». На протяжении всего романа юноша подробно описывает попытки утаить свои пороки под некой «маской». Самый яркий пример — мнимая влюбленность Кими в Соноко: парень пытается заставить себя влюбиться в сестру лучшего друга, чтобы отречься от маниакальных фантазий, однако признается, что совершенно ничего не чувствует, находясь рядом с ней.

Второй ужасающий пример — сцена после ядерной атаки на Хиросиму. Кими, наблюдающий за страданиями медленно и мучительно умирающих людей, начинает испытывать сексуальное влечение.

Эти пороки захватывают разум юноши, поэтому на протяжении всего романа герой находится в состоянии собственной отреченности.

Однако, несмотря на жестокость и «ненормальность», Кими не вызывает отвращения: Мисима своим умением правильно владеть словом аккуратно подводит читателя к откровениям героя.

Название романа достаточно четко отражает его суть. «Исповедь маски» — исповедует не автор, а некая личина, не способная испытывать ничего, кроме сексуальной и маниакальной страсти.

Это произведение невозможно читать быстро, каждый абзац словно выдергивает из реальности, каждое слово пропитано противоречием, что заставляет периодически окунаться в собственные мысли.

«Исповедь маски» — сложный, эстетический, философский роман. После прочтения появляется осадок, постичь который позволит лишь сам автор.

ФРЭНСИС ЭЛИЗА БЁРНЕТ. «ТАИНСТВЕННЫЙ САД»

Рецензия Залины Яхъяевой

Фрэнсис Элиза Бёрнет — англо-американская писательница, прославившаяся романами, в которых добро борется со злом и всегда побеждает. Чтобы финансово помочь своей семье, она с раннего возраста начинает писать. «Таинственный сад» — один из самых популярных ее романов. На русском языке книга впервые была опубликована в журнале «Родникъ», предположительно, в 1912 году в переводе Розалии Рубиновой; в дальнейшем было сделано еще несколько переводов.

Роман повествует о десятилетней девочке Мери Леннокс, которая после смерти родителей переезжает из Индии в Англию к своему дяде Арчибальду Крэвену. Жизнь в поместье Мери считает довольно скучной, пока однажды не узнает о заброшенном саде, ключ в который был закопан где-то на территории поместья. По удивительному стечению обстоятельств она находит этот ключ, после чего начинается невероятное приключение Мери и ее друзей, которое изменит жизнь всего поместья.

Книга была положена в основу двух мюзиклов и оперы, а также множество раз экранизирована.

Одной из сильных сторон произведения является то, что истина, в нем заложенная, написана простым, чистым языком.

Автор тонко передает атмосферу английской природы, затягивая читателя и позволяя окунуться в мир приключений и тайн. Вне зависимости от времени года роман позволяет прочувствовать ту теплую весеннюю пору, *«когда все кругом оживает, цветет и приобретает новые яркие краски»*.

Впечатления после прочтения были двоякими. С одной стороны, все предельно ясно, но, немного поразмыслив, понимаешь, что в этом произведении затрагиваются важные темы.

Тема внутренних изменений героини красной линией проходит через весь роман, давая нам понять, что под влиянием своего окружения все люди меняются, и в данном случае изменения оказались положительными.

На протяжении всей книги не покидает ощущение, что я вместе с героями заново познаю этот мир, заново ощущаю всю его красоту, которую мы привыкли не замечать. Например, то, с каким интересом и волнением дети изучали окружающий мир, подтолкнуло задуматься, что красота ведь в мелочах: в маленьком ростке, который еле выглядывает из-под земли и вызывает у нашей героини восторг, в трепетном отношении детей ко всему живому, в возможности видеть и ощущать перемены в погоде, в возможности просто быть самим собой, в возможности жить. Красота в самих нас, что неоднократно доказывала Мери Леннокс.

Без отрицательных эмоций тоже не обошлось. В начале книги возмущает поведение взрослых, которые так холодно относились к детям. Было жаль Мери, из-за чего и хотелось оправдать ее скверный характер и поведение. Она оказалась *«забытым ребенком»*, о котором никто и не вспомнил при вспышке болезни. Та же ситуация и с ее кузеном Колином — родной отец не хотел видеть его, а все окружающие считали Колина *«вечно больным мальчиком, который в скором времени умрет»*.

В заключение скажу, что роман учит тому, что забота и любовь могут *«оживить»* что угодно, будь то сердце или запущенный сад. Рекомендую для прочтения всем читателям, независимо от возраста.

АВТОРЫ НОМЕРА

АБАЕВ Олег родился во Владикавказе в 2006 году. В пятнадцать лет переехал в Москву. Окончил Технологический колледж при РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева по специальности «Ветеринарный фельдшер». Работает в московской ветклинике. Ранее не печатался.

АРДАШЕВА Маргарита родилась в Ставрополе в 1996 году. Окончила магистратуру «Филология: русская литература» Северо-Кавказского федерального университета. Участник XV и XVI Международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (г. Звенигород). Произведения опубликованы в журналах «Дарьял», «Новая юность», «Сура» и др.

БЕЛИКОВА Мадина родилась в Париже, Франция. Училась в Московском государственном текстильном университете им. Косыгина на факультете прикладного искусства, а затем окончила Central Saint Martins College of Art and Design (Центральный колледж искусства и дизайна им. Святого Мартина) в Лондоне. Работала в различных домах моды в Париже, а затем в Москве. Профессионально начала заниматься живописью и участвовать в выставках с 2022 года. Живет в Москве.

БИГАЕВА Диана — художник-график, дизайнер, иллюстратор. В 1997 году окончила Московский государственный академический институт им. В. И. Сурикова, факультет графики. Член Союза художников России с 2002 года. Работает в направлениях «станковая графика» и «иллюстрация», преимущественно в техниках черно-белой графики и шелкографии. С 2002 года является постоянным участником региональных и всероссийских выставок и конкурсов («Образы прошлого», «Образ женщины в искусстве» и др.). С 2021 года сотрудничает с ведущими российскими издательствами над сериями классических и современных произведений литературы, ведет курсы по каллиграфии, шрифтам, леттерингу, графическому дизайну, брендингу, стилям в изобразительном искусстве и является педагогом кафедры графического дизайна Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова.

БИТОКОВА Марина — филолог, критик. Родилась в Нальчике. Кандидат филологических наук, преподаватель Кабардино-Балкарского госуниверситета. Публиковалась в литературных и научных журналах (более 20 научных статей), журналист портала «Это Кавказ». Автор телеграм-канала «Черный ветер». Участник яснополянской Школ критики им. В. Курбатова (2021–2023), тематической резиденции «Травма: как писать о боли» Дома творчества «Переделкино» (2021). Член жюри номинации «Молодость» литературной премии «Ясная Поляна», эксперт Северо-Кавказского форума молодых писателей (Владикавказ, 2023). Кинообозреватель в различных СМИ Северного Кавказа.

БЛАГОВА Дарья родилась в Кавказских Минеральных Водах в 1993 году. Автор романов «Южный ветер» и «Течения». Номинант премий «Национальный бестселлер» (2022), «Ясная Поляна» (2023 и 2024), «Большая книга» (2024), резидент Дома творчества «Переделкино», выпускница Школы литературных практик. Публиковалась в литературных журналах «Юность», «Дружба народов», «Артикуляция», сборниках «Одной цепью», «Срок годности», «Механическое вмешательство», «Тело». Живет в Кавминводах.

ВИЗИРОВА Полина родилась в 2003 году во Владикавказе. Окончила школу № 7. Студентка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, лауреат всероссийских переводческих конкурсов. Изучает английский, финский и французский языки. Переводит поэзию в паре английский — русский, русский — английский. На ее счету переводы стихов таких поэтов, как Элизабет Бишоп, Сергей Есенин, Перси Шелли, Кристина Россетти, Ирина Гуржибекова и др.

ГАНАЕВ Заур родился в 1990 году в Грозном. Участник форума молодых писателей Фонда Сергея Филатова. Публиковался в журналах «Звезда», «Эмигрантская лира», «Дарьял», «Дактиль» (Казахстан), в «Литературной газете», на портале «Полутона». Автор сборников стихов «Бумажный солдат» (2020) и «Когда ты человек, а не ружье» (2022). Живет в Испании.

ГОБЕТИ Диана родилась в 2003 году во Владикавказе. Окончила Северо-Осетинский государственный университет по направлению «Изобразительное искусство». Заведует студий рисования для детей. Студентка исторического факультета магистратуры СОГУ. Живет во Владикавказе.

ГОБОЗОВА Агунда родилась в 2001 году. Окончила Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова по направлению «Осетинская филология». Работает пресс-секретарем

Комитета РСО-Алания по туризму. Первые рассказы были написаны и опубликованы на осетинском языке в журнале «Мах дуг» (2021, 2022). Затем начала писать на русском языке. Неоднократно была участницей мастерских для молодых писателей от АСПИР. Живет во Владикавказе.

ДАЦАЕВ Магомед родился в 1994 году в Грозном. Окончив 9 классов средней школы, поступил в Чеченский государственный колледж на финансовый факультет, а после обучался на факультете менеджмента Грозненского государственного нефтяного технического университета. Также окончил Чеченский государственный педагогический университет. Преподавал в местной школе английский язык. Летом 2021 года ушел с работы, чтобы посвятить себя полностью писательству. Среди своих фаворитов выделяет Говарда Лавкрафта. Работает в Грозном сотрудником книжного магазина, пишет роман.

ДЖИОЕВ Сергей родился в 1956 году. Жил и учился в Тбилиси. Окончил музыкальное училище по классу контрабаса в Костроме, а в 1986 году — историко-филологический факультет Юго-Осетинского педагогического института. Активно участвовал в творческой жизни студенчества — писал стихи, играл в рок-группе. Скончался в Москве в 1992 году. Стихи публикуются впервые.

ДИГРУБЕР Ризван родился в 1995 году в Ставрополе, окончил Санкт-Петербургский государственный технический университет по специальности «Морское приборостроение». Стихами увлечен с детства, но пишет недавно, около двух лет. Ранее не публиковался.

ЖИДКОВА Лилия родилась в 1990 году в станице Григоропольской Ставропольского края. В 2013 году окончила Северо-Кавказский федеральный университет по специальности «Юриспруденция». С 2015 года слушательница Школы литературного мастерства г. Ставрополя. Публиковала свои произведения в сборниках Школы литмастерства, «Литературное Ставрополье», в «Роман-газете», газетах «Ставропольская правда», «Вечерний Ставрополь». Стипендиат премии губернатора Ставропольского края, Литературного фонда имени В. И. Сладневой, участник и лауреат региональных литературных конкурсов. С июня 2024 года — председатель Совета молодых литераторов Ставрополья Союза писателей России. Работает юристом и живет в Ставрополе.

КАРГИНОВ Азамат родился в 1990 году во Владикавказе. В 2012 году окончил биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Работает в ФИЦ Биотехнологии РАН научным сотрудником.

ЛОБОВА Александра родилась в 2002 году в Норильске. Студентка четвертого курса Пятигорского государственного университета (специальность «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Публиковалась в университетской газете «Слово ИПРИМ», творческом альманахе «Доска Ковчега», журнале «Открывающий и преобразующий мир». Участник мастерской для молодых писателей от АСПИР 2022 и 2023 годов. В 2022 году вышел сборник собственных произведений «Брось камень тот, кто без греха».

ХАДАЕВА Зарина родилась в 1996 году во Владикавказе. Окончила актерское отделение факультета искусств и факультет русской филологии СОГУ. Художественный руководитель театра-студии «Грани», педагог по актерскому и ораторскому мастерству, педагог-режиссер театра «Отражение».

ХАСИЕВ Батраз родился в 1975 году в Грузии. В 1991 году переехал во Владикавказ. В 1996 году окончил технологическое отделение ВТЭТ. Работает в сфере услуг в строительной отрасли. Занимается музыкой, сочинительством песен. Ранее не публиковался.

ХОДОВА Аминат родилась в 2003 году в городе Первоуральске Свердловской области. Студентка факультета журналистики Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Начала писать стихи в 9 лет. Публиковалась в газете «Слово». Член секции поэзии Союза писателей Северной Осетии.

ХОСТИКОВЕВ Георгий родился в 1999 году во Владикавказе. Детство провел с семьей в Йошкар-Оле, в 2016 году вернулся в Осетию. Окончил СКГМИ по специальности «Юриспруденция», работает на телеканале «Осетия-Ирыстон». Ранее не публиковался.

ХУГАЕВ Тимур родился во Владикавказе в 1999 году. В 2019-м окончил школу в с. Тарском Пригородного района Северной Осетии. Студент второго курса Литературного института им. М. Горького, семинар прозы.

ЦХУРБАЕВ Алан родился в 1976 году в Тбилиси. В 1991 году в результате разгорающегося осетино-грузинского конфликта переехал с семьей во Владикавказ. В 1999 году окончил французское отделение факультета иностранных языков СОГУ. Работал грузчиком, сторожем, экспедитором. В 2004 году освещал террористический акт в Беслане и следовавшие за этим судебные процессы. Работал корреспондентом ряда российских и зарубежных СМИ. С марта 2018 года — главный редактор журнала «Дарьял». Там же опубликованы первые художественные рассказы (1997). Также имеет публикации в журнале «Дружба народов», других периодических изданиях. Составитель сборника прозы современных писателей Осетии «Здесь были».

ШАНАЕВ Давид родился в 2006 году во Владикавказе. Окончил школу № 7, неоднократно принимал участие в республиканских литературных конкурсах. В данный момент живет в Москве.

ЯНГИЕВА Асват родилась в 1989 году в Москве. Родом из селения Гази-Кумух, Республика Дагестан. В 2011 году окончила юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, работала как международный и судебный юрист. В 2018 году эмигрировала во Францию. Живет в Париже.

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

Журнал основан в 1991 году и поддерживает
традиции литературной периодики
в Северной Осетии.

Издается на русском языке и представляет
осетинский и в целом кавказский
литературный процесс
русскоязычному читателю.

«Дарьял» стремится соответствовать
своему времени и отвечать на его запросы.

Выходит шесть раз в год.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
18668

В оформлении обложки использована картина
Мадины Беликовой «CHIFFON #5»

ЖУРНАЛ «ДАРЬЯЛ» — ЭТО:

- Литературно-художественное издание, представляющее культуру и искусство Осетии всему миру
- Поле для исторических и философских дискуссий
- Площадка для молодежных экспериментов и идей
- Дружелюбная творческая среда, объединяющая народы Кавказа

 vk.com/darial.review | t.me/darialreview